

Новые государства Центральной Азии в условиях формирования полицентричного мира

Душанбе - 2017

**РОССИЙСКО-ТАДЖИКСКИЙ (СЛАВЯНСКИЙ) УНИВЕРСИТЕТ
ЦЕНТР ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ЦЕНТР СТРАТЕГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ
РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН**

**НОВЫЕ ГОСУДАРСТВА ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В УСЛОВИЯХ
ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИЦЕНТРИЧНОГО МИРА**

**Материалы Международной научной конференции
(г.Душанбе, 16 марта 2017 года)**

Душанбе-2017

УДК 327(470:574/575)(063)
ГРНТИ №Р76

Новые государства Центральной Азии в условиях формирования полицентричного мира (Душанбе, 16 марта 2017 г.). – Душанбе: РТСУ, 2017. – 265с.

Ответственный редактор: Г.М. Майтдинова – директор ЦГИ РТСУ,
доктор исторических наук, профессор РТСУ
Рецензенты: В.В. Дубовицкий – доктор исторических наук
Х.С. Саидов – доктор политических наук

Редакционная коллегия:

Шамбезода Х.Д. - проректор по науке и инновациям,
доктор филологических наук, профессор РТСУ
Майтдинова Г.М. - директор ЦГИ РТСУ,
доктор исторических наук, профессор РТСУ
Каримова Н.И. - начальник отдела науки РТСУ,
кандидат филологических наук
Баратова Р.В. - редактор

В сборнике опубликованы материалы Международной научной конференции «Новые государства Центральной Азии в условиях формирования полицентричного мира», организованной Центром геополитических исследований РТСУ и Центром стратегических исследований при Президенте Республики Таджикистан при поддержке посольства Российской Федерации в Республике Таджикистан. В сборнике акцентировано внимание на проблемах реализации национальных интересов государств Центральной Азии в условиях геополитических перемен, рассмотрены национальные стратегии стран региона, а также векторы их интеграции. Особое внимание уделено рассмотрению экономического и социокультурного сотрудничества государств в условиях формирования нового полюса развития в Центральной Азии.

Не меньший интерес представляют экспертный анализ политики новых государств по созданию кооперативной системы безопасности Центральной Азии в свете новых угроз и вызовов стабильности и сценарный прогноз геополитической обстановки в Центральной Азии на 2017 год.

Книга предназначена для специалистов внешнеполитических ведомств, исследователей проблем международных отношений, политологии, истории, культурологии и для всех тех, кто интересуется проблемами международных отношений.

Рекомендовано к печати РИС РТСУ

ЦГИ РТСУ, Центр стратегических исследований при Президенте РТ, Посольство РФ в РТ не несет ответственности за мнения и оценки экспертов, высказанные в данной издании

©Центр геополитических исследований Российско-Таджикского (Славянского) университета-2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

Салихов Н.Н. Вступительное слово ректора Российско-Таджикского (Славянского) университета.....	8
Лякин-Фролов И.С. Приветственное слово Чрезвычайного и Полномочного посла Российской Федерации в Республике Таджикистан.....	10
Холикназар Х. Таджикистан в борьбе против новых вызовов радикализма и религиозного экстремизма.....	12
Сейтимов Н.М. Развитие Казахстана на современном этапе.....	21
Монин С.М. Историческая политика как фактор формирования национальной идентичности на постсоветском пространстве.....	33
Сафранчук И.А., Искандаров А.И. Глобализация и регионализация для Центральной Азии.....	40
Крупнов Ю.В. Евразийский центр нового мирового порядка после «революции Трампа».....	49
Ведута Е.Н. Стратегическое планирование экономики России и стран Центральной Азии в условиях формирования полицентричного мира.....	53
Умаров Х.У. Неформальная интеграция – путь к ускорению темпов экономического роста.....	63
Латифов Д.Л. Центральная Азия через призму президентских выборов США – 2016.....	73
Савин Л.В. Баланс сил и гегемония: преодоление западнцентричного подхода в контексте эмерджентной многополярности.....	80
Нуриддинов Р.Ш. Информационная безопасность постсоветских государств Центральной Азии в условиях глобализации и регионализации.....	90
Майтдинова Г.М. Влияние геополитических факторов на интеграцию государств Центральной Азии.....	100
Искандаров К. Современная военно-политическая ситуация на севере Афганистана и перспективы ее развития в 2017 г.....	111
Сангинов Н. Политика государств Центральной Азии по созданию кооперативной системы безопасности в рамках ОДКБ в свете новых угроз и вызовов стабильности.....	118

Дубовицкий В.В. Безопасность Среднеазиатского региона Центральной Азии в свете изменения ситуации в Афганистане (2015-2017 гг.).....	127
Раджабов С.А. Превентивная дипломатия в системе безопасности Центральной Азии в свете новых угроз и вызовов стабильности.....	137
Ризоен Ш. Инструменты «мягкой силы» и реализация национальных интересов Таджикистана.....	146
Мухидинов С.Р. Таджикско-туркменские отношения (1991-2001 гг.).....	154
Ульмасов Р. Миграционная философия Трампа.....	167
Файзуллоев М.К. Реализация стратегии импортозамещения в Республике Таджикистан: инновационный механизм.....	171
Кулинцев Ю. ШОС и Экономический пояс Шелкового пути: геополитические интересы участников.....	176
Мамадазимов А.М. Кристаллизация «регионального лица» Центральной Азии.....	186
Мухаббатов Х.М. Водные ресурсы и проблемы гидроресурсов Таджикистана.....	195
Рахмонов А.С., Рахмонов Б.Ш. О некоторых особенностях рекрутирования и финансирования религиозно-экстремистских организаций в Центральной Азии.....	206
Шарипов А. Новые угрозы безопасности постсоветских государств Центральной Азии в условиях формирования полицентричного мира.....	224
Шаропов О.М. Потенциал и перспективы общественной дипломатии Республики Таджикистан.....	232
Коваленко Г.В. Влияние на геополитическую обстановку в Ферганской долине внешних сил.....	236
Арабова Ш.М. Проблемы развития национального кинематографа государств Центральной Азии в условиях многополярного мира.....	244
Нуров М.Н. Имидж Республики Таджикистан в виртуальном пространстве.....	255
Резолюция Международной научной конференции «Новые государства Центральной Азии в условиях формирования полицентричного мира».....	263

Предисловие

В середине второго десятилетия XXI века новые государства Центральной Азии играют все более активную роль в формировании современной системы международной и региональной безопасности. Центральная Азия обретает все более важное геостратегическое значение в современном мире. Роль региона в современной геополитической динамике мира усиливается. В условиях формирования полицентричного мира центральноазиатский регион может стать одним из новых центров развития с учетом имеющегося геополитического потенциала. В государствах Центральной Азии есть понимание того, что усилия по разработке, согласованию и реализации совместных проектов развития являются надежной основой для установления нового, более справедливого миропорядка, направленного на достижение благополучия и процветания всех народов региона и глобального мира. Сохранение и дальнейшее развитие существующих механизмов сотрудничества в Центральной Азии отвечает ключевым интересам всех стран региона.

В сборнике материалов Международной научной конференции «Новые государства Центральной Азии в условиях формирования полицентричного мира», которая прошла 16 марта 2017 г. в Российско-Таджикском (Славянском) университете рассматриваются актуальные проблемы регионального развития и безопасности в условиях формирования нового мирового порядка. Организаторами конференции выступили Центр геополитических исследований РТСУ при поддержке Центра стратегических исследований при Президенте РТ и Посольства Российской Федерации в Республике Таджикистан. Целью конференции являлось определение места и роли новых государств в условиях формирования полицентричного мира, а также выработка рекомендаций по реализации национальных интересов в условиях нового мироустройства. Экспертами подчеркивалась необходимость выработки общей стратегии развития общества для увеличения благосостояния жизни населения, а также углубления интеграционных процессов в регионе, восстановления транспортных и энергетических коммуникации, а

для сближения позиций центральноазиатских государств- шире использовать превентивную дипломатию и «мягкую силу».

В своих выступлениях эксперты отмечали, что существует целый ряд геополитических факторов, которые препятствуют полноценной реализации национальных интересов новых государств региона. К числу ключевых факторов, негативно влияющих на общее состояние стран Центральной Азии, относится отсутствие масштабных, направленных на совместное развитие социально-экономических и гуманитарных проектов. Кроме того, реализация национальных интересов государств Центральной Азии в условиях геополитических перемен зависит от обеспечения стабильности в регионе, а устойчивое политико-экономическое и социальное развитие стран региона является важнейшим фактором, от которого в решающей степени зависят стабильность евразийского пространства.

В ходе работы научной конференции участниками конференции была проанализирована политика новых государств по созданию кооперативной системы безопасности Центральной Азии в свете новых угроз и вызовов стабильности и подчеркнута, что от урегулирования афганского фактора и эффективного противодействия радикальным экстремистским организациям во многом зависит реализация многих стратегических проектов новых государств. Эксперты отметили, что важным и определяющим моментом является то, что для целенаправленной деятельности в борьбе с радикальными экстремистскими организациями необходимо обратить особое и серьезное внимание на источники финансирования, внутренние и внешние факторы их деятельности. В этой связи государствам Содружества Независимых государств, государствам-членам ОДКБ, ШОС, а также образованному Евразийскому экономическому союзу необходимо будет предпринять ряд совместных мер кардинального и масштабного характера для прорыва в проведении социально-экономических реформ, развития экономики, кардинального развития сферы образования в направлении использования современных инновационных и передовых технологий, воспитания культуры взаимного уважения, толерантности, дружбы и сотрудничества в обеспечении единой системы коллективной безопасности в ближайшие 5-10 лет. Анализ современных тенденций рекрутирования-вербовки и финансирования радикальных органи-

заций показывает и подталкивает государства региона продумать вопрос о совместном едином противодействии данному направлению, с возможностью развития взаимодействия структур и интеграционных процессов, прогнозирование и предвидение развития событий в Центральной Азии – на южном фланге СНГ.

Участники конференции особое внимание уделили обсуждению проблем кибергеополитики, а также вопросам гуманитарного взаимодействия государств Центральной Азии.

По итогам работы конференции участниками была принята общая резолюция.

Выступление ректора Российско-Таджикского (Славянского) университета

Салихов Н.Н.

Уважаемые участники Международной научной конференции!

Позвольте приветствовать вас в стенах нашего Российско-Таджикского (Славянского) университета. Организаторами нашего научного форума с РТСУ выступают Посольство Российской Федерации в Республике Таджикистан, Центр стратегических исследований при Президенте Республики Таджикистан и Центр геополитических исследований нашего университета. В конференции принимают участие представители Правительства Республики Таджикистан, дипломаты Таджикистана, России, Казахстана, Беларуси, Кыргызстана, известные российские эксперты, представители министерств Республики Таджикистан, ученые Академии наук, вузов Таджикистана и др.

В этом году исполняется 15 лет со времени создания Центра геополитических исследований РТСУ в 2002 году. Это был первый в Центральной Азии аналитический центр, который стал заниматься непосредственно проблемами геополитики с момента получения геополитической наукой своего «легитимного» места среди общественных наук на постсоветском пространстве. За годы своей деятельности ЦГИ РТСУ смог стать серьезной экспертной площадкой. В рамках Лиги молодых геополитиков ЦГИ РТСУ выросло целое поколение геополитиков, которые трудятся во внешнеполитических ведомствах, аналитических центрах и международных организациях. На всех своих форумах ЦГИ РТСУ со своими партнерами поднимали актуальные геополитические проблемы, делали прогнозы и выработывали рекомендации, столь необходимые для принятия политических решений. И настоящая конференция тому пример.

В условиях формирования нового мирового порядка в начале второго десятилетия XXI века в мире происходит становление новых центров развития. В последние десятилетия Центральная Азия с периферии региональной политики переместилась в один из перспективных центров мировой политики и экономики с учетом име-

ющего геополитического потенциала государств в условиях формирования новых параметров геополитического влияния. В настоящее время Центральная Азия является одним из самых динамичных регионов мира. Однако динамизм региональной ситуации и стратегия развития региона могут быть эффективно реализованы только в том случае, если определяемое ими международное сотрудничество будет опираться на стабильную и состоятельную государственность стран Центральной Азии. Постсоветские государства Азии стремятся строить свои двусторонние отношения с внешнеполитическими игроками в соответствии со своими интересами, моделями реализации и правилами игры. Происходящие в настоящее время в Центральной Азии трансформации должны дать импульс становлению новой геополитической архитектуры. Завершился этап становления новых государств на постсоветском пространстве, и набирают силы модернизационные процессы, которые должны привести к становлению в Центральной Азии нового центра развития в XXI веке.

Сегодня участники конференции обсудят проблемы национальных государств Центральной Азии спустя 100 лет после самоопределения, проблемы реализации национальных интересов новых государств и их интеграционные векторы в условиях геополитических перемен, а также дадут оценку подходам внешних акторов к региональному развитию. Особое внимание участников конференции будет акцентировано на анализе экономического и социокультурного сотрудничества постсоветских государств в условиях формирования нового полюса развития в Центральной Азии. Эксперты в своих выступлениях рассмотрят проблемы сетевых войн и информационные аспекты обеспечения стабильности Центральной Азии, а также обсудят геополитические вызовы мягкой силы. Предметом обсуждения экспертов будут внутривосточные проблемы постсоветской Азии и Афганистана, аналитики также рассмотрят проблемы безопасности в свете новых угроз и вызовов региональной стабильности. Прикладное значение будет иметь сценарный прогноз региональной геополитической обстановки в 2017 году, выработанный экспертами.

Уважаемые участники конференции, позвольте пожелать успешной работы конференции и позитивных практических результатов после нашего форума.

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО

Лякин-Фролов И.С.

**Чрезвычайный и полномочный Посол Российской Федерации
в Республике Таджикистан**

**Уважаемые коллеги,
Дорогие друзья!**

Тема нашей сегодняшней конференции весьма интересна и актуальна: «Новые государства Центральной Азии в условиях формирования полицентричного мира».

Прежде всего, как мне кажется, нужно понять, что такое формирующийся полицентричный мир? Само слово «полицентричный» уже дает определенный ответ на этот вопрос: это мир, где существуют различные центры принятия решений. Его еще именуют «многополярным». А значит, в условиях формирования такого мира не может быть одного или двух центров, из которых всему остальному миру диктуется их воля. В начале 90-х годов, после распада СССР, у некоторых стран, прежде всего у США, появился соблазн объявить себя единственным центром силы, единственной сверхдержавой. Однако прошедшие два с половиной десятилетия показали, что подобный подход иллюзорен. И наоборот, поступательное развитие России, рост экономического могущества Китая, Индии, Бразилии и других стран убедительно доказывает, что именно за полицентричным миром будущее, именно в этом мире наиболее эффективно страны Центральной Азии могут обеспечивать свои интересы.

Каковы же место и роль стран Центральной Азии в этом формирующемся мире? Этот регион, безусловно, всегда занимал важное геополитическое и геостратегическое положение. Достаточно вспомнить т.н. «Большую игру» за влияние в нем между Российской и Британской империй во второй половине 19-го века. Сейчас, в первой четверти 21-го века, другие времена, но внимание к нему со стороны крупных держав не ослабевает. А значит и сами цен-

тральноазиатские государства должны четко понимать, кто и с какими намерениями пытается оказывать влияние на ситуацию в этом обширном районе мира.

У России всегда были вполне законные интересы в Центральной Азии. Однако хотелось бы отметить, что они не противоречат национальным интересам самих стран региона. По многим вопросам мировой политики позиции России и стран Центральной Азии близки или совпадают. Не случайно со всеми пятью странами региона Россия поддерживает дружественные отношения и тесные экономические связи. Все они являются нашими партнерами по СНГ, и три из них, включая Таджикистан, являются нашими союзниками по ОДКБ.

Конечно, каждое из государств региона вправе само решить, как и в какой плоскости развивать контакты с внешним миром. Но едва ли кто-нибудь будет отрицать, что проверенные временем надежные связи с Россией помогали и помогают укреплению государственности и международных позиций стран Центральной Азии, не подрывая их суверенитета и самостоятельности на мировой арене.

Да, сегодня, хотя и с известными трудностями и противоречиями, идет процесс формирования многополярного мира – это реальность сегодняшнего дня. Этот процесс не только не противоречит, но и способствует развитию другой мировой тенденции – интеграции. Соответственно, интеграция в регионе Центральной Азии так же является велением времени.

Уверен, на нашей конференции пойдет важный и интересный разговор о наиболее актуальных проблемах Центральноазиатского региона и окружающего его мира.

Хотелось бы пожелать успеха участникам нашего сегодняшнего мероприятия, которое, несомненно, станет важным общественным и научным событием в жизни республики.

ТАДЖИКИСТАН В БОРЬБЕ ПРОТИВ НОВЫХ ВЫЗОВОВ РАДИКАЛИЗМА И РЕЛИГИОЗНОГО ЭКСТРЕМИЗМА

Холикназар Х.

**Директор Центр стратегических исследований
при Президенте Республики Таджикистан**

Серьезным источником внешнего риска распространения экстремизма и терроризма в Таджикистане и других странах региона остается сохраняющаяся сложная военно-политическая ситуация в соседнем Афганистане, где в последнее время отмечается существенная эскалация боевых действий. Имея в Центральной Азии самую протяженную линию государственной границы с Афганистаном, наша республика вот уже на протяжении нескольких десятилетий первая ощущает вызовы и угрозы из Афганистана и стоит на передовом рубеже борьбы с ними.

Особую тревогу вызывает проникновение из Афганистана радикальных течений ислама (такфиристского характера), проповедующих их исключительность и насильственные методы распространения. На сегодняшний день на первое место возведена деятельность Исламского Государства Ирака и Леванте (ИГИЛ), которое постепенно закрепляет свои позиции в Афганистане в рамках проекта «Халифат Хуросона», имеющего конечную цель построения халифата в пределах территорий нынешнего Ирана, Афганистана и Таджикистана.

За очень короткий промежуток времени ИГИЛ, захватив половину территорий Ирака и Сирии, построило там халифат и успел заявить о себе в мировом масштабе путем проведения жестоких террористических акций в различных странах. Опасность ИГИЛ для Республики Таджикистан обосновывается и тем, что в его рядах, наравне с представителями других государств, воюют более 1000 граждан Таджикистана.

Принимая во внимание масштабность угроз исходящих от ИГИЛ, практически все государства, в том числе и Республика Таджикистан, включились в борьбу против него. В течение более по-

лутора лет коалиционные силы во главе США и их союзниками с одной стороны и Россией и Ираном – с другой продолжают воздушные операции по уничтожению его боевых формирований. Однако до сих пор ИГИЛ не уничтожено полностью и продолжает удерживать захваченные территории с населением до 5-6 миллионов человек.

Россия вступила в борьбу против ИГИЛ в Сирии в сентябре 2015 г., и её действия признаются успешными. По последним данным, ВКС России из общего числа примерно 80 тысяч уничтожили 26 тысяч боевиков. В результате операции российской авиагруппы в Сирии удалось переломить ситуацию и подорвать ресурсную базу террористов. Seriously подорвана инфраструктура ИГИЛ, так как были уничтожены тысячи опорных пунктов, складов с боеприпасами, оружием, боевой техникой, материальными средствами, горюче-смазочными материалами и взрывчатыми веществами, более 200 объектов нефтедобычи, перекачки и переработки топлива, а также свыше двух тысяч средств доставки нефтепродуктов для контрабандной продажи в Турцию.

Вместе с тем, разность позиций России и Ирана, с одной стороны, США и их союзников – с другой по борьбе с ИГИЛ в Сирии не дают возможность окончательно уничтожить эту террористическую организацию.

Феномен ИГИЛ заключается в том, что благодаря умелой пропагандистской работе оно сумело привлечь на свою сторону сотни тысяч граждан со всего мира. Сегодня в его рядах воюют более 5 тысяч граждан России и 40 тысяч выходцев из европейских и азиатских стран. Несмотря на гибель многих своих боевиков в ходе боевых действий, рекрутеры ИГИЛ продолжают вербовочную работу, пополняя свои ряды.

Основными источниками финансирования ИГИЛ признаются:

- нелегальные доходы от оккупации территории, включая грабежи и кражи;
- ограбление банков, мародерство и торговля людьми;
- контроль над нефтехранилищами и газохранилищами;
- вымогательство в сельскохозяйственном секторе;
- добыча других ресурсов и производственные мощности;
- контрабанда памятниками культуры;

- незаконное налогообложение товаров и наличности, провозимых транзитом через захваченные территории;
- похищение с целью выкупа;
- пожертвования, включая пожертвования посредством некоммерческих организаций (НКО), и др.

Если раньше основой вербовки в ряды ИГИЛ была материальная заинтересованность, т.е. высокая зарплата за участие в боевых действиях, то сегодня пропагандистская машина ИГИЛ начала менять свою тактику вербовки, особенно к выходцам из Центральной Азии.

Так, в ранних пропагандистских видеороликах боевики ИГИЛ угрожали вернуться домой, свергнуть тираничные власти и ввести законы шариата, однако сейчас ИГИЛ призывает выходцев из Центральной Азии приезжать жить и защищать халифат со своими семьями. Идеологи ИГИЛ начали особо выделять «общественную справедливость» в халифате, религиозную «чистоту» и семейные ценности, чтобы растить детей по законам шариата.

Граждане стран Центральной Азии и России составляют третью, самую большую группу иностранных боевиков в ИГИЛ после выходцев из Западной Европы и Ближнего Востока. По официальным данным, русский язык стал третьим самым часто используемым языком в рекламных материалах ИГИЛ (после арабского и английского). ИГИЛ также профессионально готовит и успешно распространяет рекламные материалы на кыргызском, казахском, узбекском и таджикском языках.

В отрядах ИГИЛ работают профессиональные вербовщики, которые, по своей сути, – идеальные психологи. Они точно знают, как войти в доверие и убедить стать одним из них. Вербовщики пропагандируют, что только у них ислам соблюдается правильно, только у них может быть построено истинно исламское государство и что только эта религия – единственный верный путь, который приведет человека в рай. Они внушают, что в стране проживания жертвы ярко выражена социальная несправедливость, когда одни имеют все, а другие вынуждены выживать и влачить жалкое существование. Соответственно Исламское государство преподносится как идеальный мир, где каждому дается по его заслугам, где нет лжи и обмана, а честность и справедливость – его главные составляющие.

Но самым действенным оружием и самой распространенной площадкой для вербовки сторонников в экстремистскую организацию являются социальные сети. А соответственно под эту категорию вербовки попадает в основном молодежь. Это так называемая оффлайн-вербовка – самый удобный способ для террористов, поскольку для этого им не надо покидать родное место, а спецслужбы и другие заинтересованные структуры не успевают отслеживать вербовщиков, т.к. закрывается один аккаунт – открываются два новых. Интернет-технологии позволяют людям легко общаться с почти безграничной аудиторией в условиях относительной анонимности, быстро и эффективно преодолевая государственные границы. Современные технологии являются стратегическим фактором, используемым террористическими организациями и их сторонниками для решения широкого круга их задач. Так, через Skype молодых людей в ряды ИГИЛ заманивают девушки-красавицы. Девушки-турчанки общаются с парнями через различные сервисы, показывают себя, приглашают их к себе в Турцию, мол, там очень хорошо и нет проблем с работой, говорят, что готовы выйти замуж. Молодежь «ведется» на это, но, поехав туда, парни попадают не в рай, а в преступную сеть.

Через социальные сети террористы пропагандируют не только идеи радикального ислама в открытом виде, но и выкладывают видеозаписи, на которых запечатлены массовые убийства людей, казни «неверных» или то, что боевики делают с теми, кто не захотел стать одним из них. Это может привлечь молодых людей с их несостоявшейся психикой и не установившимися моральными взглядами. Интернет-пропаганда также включает видеоигры, имитирующие акты терроризма и побуждающие пользователей участвовать в игре в роли виртуального террориста, подсознательно готовя их, тем самым, к одобрению идеи террора.

Анализ информационного поля Республики Таджикистан свидетельствует о возрастающем масштабе использования Интернета в целях распространения экстремистских и террористических идей и призывов. Соответственно, большинство наших граждан попали в поле зрения вербовщиков ИГИЛ именно через Интернет.

В Республике Таджикистан сегодня насчитывается около 3 миллионов пользователей Интернета, из которых свыше 80% вольно или невольно получают посредством социальных сетей доступ к

материалам экстремистского характера. По последним данным Генеральной прокуратуры Республики Таджикистан, в составе ИГИЛ находятся 1094 таджикских граждан, большинство из которых являются приверженцами «салафизма». Из них 400 граждан – из Хатлонской области, 272 – из Согдийской области, 254 – из районов республиканского подчинения, 139 – из города Душанбе и 26 – из Горно-Бадахшанской автономной области Республики Таджикистан. 85% из них являются трудовыми мигрантами и попали в поле зрения вербовщиков ИГИЛ, находясь в Российской Федерации. На сегодняшний день из Сирии вернулось 60 граждан Республики Таджикистан, которые чистосердечно покаются в содеянном и амнистированы. Их жизнь не находится в опасности, и они не преследуются законом. Официально подтверждена гибель 300 таджикских граждан.

Основными факторами, стимулирующими попадание трудовых мигрантов в поле зрения вербовщиков ИГИЛ в Российской Федерации, являются:

- ведение активной пропагандистской и вербовочной деятельности среди трудовых мигрантов со стороны эмиссаров ИГИЛ;
- неблагоприятные условия пребывания, неустроенность, невыплата заработной платы, иные нарушения прав трудовых мигрантов, отдельные проявления насилия и ксенофобии, которые используются эмиссарами ИГИЛ;
- недостаточная эффективность работы консульств и представительств миграционной службы Республики Таджикистан и обществ таджикских мигрантов по защите прав трудовых мигрантов, проведению профилактики экстремизма среди трудовых мигрантов;
- слабая координация взаимодействия с правоохранительными органами и миграционными службами по защите прав трудовых мигрантов и предупреждению их вербовки со стороны эмиссаров ИГИЛ;
- недостаточный уровень разъяснительной и профилактической работы с трудовыми мигрантами на этапе домиграционной подготовки;
- религиозная и юридическая неграмотность трудовых мигрантов;

- отсутствие возможности самореализации своих идей и взглядов;

- мотивацией служит также зло и ненависть к окружающим.

Ко всем этим факторам следует отнести также трудное социально-экономическое положение Российской Федерации из-за западных санкций. В этих условиях трудовому мигранту очень трудно найти работу, соответствующую уровню жизни.

Эмиссарами ИГИЛ уделяется внимание вербовке не только трудовых мигрантов, но и других фанатично настроенных таджикских граждан внутри республики. Ярким примером является оффлайн – вербовка Гулмурода Халимова, бывшего командира ОМОН МВД РТ, и других. Гулмурод Халимов пропал в неизвестном направлении 23 апреля 2015 г. 27 мая через социальные сети он распространил видеообращение, в котором подтвердил свое присоединение к рядам боевиков ИГИЛ.

В последние годы эмиссары ИГИЛ активизировали свою нелегальную деятельность внутри Республики Таджикистан. Правоохранительными органами и специальными структурами страны ведется активный их поиск и задержание. Для решения данной задачи специальными службами и силовыми структурами республики также налажены тесные контакты с аналогичными ведомствами Российской Федерации, Афганистана, Пакистана, Турции и других стран, с которыми подписаны двусторонние соглашения об экстрадиции. На их основе задержанные на их территории граждане Республики Таджикистан, подозреваемые в причастности к ИГИЛ, своевременно переправляются в республику.

Так, в начале текущего года силовыми органами страны задержаны жители кишлака Хаёти нав Джабборрасуловского района Согдийской области граждане Ахмадов А. и Сатторов А. Указанные лица в мае 2015 г., находясь в городе Москве, попали в поле зрения вербовщика ИГИЛ Малабоева Илёса, который находится в розыске. Последний завербовал их и направил обратно в Республику Таджикистан для проведения агитационно-пропагандистской работы в интересах ИГИЛ. В соответствии с полученным заданием указанные лица в мечети «Абузар Гифори» по месту жительства занимались обработкой молодежи в духе джихадистской идеологии.

Активная совместная работа по поиску и задержанию таджикских граждан, причастных к ИГИЛ, организована на территории Российской Федерации, где в последнее время задержаны ряд преступников. Правоохранительными органами Российской Федерации в марте с.г. задержан и экстрадирован в Республику Таджикистан гражданин Одинамахмадов Хусейн по прозвищу «Кори Хусейн». В результате его допроса в следственном изоляторе города Курган-Тюбе установлено, что он является уроженцем и жителем Шахритузского района. Находясь в Российской Федерации в трудовой миграции, стал вербовщиком ИГИЛ. Он завербовал в Москве и способствовал выезду в Турцию для последующей отправки на сирийскую войну трех таджикских граждан.

Следственными органами Санкт-Петербурга по подозрению в вербовке в ИГИЛ задержаны таджикские граждане Шукуров Фируз и Ризоев Орзу, причем последний имеет двойное гражданство, так как был женат на россиянке, а Шукуров Ф. ранее депортировался по месту рождения. В отношении указанных лиц заведены уголовные дела по части 1 статьи 205 УК Российской Федерации «Содействие террористической деятельности».

В начале мая 2016 г. правоохранительными органами республики во взаимодействии с МВД Российской Федерации был предотвращен террористический акт членов группы ИГИЛ 9 мая в городе Душанбе. Руководителем группы был 22-летний житель кишлака Навбахор Кабадианского района Менгликулов Достон Хасанбоевич, который был задержан 6 мая 2016 г. в международном аэропорту Душанбе вместе с тремя сообщниками. Группа планировала провести серию терактов под условным названием «Красная свадьба» во время праздника Дня Победы в городе Душанбе. В частности, террористы намеревались подорвать 10 милицейских отделов в Душанбе, Кулябе, Файзабаде и Гарме.

В декабре 2015 г. Верховным судом Республики Таджикистан за участие в боевых действиях в Ираке на 14 лет по статье 401 Уголовного Кодекса республики (наемничество) был осужден житель Согдийской области Каюмов Мирзо. В течение полгода пребывания в тюрьме он в качестве эмиссара ИГИЛ завербовал граждан Таджикистана из числа заключенных – Юсупова Хабиба (осужден на 20 лет за разбой и незаконное хранение оружия) и Додохонова Рамзуллохона (осужденного также за наемничество на 20 лет). 17

июня с.г. при попытке бегства из тюрьмы Каюмов Мирзо был убит, Юсупов Хабиб был ранен. Додохонов Р. был убит позднее. Со слов раненного Юсупова Х., установлено, что они пытались присоединиться к ИГИЛ при помощи Каюмова Мирзо.

В розыске правоохранительных органов республики находится 26-летний житель села Туткавул города Нурек Азимов Анушервон, который известен как таджикский эмиссар ИГИЛ по прозвищу «Анас». По имеющимся сведениям, Азимову А. в течение последних двух лет удалось завербовать и мобилизовать на войну на Ближнем Востоке свыше 100 таджикских граждан. Так, 40% таджиков, вернувшихся из Сирии или по пути в эту страну, сообщили о том, что их завербовал в Москве молодой таджик по прозвищу «Анас». Информация об «Анасе» поступила правоохранительным органам еще полгода назад. Тогда он находился в России, но благополучно исчез после объявления его в розыск. Отправляя новых рекрутов под знамена ИГИЛ, он обещал присоединиться к ним через месяц. Он действовал по одной схеме: после завлечения в свои сети и «промывки мозгов» покупал молодым ребятам авиабилет из России в Турцию и через Интернет «сопровождал» их до границы с Сирией.

В начале июня 2016 г. за попытку создания нелегальных группировок салафитов и ИГИЛ на территории города Куляба к длительным срокам заключения осуждены ранее задержанные граждане республики Ашуров Тохир, имам-хатиб мечети Хилоли Ахмар, и Сайбурхон Умарзода, эмиссар ИГИЛ в Республике Таджикистан. Оба путем использования пропагандистских Интернет-материалов ИГИЛ занимались вербовочной работой в городе Кулябе и его окрестностях.

На территории республики отмечается деятельность эмиссаров ИГИЛ из числа иностранных граждан. Так, в начале мая с.г. сотрудниками спецслужб Таджикистана по подозрению в вербовке молодых людей в Сирию задержан 50-летний гражданин Турции Мехди Якуш. В Таджикистан Мехди Якуш приехал в качестве туриста, однако его истинной целью являлась вербовка молодежи, в основном узбекоязычной, на «джихад» в Сирию. С марта текущего года Мехди Якуш, находясь в районе Рудаки, занялся организацией незаконной миграции.

В частности, войдя в доверие к местным жителям – брату и сестре Абдувохиду и Бибирокии Пардаевым, а также Орифджону Махмадиеву и Амонулло Искандарову, он обещал вывезти их и «устроить на работу» в местечке Джайхон Гунер провинции Шаулаурфан Турции, граничащей с Сирией и Ираком. В настоящее время в отношении Мехди Якуша ведется следствие.

По подозрению в вывешивании флага ИГИЛ под следствием находятся 22 гражданина республики (14 – в Нуреке и 8 – в Шаартузе, Душанбе). В ходе предварительного следствия установлено, что они получали задание посредством Интернета из-за рубежа.

Необходимо отметить, что для совершенствования нормативно-правовой базы борьбы с ИГИЛ, с другими террористическими и экстремистскими организациями различного толка, а также для проведения предупредительно-профилактических мероприятий в условиях семьи, Республика Таджикистан в 2016 г. приняла Национальную Стратегию по противодействию экстремизму и терроризму на 2016-2020 гг., а также План действий по реализации Национальной стратегии Республики Таджикистан по противодействию экстремизму и терроризму на 2016-2020 гг.

РАЗВИТИЕ КАЗАХСТАНА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Сейтимов Н.

Чрезвычайный и Полномочный Посол Республики Казахстан в Республике Таджикистан

**Уважаемые участники Международной конференции,
уважаемые дамы и господа!**

Прежде всего хотел бы поблагодарить организатора Международной конференции – Центр геополитических исследований Российско-Таджикского (Славянского) университета за приглашение и предоставленную возможность выступить перед авторитетной аудиторией, присутствующей на сегодняшнем мероприятии, а также выразить слова благодарности Посольству Российской Федерации в Республике Таджикистан и Центру стратегических исследований при Президенте Республики Таджикистан за оказанную поддержку в проведении данной конференции.

Безусловно, тематика состояния и перспектив развития Центральной Азии является весьма актуальной не только для государств этого региона, но и для многих стран мирового сообщества, поскольку Центральная Азия обладает солидными запасами углеводородов, гидроэнергии и других минеральных ресурсов, а также играет важную транзитную роль с севера на юг и с запада на восток. Эти факторы объясняют, насколько важное геополитическое значение имеет Центральная Азия в современном мире. При этом Центральная Азия может устойчиво развиваться только в условиях сохранения стабильности и геополитического равновесия.

Прошлый год был особенным для стран Центральноазиатского региона. Мы отметили 25-летие независимости. За четверть века наши страны добились значительных успехов, проведены кардинальные реформы в различных сферах жизнедеятельности.

Сегодня Казахстан является динамично развивающейся страной Центральноазиатского региона, а также ответственным и

уважаемым членом международного сообщества.

Казахстан, сполна познавший ужасы ядерных испытаний, выступает убежденным сторонником глобального процесса нераспространения ядерного оружия и снижения ядерной угрозы.

25 лет назад, 29 августа, мы первыми в мире закрыли ядерный полигон и, отказавшись от атомного оружия, задали новый стандарт в международной политике. Мы добровольно отказались от 4-го в мире ядерного потенциала, включавшего в себя свыше 110 баллистических ракет с 1200 ядерными боеголовками, способными достичь любой точки земного шара. Это стало ключевым вкладом Казахстана в мировую стабильность, порядок и безопасность.

Благодаря этим мерам, ГА ООН поддержала инициативу Казахстана об объявлении 29 августа Международным днем действий против ядерных испытаний. До этого на территории нашей страны было произведено около 500 атмосферных, наземных и подземных ядерных взрывов. Это половина всех испытаний ядерного оружия, произведенных за все время в мире. Суммарная мощность произведенных на Семипалатинском полигоне взрывов, в 2500 раз превышает мощность атомных бомб, сброшенных на Хиросиму и Нагасаки.

Касаясь ядерной тематики, хотел бы с удовлетворением информировать о том, что в 2015 году была реализована еще одна инициатива нашей страны. Правительство Казахстана и Международное агентство по атомной энергии подписали Соглашение о создании банка низкообогащенного урана на территории республики. В нем будет храниться низкообогащенный уран, используемый для нужд атомной энергетики. Приобрести его сможет государство-член МАГАТЭ, не имеющее возможности купить вещество на коммерческом рынке. Открытие Банка состоится во второй половине 2017 года, ориентировочно в сентябре.

В сентябре 2015 года Президент Казахстана Нурсултан Назарбаев на юбилейной 70-й сессии ГА ООН выдвинул идею разработки Плана Глобальной Стратегической Инициативы 2045, направленного на устранение причин войн и конфликтов в мире. А в 2016 году Глава государства выступил с Манифестом «Мир. 21 век», призывающим к построению бесконфликтного мира при верховенстве международного права. Хочу подчеркнуть, что

Манифест стал официальным документом Генеральной Ассамблеи и Совета безопасности ООН.

Кроме того, на 70-й сессии ГА ООН Казахстаном была выдвинута инициатива о создании Глобальной антитеррористической коалиции под эгидой ООН. Ее основными элементами могут быть:

- формирование Единого перечня террористических организаций;
- искоренение причин появления экстремизма;
- создание универсального механизма преследования, ареста и экстрадиции лиц, причастных к международному терроризму и экстремизму;
- единая сеть, гармонизирующая работу различных международных региональных организаций, выполняющих антитеррористические функции.

Одной из важных инициатив Казахстана является Съезд лидеров мировых и традиционных религий, который стал признанной платформой диалога духовенства с политическими лидерами.

В год 25-летия Независимости знаковым достижением в укреплении казахстанской модели мира и согласия стало избрание нашей страны в качестве непостоянного члена СБ ООН на 2017-2018 годы. Следует отметить, что Таджикистан и страны региона с самого начала поддержали казахстанскую заявку, за что мы всем благодарны.

Казахстан ранее неоднократно подчеркивал, что в период работы в СБ ООН одним из главных приоритетов деятельности Казахстана будет привлечение внимания мировой общественности к проблемам всего региона Центральной Азии, в том числе решению вопросов водной, энергетической и продовольственной безопасности.

В конце ноября 2016 года по поручению Главы нашего государства министр иностранных дел Казахстана посетил страны Центральной Азии, в том числе Афганистан. Целью визита было понять, изучить ожидания и интересы стран региона от членства Казахстана в СБ ООН, выработать понимание, как наша страна может представлять и защищать интересы региона в СБ ООН.

В этом контексте хотел бы отметить, что Казахстан высоко

оценивает и поддерживает предложения Таджикистана по содействию решению политических и экономических проблем Афганистана, борьбе против экстремизма, терроризма и наркотрафика. Все эти инициативы будут учтены в период нашего непостоянного членства в СБ ООН.

10 января 2017 года в главном органе ООН по вопросам мира и безопасности было распространено Политическое обращение Президента Казахстана Нурсултана Назарбаева к Совету Безопасности ООН по случаю начала полномочий Казахстана в качестве непостоянного члена в СБ ООН в 2017-2018 гг. под названием «Концептуальное видение Казахстана упрочнения глобального партнерства для построения безопасного, справедливого и процветающего мира». Глава государства обозначил политические приоритеты Казахстана на посту непостоянного члена в Совете Безопасности ООН:

- 1) Мир – свободный от ядерного оружия.
- 2) Устранение угрозы глобальной войны.
- 3) Продвижение интересов стран Центральноазиатского региона по обеспечению его стабильности, безопасности, эффективному противодействию региональным вызовам и угрозам, укреплению сотрудничества и содействию его росту и развитию.
- 4) Противодействие международному терроризму и экстремизму.
- 5) Мир и безопасность в Африке.
- 6) Устойчивое развитие.
- 7) Адаптация Совета Безопасности и всей системы ООН к угрозам и вызовам, повышение роли ООН.

В настоящее время Казахстан председательствует в трех комитетах СБ ООН: по Афганистану/Талибану, ИГИЛ (ДАИШ) и Аль-Каеде, Сомали и Эритрее.

Пользуясь случаем, хочу подчеркнуть, что **Казахстан рассчитывает на поддержку со стороны партнеров своих инициатив по достижению важной цели – сделать мир в 21 веке безопасным, справедливым и процветающим.**

В этом году, в период с 10 июня по 10 сентября, в столице Казахстана пройдет Международная специализированная выставка «ЭКСПО 2017 АСТАНА». Для нашей страны ЭКСПО-2017 станет знаковым событием: никогда раньше международная выставка

подобных масштабов не проходила в странах Центральноазиатского региона и СНГ.

Сегодня в глобальной повестке дня одним из основных вопросов стоит энергетика. Понимая, что энергия будет иметь большее влияние на нашу коллективную безопасность в будущем, Казахстан выбрал тему «Энергия Будущего» в качестве темы Международной выставки ЭКСПО-2017 в Астане.

Эта тема отражает наиболее актуальную для человечества проблему рационального использования энергетических ресурсов, а ее решение становится стратегической задачей для многих стран. В основе темы лежат решения проблем планетарного масштаба, таких как отсутствие доступа к электроэнергии и снижение уровня бедности.

На сегодняшний день 115 стран и 18 международных организаций официально подтвердили свое участие в Выставке. Мы рады, что выбранная нами несколько лет назад тематика оказалась близка и актуальна такому большому количеству наших глобальных партнеров.

В этом контексте Казахстан признателен Таджикистану и странам региона за активную поддержку в проведении ЭКСПО-2017 в Астане и готовность принять участие в ее работе. Мы предоставляем Таджикистану самые широкие преференции в организации участия РТ, вплоть до финансирования содержания павильона РТ, его функционирования в течение всего времени выставки. Уверен, что Таджикистан, как обладатель мощнейшего потенциала гидроресурсов, достойно представит достижения страны по тематике «Энергия будущего».

В рамках выставки планируется проведение крупнейших международных мероприятий. К открытию ЭКСПО-2017 будет приурочен саммит Шанхайской Организации Сотрудничества, запланировано проведение международных министерских встреч по вопросам энергетики и туризма, международного форума женщин. В увязке с закрытием Выставки впервые пройдет Саммит ОИС по науке и технологиям.

Мероприятие ожидает около 5 миллионов посетителей. Мы подготовили специальные туристические маршруты для гостей выставки и жителей Казахстана. Помимо посещения ЭКСПО-2017, они включают посещение самых интересных туристических

достопримечательностей Казахстана, национальных парков и объектов всемирного наследия ЮНЕСКО. Кроме того, выставка будет иметь плотный график с более чем 3000 тематических, культурных, спортивных и развлекательных мероприятий. Также планируется проведение национальных дней стран-участниц ЭКСПО-2017. Приглашаю всех присутствующих посетить выставку и самим увидеть передовые глобальные разработки и технологии в области «зеленой экономики».

В целом, мы считаем, что проведение ЕХРО-2017 послужит дополнительным стимулом для экономического и инфраструктурного развития не только Казахстана, но и всего Центральноазиатского региона.

Вышеизложенное является результатом правильного политического пути и высокого авторитета Казахстана на международной арене.

Все эти достижения Казахстана на международной арене были достигнуты благодаря взвешенной и мудрой политике Президента Казахстана, который на годы вперед предвидел будущее нашей страны.

С первых дней суверенитета Президент Казахстана Нурсултан Назарбаев обозначил путь развития нашей страны: «сначала экономика, затем политика». Досрочно реализовав Стратегию развития 2030, Казахстан вошел в число 50 развитых стран мира. Сегодня мы реализуем Стратегию 2050, чтобы войти в клуб 30 самых развитых стран мира.

Современный мир динамично меняется, в том числе политическая карта мира и конфигурация глобальной экономики, поэтому само влечение времени требует от наших стран выстраивания стратегии развития, позволяющей гибко реагировать на негативные тренды и извлекать максимальную выгоду из благоприятных мировых изменений.

Для достижения среднесрочных и долгосрочных целей Казахстану необходимо реформировать институциональную среду, обеспечивающую повышение эффективности государственного управления на всех уровнях, совершенствование судебной и правоохранительных систем, а также благоприятные условия для развития бизнеса и предпринимательских инициатив, снижение уровня коррупции в стране.

В этой связи мне хотелось бы информировать вас о последних наиболее значимых аспектах развития Казахстана на современном этапе. В частности, я расскажу вам о проводимой в нашей стране политике по перераспределению полномочий между ветвями власти и начале Третьей модернизации Казахстана, которая призвана обеспечить темпы роста экономики выше среднемировых и устойчивое продвижение в число 30 самых развитых стран.

26 января 2017 года Президент Нурсултан Назарбаев обратился к народу Казахстана **по вопросам перераспределения полномочий между ветвями власти**. В частности, глава государства заявил о начале нового этапа развития Казахстана – проведения реформ, касающихся перераспределения полномочий между ветвями государственной власти. Предстоящая реформа опирается на логику развития нашего государства и логику современного развития в целом.

Эта реформа нацелена на повышение эффективности системы управления. Мы построили новое государство, новую экономику, новое общество. Правильность выстроенной нами траектории развития подтверждена самой историей.

Однако мир сегодня меняется на глазах. Скорость и сложность общественных процессов нарастает и в Казахстане. Поэтому Президент Казахстана считает, что мы уже сегодня должны думать о том, как реагировать на глобальные и региональные вызовы, которые неизбежно поставит перед нами грядущая история.

Сильная президентская вертикаль нужна была нам в ходе преодоления огромных трудностей становления государства. Она себя в то время оправдала. Все наши достижения были реализованы именно при этой системе.

Суть предлагаемой реформы состоит в серьезном перераспределении властных полномочий, демократизации политической системы в целом. Президент отдает ряд своих полномочий Парламенту и Правительству.

Для Президента в новых условиях приоритетами станут стратегические функции, роль верховного арбитра в отношениях между ветвями власти. Глава государства сконцентрируется также на внешней политике, национальной безопасности и обороноспособности страны. При этом роль Правительства и Парламента значительно усилится.

Данная работа будет проводиться по двум ключевым направлениям. **Во-первых**, следует передать значительную часть установленных законом полномочий Президента по регулированию социально-экономических процессов Правительству и другим исполнительным органам. За данную сферу в полном объеме должны отвечать Правительство, министерства и акиматы. Делегирование полномочий Парламенту и Правительству будут обеспечены за счет изменения соответствующих законов.

Во-вторых, более сложная задача – сбалансировать отношения между ветвями власти на конституционном уровне. Важно усилить роль Парламента в формировании Правительства, повысить ответственность кабинета министров перед депутатским корпусом. Победившая на парламентских выборах партия будет решающим образом влиять на формирование Правительства. Исходя из этого, будет закономерным, если Правительство станет слагать полномочия перед вновь избранным Мажилисом, а не Президентом, как это было раньше.

Следует упростить порядок выражения недоверия членам Правительства со стороны Палат Парламента. Это усилит контроль законодательной ветви власти над исполнительной.

Целесообразно передать Правительству утверждение государственных программ, за которые оно будет нести всю полноту ответственности. Правительству можно передать право самому образовывать и упразднять центральные исполнительные органы, не входящие в его состав. Президент может отказаться от права отменять либо приостанавливать действие актов Правительства и Премьер-Министра. Все это повысит ответственность исполнительных госорганов и их руководителей, наделит необходимыми полномочиями.

Утратили актуальность нормы о возможности принятия президентских указов, имеющих силу закона. Предлагается усилить роль Парламента в отношении местной исполнительной власти.

Кроме того, требуется проработать вопрос о совершенствовании деятельности Конституционного Совета, судебной системы и прокуратуры. В то же время, нам необходимы безусловные гарантии неизменности нашего конституционного строя.

В целом предлагаемая программа позволит решить три задачи.

Во-первых, создать запас устойчивости политической системы

на многие годы вперед.

Во-вторых, повышение роли Правительства и Парламента формирует более эффективный механизм ответа на современные вызовы. Да, это более сложная система управления, но и общество стало более сложным. Глава государства сознательно пошел на делегирование значительной части полномочий, которыми обладает Президент. И делается это с одной единственной целью – построить более эффективную, устойчивую, современную систему управления страной.

В-третьих, в мире нет универсальной модели государственного устройства. Все находятся в поисках. Казахстан никогда не занимался копированием чужих моделей государственного устройства, находя свои, подчас уникальные решения, хотя есть вопросы, в которых мы следуем в рамках международного опыта. Предлагаемая нами реформа опирается, прежде всего, на собственный опыт и потребности самого Казахстана. Программа реформ – это наш ответ на вопрос, в каком направлении пойдет Казахстан. Ответ ясный и последовательный – в сторону демократического развития.

Все это отвечает будущему развитию страны и соответствуют Плану нации «100 конкретных шагов по реализации институциональных реформ», согласно которому предполагалось серьезное перераспределение полномочий. Для того, чтобы все ветви власти работали эффективно и ответственно, важно создать между ними соответствующие балансы и противовесы.

Учитывая важность предлагаемых мер, Президент вынес проект конституционных реформ на всенародное обсуждение, по итогам которого рабочей комиссией был подготовлен соответствующий законопроект.

6 марта 2017 года Парламент Казахстана одобрил проект Закона «О внесении изменений и дополнений в Конституцию Республики Казахстан», а 10 марта Нурсултан Назарбаев подписал этот закон, согласно которому Президент отдает ряд полномочий Правительству и Парламенту, а также конкретизирует роль и функции главы государства.

В целом следует отметить, что перераспределение полномочий между ветвями власти позволит противостоять глобальным и региональным вызовам. Изменения в Конституцию направлены на

дальнейшую демократизацию общества, укрепление роли Парламента, повышение самостоятельности и ответственности Правительства, совершенствуют основы правоохранительной и судебной систем, а также конституционного контроля.

Сегодня мировая экономика переживает непростые времена, и, безусловно, это влияет и на развитие национальных экономик многих стран, в том числе и Казахстана. Глобальный кризис – это не только опасность, но и новые возможности. Кризис помогает избавиться от ненужного, позволяет расчистить место и дать возможность новому увидеть свет. Поэтому Казахстан решительно настроен идти по пути реформ и продолжить свое развитие путем реализации ранее утвержденных программ.

31 января 2017 года Президент Республики Казахстан Нурсултан Абишевич Назарбаев обратился народу Казахстана с очередным ежегодным Посланием, которая была обозначена как **«Третья модернизация Казахстана: глобальная конкурентоспособность»**. В своем Послании Президент подвел итоги 25-летнего этапа развития и отметил достижения и успехи Казахстана, которые хорошо известны и высоко оцениваются мировым сообществом.

Вместе с тем, Президент поставил задачу обеспечить реализацию Третьей модернизации Казахстана. Необходимо создать новую модель экономического роста, которая обеспечит глобальную конкурентоспособность страны.

В настоящее время многие страны пытаются решить такую же задачу. Рецепты перехода к новой модели роста везде будут разными. С учетом особенностей развития Казахстана, Глава государства определил пять основных приоритетов. Они призваны обеспечить темпы роста экономики выше среднемировых и устойчивое продвижение в число 30 передовых стран.

Первый приоритет – ускоренная технологическая модернизация экономики. Необходимо развивать в стране такие перспективные отрасли, как 3D-принтинг, онлайн-торговля, мобильный банкинг, цифровые сервисы, в том числе в здравоохранении и образовании, и другие. Эти индустрии уже поменяли структуру экономик развитых стран и придали новое качество традиционным отраслям. Также важно обеспечить развитие коммуникаций, повсеместный доступ к оптоволоконной

инфраструктуре. Развитие цифровой индустрии обеспечит импульс всем другим отраслям. Поэтому вопрос развития IT-сферы Правительство должно держать на особом контроле. Важным условием становления новых индустрий является поддержка инноваций и быстрое внедрение их в производство.

Второй приоритет – кардинальное улучшение и расширение бизнес-среды. Одной из стратегических целей РК является обеспечение к 2050 году вклада малого и среднего бизнеса в ВВП страны не менее 50%.

Третий приоритет – макроэкономическая стабильность. Ключевой задачей здесь является восстановление стимулирующей роли денежно-кредитной политики и привлечение частного капитала в финансирование экономики.

Четвертый приоритет – улучшение качества человеческого капитала. Прежде всего должна измениться роль системы образования. Задача – сделать образование центральным звеном новой модели экономического роста. Учебные программы необходимо нацелить на развитие способностей критического мышления и навыков самостоятельного поиска информации.

Наряду с этим нужно уделить большое внимание формированию IT-знаний, финансовой грамотности и воспитанию патриотизма молодежи. Необходимо сократить разрыв в качестве образования между городскими и сельскими школами.

Пятый приоритет – институциональные преобразования, безопасность и борьба с коррупцией. Правительству поручено разработать Стратегический план развития до 2025 года по Третьей модернизации страны под названием «Национальная технологическая инициатива Казахстана».

В своем Послании Президент нашей страны заявил: «Казахстан – молодое многонациональное, уверенное в своем будущем, динамично развивающееся государство! Мы прошли 25-летний путь становления. В следующие 25 лет нас ожидают еще более высокие рубежи. Собрав уникальный богатый опыт в создании государства, мы вступили в новый этап. Эта модернизация – не план борьбы с текущими глобальными вызовами, а надежный мост в будущее, навстречу целям Стратегии-2050».

В завершение своего выступления хотел бы отметить, что народ Казахстана твердо уверен в возможностях реализации предстоящих

планов и программ развития нашей страны, поскольку для этого сегодня в государстве созданы все необходимые условия, есть единство народа, имеются все ресурсы и четкие планы.

За годы независимости Президент Казахстана Нурсултан Назарбаев проводимой политикой показал, что можно достичь любой поставленной цели, нет ничего невозможного, а есть сложные стратегические задачи, которые необходимо решать.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Монин С.М.

**Московский государственный институт
международных отношений**

При строительстве нового, тем более национального государства исключительно важно не только создать его осязаемые, материальные основы, но и соответствующим образом перестроить мышление людей, их представление о том, в какой стране они теперь живут, как она возникла и развивалась, в чем состоят ее национальные интересы и т.п. Иными словами – формировать национальную идентичность. При решении этих задач неоценимое значение имеет история народа, точнее, то, как она подается и преподносится широким массам населения. В этой связи в настоящее время все чаще обращает на себя внимание такое явление, как историческая политика, получившее особое распространение на постсоветском пространстве (равно как и в Восточной Европе)¹.

Историческая политика – это комплекс методов и приемов, которые используются политическими элитами для формирования в обществе нужного им взгляда на историю своей страны и ее соседей. Если сказать совсем коротко и по существу – это использование истории властью или провластными структурами в политических целях.

Правда, могут быть и исключения, когда на национальное самосознание оказывается воздействие другими силами, по другим ка-

¹«Свое» и «чужое» прошлое, или поиск новых идентичностей в постсоветских государствах. – М., 1999; Константинов С.В., Ушаков А.И. История послеистории. Образы России на постсоветском пространстве. – М., 2001; Национальные истории в советском и постсоветских государствах. 2-е изд. – М., 2003; Освещение общей истории России и народов постсоветских стран в школьных учебниках истории новых независимых государств. – М., 2009; Прибалтика и Средняя Азия в составе Российской империи и СССР: мифы современных учебников постсоветских стран и реальность социально-экономических подсчетов. – М., 2009; История России и новых независимых государств в школьных учебниках. – М., 2010; Национальные истории на постсоветском пространстве - II. Десять лет спустя. – М., 2010; Бордюгов Г. «Войны памяти» на постсоветском пространстве. – М., 2011; Бордюгов Г., Бухараев В. Вчерашнее «завтра»: Как «национальные истории» писались в СССР и как пишутся теперь. – М., 2011.

налам. Еще в эпоху перестройки наделала много шума книга «Ледокол», написанная предателем-перебежчиком Суворовым (Резуном). Его попытка доказать, что Советский Союз – главный виновник второй мировой войны, была отвергнута большей частью исторического сообщества и убедительно раскритикована, так что интерес к его писаниям заметно спал. Но, тем не менее, из-под его пера выходят все новые, написанные в таком же духе творения, причем, по некоторым оценкам, их тиражи превышают все то, что опубликовали профессиональные историки. Значит, кто-то очень хочет, не жалея денег, вбрасывать подобные уничижительные для России и русских идеи в общественное сознание и постоянно будоражить его.

Само по себе воздействие политики на историю отмечалось очень давно, став, пожалуй, особенно заметным с появлением школьных учебников по истории. Вспомним, к примеру, что, придя к власти, большевики вознамерились заново переписать историю России с принципиально новых, классовых позиций. Известный историк-марксист той эпохи Покровский в этой связи подчеркивал: «История есть политика, опрокинутая в прошлое». Правда, через какое-то время большевики поняли важность изучения и преподавания общегражданской истории, а не только голых социологических схем и классовых лозунгов. Демонтаж СССР начался с того, что при поощрении сверху была развернута яростная кампания по разоблачению сталинизма, быстро переросшая в отвержение всего советского периода, а затем и в признание аномальности самого исторического пути России.

И все-таки то, что мы наблюдаем в последние десятилетия, заметно отличается от того, что было в предшествующее время. Власть – или возьмем шире – политический истеблишмент ряда стран перешел к откровенному конструированию исторических концепций и манипулированию ими ради легитимации и укрепления собственных позиций в обществе, ради складывания национальной идентичности в нужном для него ключе. Это стало своего рода политической инженерией. Историческая политика зачастую приобретала характер открыто направляемой сверху линии, весьма агрессивной по своей тональности и непримиримой по отношению к другим точкам зрения. Законодательно закрепляются нужные оценки исторических событий, а за высказывание других полага-

ются наказания. Появились даже специальные учреждения типа институтов национальной памяти, бдительно следящие за «правильностью» изложения истории. Активно формируется в определенном русле историческая память народа, развернулась настоящая война с памятниками, меняется топонимика и т.п.

С крахом коммунистической системы, казалось бы, стало возможным гораздо свободнее вести научные изыскания по исторической тематике. Понятно было естественное желание национальных элит и самих ученых по-новому написать историю своих стран и народов, причем сделать это именно самим, ни на кого не оглядываясь и не спрашивая ни у кого разрешения. Но и в изменившихся условиях ученые-историки отнюдь не всегда могут вести свои исследования исключительно в научном русле. «Регулирование» истории со стороны верхов нередко продолжается, пусть и в измененном виде. К административным и финансовым рычагам добавился еще один, причем очень мощный – общественное мнение, которое в свою очередь во многом формировалось все той же властью. Попробуйте в некоторых государствах высказаться по тому или иному важному вопросу вопреки сложившемуся и санкционированному сверху «общественному мнению». Особенно когда речь идет о таких по сути сакральных вопросах, как получение независимости.

В подобной обстановке в работах некоторых историков и публицистов стало все отчетливее проступать стремление отразить (или разжечь) соответствующие настроения в обществе и подыграть в этом власти. В своих крайних проявлениях это приводит к попыткам всячески удревнить историю своего народа, доказать, что этот народ испокон веков жил на своей нынешней территории и, соответственно, только он может ею распоряжаться. Достижения экономики и культуры своего народа подаются в максимально благоприятном свете, выгодно отличая его от соседей. Если бы не вмешательство извне, данный народ всегда был бы, как сейчас говорят, в историческом тренде: с высокоразвитыми державами Запада (или Востока), но никак не с Россией. Присоединение к последней – это вынужденное подчинение силе или несчастливое стечение обстоятельств, источник чуть ли не всех бед и несчастий. Свой народ – страдалец, а другие – хищники. Стержнем всей национальной истории объявляется борьба за независимость, а все, что ей

препятствует, однозначно должно быть преодолено и осуждено. Конечно, далеко не все ученые высказывают подобные точки зрения, это именно крайности, но не такие уж редкие.

Посмотрим для примера, как с этих позиций изображается политика России в отношении своих бывших окраин, ставших теперь независимыми государствами.

Часто в обвинительно-разоблачительном контексте России бросается упрек в том, что она раньше была и сейчас все еще пытается оставаться империей. Шаги Москвы по защите своих национальных интересов и поддержанию своего влияния и присутствия в тех или иных странах и регионах трактуется как «имперские замашки» или «имперские амбиции».

Казалось бы, о чем тут спорить. Россия вполне подходит под определение империи как большого многонационального государства, склонного к территориальной экспансии и подчинению других народов. Полтора века назад Средняя Азия это сполна ощутила. Американский советолог Пайпс не поленился подсчитать, что в XVI – XIX веках территория России увеличивалась примерно на 50 кв. миль в день. К тому же наша страна сама себя со времен Петра I называла империей. Но не все так однозначно, как может показаться с первого взгляда.

Сейчас слово «империя» употребляется чаще всего в негативном, можно даже сказать ругательном смысле. Это что-то такое темное, злобное, все подавляющее и себе подчиняющее. В общем, ничего хорошего от нее ждать не приходится. Между тем само по себе понятие «империя» совсем не обязательно несет негативную нагрузку для тех, кто испытывает ее воздействие. Говорят, что империя – это лучшая форма организации больших пространств. Не будем распространяться о том, какую роль сыграла Римская и другие империи в мировой истории. Сейчас даже в колониальном владычестве находят некие положительные стороны. Так, например, Индия – жемчужина Британской империи – получила от англичан парламентский строй, в значительной мере законодательство, систему образования, железные дороги, тот же английский язык как одну из скреп для этой многоликой страны.

Российская империя уже при царях отличалась своеобразием. Русские, государствообразующий народ, не имели в ней исключительных привилегий на этнической основе. Они не только получали

выгоды, но и несли основное бремя по созданию и поддержанию могущества державы, на них в первую очередь распространялись самые тяжелые повинности (крепостное право, рекрутские наборы, подушная подать). Некоторые регионы страны (Польша, Финляндия) имели автономные, более благоприятные условия для своего развития, чем центральные районы России. Дворянство и непосредственно правящая элита были многонациональны. Даже верхи только что покоренных среднеазиатских государств начинали приспособляться к российским реалиям. Так, бухарский эмир построил себе дворец в Железноводске, на Кавказских Минеральных Водах.

Еще более необычно был устроен Советский Союз, «красная империя», как сейчас часто говорят. Власть в этом государстве принадлежала не только русским, но и представителям, как тогда говорили, «ранее угнетенных народов». Грузин Сталин или выходец с Украины Брежнев много десятилетий возглавляли эту державу. При Хрущеве и позже в составе Президиума (Политбюро) ЦК КПСС обязательно были представлены наиболее крупные регионы страны, как правило, в лице первых секретарей ЦК тех или иных союзных республик. Можно себе представить, например, Британскую империю, которой управлял бы индеец или африканец? А чтобы эта империя раздавала бы земли, населенные ее коренным этносом, своим «колониям»? Россия же это делала и самый яркий тому пример – Крым. К моменту передачи полуострова Украине подавляющее большинство проживавших там – это были русские и русскоязычные (незадолго до этого депортированный исторически автохтонный народ – татары – составлял порядка десятой доли в его населении). В классической империи «колонии» кормят «метрополию» (для этого империя в общем-то и создается). В СССР финансовые потоки были выстроены таким образом, что почти все республики (многие вплоть до развала Союза) получали дотации из союзного бюджета, который пополнялся прежде всего за счет русских областей и краев.

А современная Россия? Что это – саморазвалившаяся или самораспустившаяся «империя», которая, впрочем, без звука согласилась на уход своих «колоний» и в чем-то даже подталкивала их к этому?

Как пример «имперских замашек» России приводят вооруженный конфликт с Грузией в 2008 году. Но при этом «забывают», что до этого Москва пошла навстречу требованиям уже не скрывавшего свои антироссийские настроения президента Саакашвили и ликвидировала находившиеся на территории Грузии на вполне законных основаниях российские военные базы, более того, по сути помогла Тбилиси восстановить контроль над Аджарией. И применила силу лишь когда грузинская сторона нарушила все рамки допустимого и в Южной Осетии начала стрелять по русским солдатам-миротворцам. Похожая ситуация и с Украиной и Крымом. Россия перешла к решительным действиям только тогда, когда провокационно-русофобские действия сторонников «майдана» при откровенной, если не сказать наглой, поддержке извне не оставили ей другого выбора.

Посмотрите, как цепляются настоящие, хотя уже и бывшие колонизаторы за остатки когда-то принадлежавших им необъятных владений и свои привилегии там. Как зубами держится Британия за Фолкленды (Мальвины) или за Гибралтар. Как свободно чувствуют себя французы в бывших африканских колониях, то вводя туда свои войска, то выводя, меняя правителей и т.п.

В истории отношений России со странами и народами, некогда входившими в ее состав, а ныне ставшими независимыми государствами, было всякое. И Россия не всегда была «белой и пушистой», а могла и силу применить, и больно сделать. И русские порой оставляли о себе не лучшие воспоминания. Но помимо этого в нашей общей истории есть много светлых страниц, общих побед и достижений, которые можно вместе вспоминать и гордиться ими. Так что, думается, без конца называть русских «оккупантами», «агрессорами», «эксплуаторами», «колонизаторами», как это делается в некоторых публикациях, – это перебор. Это не идет на пользу отношениям стран ближнего зарубежья с Россией и едва ли способствует формированию в них здоровой национальной идентичности. Ее лучше строить не на противопоставлении одних народов другим, разделяя их на «своих» и «чужих», на «хороших» и «плохих», а на уважении друг к другу, учете не только своих, но и чужих интересов. Тогда скорее можно найти общий язык и решать нужные проблемы. А власть, раз уж она берется «регулировать» историю, могла бы помочь этому, разгребая, а не создавая завалы

из исторических проблем. Хотя кому-то из представителей окрепшей за годы независимости национальной элиты и выросших за эти десятилетия молодых поколений все это может показаться ненужным, а то и вредным, якобы стесняющим новоприобретенную свободу в условиях формирующегося полицентричного мира.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И РЕГИОНАЛИЗАЦИЯ ДЛЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Сафранчук Иван Алексеевич

**Кандидат политических наук,
доцент кафедры мировых политических процессов
МГИМО(У) МИД России
Член Совета по внешней и оборонной политике РФ**

Искандаров Акбаршо Искандарович

**Доктор политических наук,
главный научный сотрудник
Институт философии, права и политологии им. Баховатдинова
АН Республики Таджикистан**

Все 2000-е годы регион Центральной Азии находился в центре мировой политики с большой конкуренцией широкого круга глобальных и региональных игроков. Однако в дальнейшем накал конкуренции в регионе выдержали не все те, кто пытался играть заметную роль в регионе в середине 2000-х гг. Турция, Индия, Пакистан, Иран, арабские страны, Япония сохраняют свою вовлеченность в дела Центральной Азии. Сохраняет вовлеченность и ЕС, хотя его региональная Стратегия не сработала, как предполагалось. Но все-таки все они не могут играть на равных с Россией, США и Китаем.

Переход от «постсоветской» к «евразийской» интеграции. В период финансово-экономического кризиса 2007-2009 гг. Россия, Казахстан и Беларусь вели переговоры о создании Таможенного союза (ТС) и подписали соответствующие соглашения в июне 2009 г.

Попытки собрать экономическую организацию из постсоветских стран предпринимались неоднократно. Россия, Беларусь и Казахстан впервые подписали соглашение о формировании ТС в 1995 г. В 1996 г. те же страны плюс Кыргызстан подписали Договор об углублении интеграции в экономической и гуманитарной областях. В 1999 г. все они плюс Таджикистан подписали Договор о ТС и

Едином экономическом пространстве (ЕЭП). А в 2000 г. все эти пять стран создали Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС) для того, чтобы, наконец, эта организация реализовала планы по созданию ТС и ЕЭП. В 2002 г. наблюдателями в ЕврАзЭС стали Молдова и Украина, а в 2003 г. – Армения. В 2006 г. к ЕврАзЭС присоединился Узбекистан на фоне ухудшения своих отношений с западными странами, но буквально через несколько лет он покинул организацию. Но выйти на создание ТС и ЕЭП для всех участвующих стран у ЕврАзЭС не получалось, и это стало ясно уже в 2002-2003 гг. Тогда был принят подход «разноуровневой» интеграции, в рамках которого Россия, Казахстан, Беларусь и Украина решили создать ЕЭП только для этих четырех стран. Они вплотную подошли к этой цели, к осени 2004 г. были согласованы соответствующие документы, но «Оранжевая революция» в Киеве сорвала эти планы. После этого только в 2006 г. Россия, Казахстан и Беларусь возобновили свою работу по созданию ТС, которая и привела к практическому созданию ТС в 2010 г.

В начале и середине 2000-х гг. проекты постсоветской экономической интеграции шли в модальности «вместе в Большую Европу». В рамках собственного «европейского выбора» Россия занималась интеграцией постсоветского пространства. Однако ЕС без энтузиазма относился к проектам постсоветской интеграции с российским лидерством. Активизируя свою политику на постсоветском пространстве во второй половине 2000-х, ЕС де-факто вступал в конкуренцию с Россией. Кроме этого, Россия постепенно разочаровывалась в «европейском выборе», так как претворить его в жизнь не получилось. Последний всплеск интереса к «европейскому выбору» наблюдался на фоне финансово-экономического кризиса 2007-2009 гг., когда российские корпорации надеялись получить доступ к современным технологиям через покупку подешевевших западных промышленных компаний, однако европейские регуляторы не одобрили подобные сделки.

Кроме этого, финансово-экономический кризис 2007-2009 гг. дал пищу для размышлений о смене мировых тенденций. Начался тренд на сворачивание глобализации. По всему миру, в том числе и в развитых странах, стали вводить больше протекцио-

нистских мер, ограничений для движения людей, капиталов, товаров; ВТО застряло в кризисе. Одновременно стал набирать темпы процесс регионализации, когда формируются крупные регионы активной экономической жизни с интенсивной торговлей внутри региона, со своими региональными правилами, которые на месте становятся важнее глобальных. И регионы начинают как конкурировать, так и сотрудничать между собой.

После осознания тенденции регионализации модальность российских интеграционных инициатив претерпела существенное изменение. Россия стала делать ставку на создание регионального экономического блока, который мог бы быть самостоятельным игроком. В рамках этих усилий был создан Евразийский экономический союз (ЕАЭС).

Вот как охарактеризовал новый этап интеграции В. Путин в октябре 2011 г.: «Мы <...> ставим перед собой амбициозную задачу: выйти на следующий, более высокий уровень интеграции – к Евразийскому союзу. Мы предлагаем модель мощного наднационального объединения, способного стать одним из полюсов современного мира и при этом играть роль эффективной «связки» между Европой и динамичным Азиатско-Тихоокеанским регионом.<...> Сложение природных ресурсов, капиталов, сильного человеческого потенциала позволит Евразийскому союзу быть конкурентоспособным в индустриальной и технологической гонке, в соревновании за инвесторов, за создание новых рабочих мест и передовых производств. И наряду с другими ключевыми игроками и региональными структурами – такими как ЕС, США, Китай, АТЭС – обеспечивать устойчивость глобального развития». В.Путин также заявил: «Мы не собираемся ни от кого отгораживаться и кому-либо противостоять. Евразийский союз будет строиться на универсальных интеграционных принципах как неотъемлемая часть Большой Европы». Но далее он предложил строить посткризисную мировую систему «не сверху», а «снизу» – с регионального уровня: «Очень сложно идет процесс выработки посткризисных моделей глобального развития. Например, практически застопорился Дохийский раунд, есть объективные сложности и внутри ВТО, серьезный кризис испытывает сам принцип свободы торговли и открытости рынков. <...> На наш взгляд, выходом может стать выработка общих подходов, что называется, «снизу». Сперва – внутри сложившихся региональных

структур – ЕС, НАФТА, АТЭС, АСЕАН и других, а затем – путем диалога между ними. Именно из таких интеграционных «кирпичиков» может сложиться более устойчивый характер мировой экономики» [3].

Такой подход поддержал Н. Назарбаев: «Он (*Евразийский союз – прим. авт.*) имеет все шансы стать органичной частью новой мировой архитектуры, формирование которой началось под воздействием самого мощного в истории глобального финансово-экономического кризиса». <...> Нас не могут удовлетворить ни узкая перспектива быть совокупностью стран, развивающихся лишь на принципах «догоняющей модернизации», ни участь вечно оставаться большим периферийным экспортером природных ресурсов для остального мира. Мир стоит на пороге новой технологической революции. <...> Поэтому важно, чтобы наше Единое экономическое пространство было территорией инноваций и мощного технологического прорыва. Для этого необходимо выстроить общий алгоритм модернизации и инновационного развития наших стран». При этом Н. Назарбаев превентивно ответил на критику, которая потом раздавалась в адрес этой новой модальности интеграции: «сегодня надо преодолеть страхи от слова «союз» и пресловутого «наступления империи». <...> Североатлантическая интеграция в рамках НАФТА состоит также из трех стран – США, Канады, Мексики. Но никто не говорит об имперских амбициях США» [2].

Именно после представления в конце 2011 г. этого общего российско-казахстанского видения для ЕАЭС можно говорить о том, что «постсоветская интеграция» (попытка совместного вхождения в глобализацию) превратилась в «евразийскую интеграцию» (формирование крупного регионального экономического объединения как части новой мировой архитектуры).

Американский и китайский проекты для Центральной Азии. В последние два десятилетия США имели два «больших проекта» для Центральной Азии. В 1990-е и в начале 2000-х гг. доминировало восприятие Центральной Азии как части «Большой Европы». Предполагалось, что географически Центральная Азия может быть соединена с Европой и Трансатлантическим пространством через Закавказье. Кавказ и Центральная Азия воспринимались тогда в США как единый регион. С середины

2000-х гг. США задумали «развернуть» Центральную Азию на юг, сформировать новый регион «Большой Центральной Азии», куда бы вошли страны Центральной и Южной Азии, а связующим звеном между ними стал Афганистан. При Б.Обаме вместо концепции «Большой Центральной Азии» была сформулирована практически с тем же содержанием концепция «Нового Шелкового пути». Впрочем, приверженность США практической реализации этого видения была ограниченной. Несмотря на потерю многих своих позиций в Центральной Азии во второй половине 2000-х и 2010-х США все равно остаются заметным игроком и сохраняют видение «Нового шелкового пути», хотя и преимущественно на декларативном уровне.

Китай выдвинул инициативу «Экономического пояса Шелкового пути» в 2013 г. Дискуссии о том, каковы причины и цели этой инициативы, продолжаются. К настоящему времени стало ясно, что ее центральный элемент – это обеспечение сухопутного транспортного доступа Китая через просторы Евразии к Европе и Ближнему Востоку. Китай готов строить соответствующую транспортную инфраструктуру. Попутно пространства, через которые пройдет эта транспортная инфраструктура, будут замыкаться на китайскую экономическую систему, становиться ее периферией.

Центральная Азия перед выбором между глобализацией и регионализацией. К середине 2010-х Центральная Азия оказалась перед выбором между этими тремя проектами – российско-казахстанским (региональный центр развития), американским (подключение региона к нероссийским транспортным коридорам), китайским (превращение региона в безопасную зону сухопутного транзита Китая в направлении Европы и Ближнего Востока).

И в период, когда все эти проекты предстали в последние годы перед странами Центральной Азии как основные альтернативы, бушевал украинский кризис. Он в значительной степени искажал восприятие всех этих проектов элитами Центральной Азии.

Представления элит стран Центральной Азии о геополитическом балансе трансформировались в последние десять лет. Теперь они хотят не столько играть на противоречиях больших игроков, как это было в 1990-е и 2000-е годы, а сохранить геополитический нейтралитет в крайне турбулентной мировой обстановке. В Центральной Азии настороженно стали относиться ко всем проектам,

где видят «тень» геополитики. А такую «тень» в последние годы элиты региона видели в российском и американском проектах, поэтому лучше относились к китайскому, хотя прекрасно понимают все его «подводные камни» и отнюдь не хотят превращаться в периферию китайской экономики.

К концу 2014 г. и началу 2015 г. стало понятно, что страны Центральной Азии не могут или, скорее, не хотят делать окончательный выбор из предложенных проектов (даже в случае вступления в ЕАЭС, как Казахстан и Кыргызстан). Первыми это уловили США. Осенью 2014 г. американские дипломаты предложили китайским коллегам провести консультации по Центральной Азии и обсудить возможности координации между НШП и ЭПШП. В марте 2015 г. высокопоставленные американские дипломаты публично объявили (хотя в непубличном формате эта позиция существовала с конца 2013 г.), что позитивно относятся к ЭПШП (но одновременно негативно к ЕАЭС) и считают, что НШП и ЭПШП «полностью стыкуется» [5].

Весной 2015 г. Россия тоже сформулировала предложение Китаю – сопрягать ЭПШП и ЕАЭС.

Си Цзиньпин 8 мая 2015 г. подписал декларацию в Москве о сопряжении ЕАЭС и ЭПШП. А через несколько дней в Пекин прибыла американская делегация во главе с заместителем помощника государственного секретаря США по делам Южной и Центральной Азии Р.Хоугландом, которую приняли на невысоком (возможно даже – намеренно невысоком) уровне [4]. На этих консультациях американская делегация предложила скоординировать НШП и ЭПШП. Таким образом, Китай имел возможность стыковать свой ЭПШП и с российским ЕАЭС и с американским НШП. Китай сделал выбор в пользу России. Постараемся понять почему.

Какие из трех проектов (ЕАЭС, ЭПШП и НШП) более стыкуемы? Вернее – какой, российский или американский, проект более стыкуем с ЭПШП (поскольку варианта стыковки НШП и ЕАЭС не было в повестке дня ни одной из сторон)?

Интересно, что при всей разнице между американскими проектами «Большой Центральной Азии»/«Нового Шелкового пути» и китайским ЭПШП у них есть общая основа. В США даже иногда пишут, что Китай собирается делать то же самое, что хо-

тели, но так и не сделали сами США [1]. По разным причинам, но и американские и китайские проекты имеют в основе идеи глобализации. США хотели (и по-прежнему хотят, правда, без прежнего энтузиазма) дать Центральной Азии доступ к глобализации. Китай хочет сохранить собственную включенность в глобализацию, поддержать или максимально продлить ее прежнюю модель. Китаю нужно пройти через Центральную Азию к Европе и Ближнему Востоку. У интеграционного проекта, который продвигает Россия, другой приоритет – создание региональной экономической группы, максимально сплоченной. Соответственно, для этого нужно снятие внутри экономического объединения барьеров для движения товаров, услуг, капиталов, рабочей силы. Однако снятие внутренних барьеров возможно в той степени, в какой укрепляются общие внешние границы экономического объединения.

Впрочем, наличие общей основы в американском и китайском проекте может не быть аргументом в пользу их скоординированной реализации. Зачем Китаю нужен американский проект, если Китай сам собирается делать примерно то же самое? В США рассуждают таким образом, что Китай и США могли бы договориться о разделении труда: Китай создает физическую инфраструктуру («железо»), а США – «софт» для него, так имеют большой опыт в создании режимов торговли [6]. Впрочем, сам Китай может это видеть как предложение США совместно управлять созданной на китайские деньги инфраструктурой, что вряд ли Китаю интересно, если только он не будет вынужден это сделать в силу дополнительных обстоятельств (например, связанных с вопросами региональной безопасности).

Стыковка же российского и китайского проектов может иметь смысл и для Китая, и для России. Подчеркнем, что нам большая перспектива видится не в объединении двух проектов (создании общего интеграционного проекта в Центральной Азии), а в скоординированной параллельной реализации ЕАЭС и ЭПШП. ЕАЭС дает Китаю надежный и безопасный транзит в нужных ему направлениях, а Китай участвует в развитии пространства ЕАЭС не как периферии своей экономической системы, а как самостоятельного центра развития в Евразии. Это может отвечать и интересам самих стран Центральной Азии.

Заключение. У элит Центральной Азии есть интерес и к региональному, и к глобальному видению своего региона. Страны Центральной Азии не заинтересованы в том, чтобы быть запертыми в глубине Евразии, вдали от магистральных торговых маршрутов. Но они не заинтересованы и в том, чтобы полностью открыться миру. Весь регион Центральной Азии в абсолютных цифрах исключительно мал в масштабах мировой хозяйственной системы. Страны региона при полном открытии миру рискуют потерять свой экономический суверенитет, стать пространством сухопутного транзита, ряда крупных инфраструктурных и энергетических проектов, которые будут обеспечивать экономические интересы элиты, мало что давая основной массе населения.

Для поддержания долгосрочной социальной стабильности региону нужно широкое экономическое развитие с реиндустриализацией для создания рабочих мест. Объективно сами страны Центральной Азии заинтересованы и в глобализации, и в регионализации. Поэтому проявляют интерес и к проектам, ориентированным на глобализацию, и к проектам, ориентированным на регионализацию. Главным для государств Центральной Азии становится найти баланс между своим интересом к глобализации и регионализации с помощью внешних партнеров. Китай и Россия теоретически имеют наилучшие шансы найти стратегический баланс между регионализацией и глобализацией, необходимый для Центральной Азии. Решение этого практического вопроса будет идти параллельно с научными дискуссиями о соотношении трендов глобализации и регионализации в современном мире.

Литература

1. Манкофф Джефри. Потепление отношения США к евразийским интеграционным проектам России и Китая. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.globalaffairs.ru/PONARS-Eurasia/Poteplenie-otnosheniya-SShA-evraziiskim-integratcionnym-proektam-Rossii-i-Kitaya-18163>
2. Назарбаев Н.А. Евразийский союз: от идеи к истории будущего. [Электронный ресурс]. // Известия. – 2011. – 25 окт. – Режим

- доступа: <http://izvestia.ru/news/504908>
3. Путин В.В. Новый интеграционный проект для Евразии — будущее, которое рождается сегодня. [Электронный ресурс]. // Известия. — 2011. — 3 окт. — Режим доступа: <http://izvestia.ru/news/502761>
 4. Сафранчук И.А. Эволюция позиции США в отношении роли Китая в Центральной Азии // Международная жизнь. — 2015. — №8. — С. 97-107.
 5. An Enduring Vision for Central Asia. Remarks by Antony J. Blinken (Deputy Secretary of State) at Brookings Institute. Washington, DC. March 30, 2015. URL: <http://www.state.gov/s/d/2015/240013.htm>.
Central Asia: What Next? Remarks by Richard E. Hoagland (Principal Deputy Assistant Secretary, Bureau of South and Central Asian Affairs) at Georgetown University. Washington, DC. March 30, 2015. URL: <http://www.state.gov/p/sca/rls/rmks/2015/240014.htm>
 6. Kuchins Andrew, Kourmanova Aitolkyn. A Vision for Shared Prosperity in Central Asia. CSIS. April 14, 2015. URL: <http://csis.org/publication/vision-shared-prosperity-central-asia>

ЕВРАЗИЙСКИЙ ЦЕНТР НОВОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА ПОСЛЕ «РЕВОЛЮЦИИ» ТРАМПА

Крупнов Ю.

**Председатель Движения развития,
председатель Наблюдательного совета
Институт демографии, миграции и регионального развития
г.Москвы**

Мы являемся свидетелями и участниками, вольными или невольными, слома старого мирового порядка и выстраивания порядка принципиально нового.

Это стало очевидным уже после возвращения Крыма в состав России и обрушения всех отношений.

Но окончательный взрыв сложившегося миропорядка произошёл с избранием и вступлением в должность Президента США Трампа.

В день его инаугурации Глава МИД Германии Франк-Вальтер Штайнмайер прямо назвал избрание Трампа «концом прежнего миропорядка»: «С избранием Дональда Трампа старый мир 20-го века наконец-то закончился. Мы живем между мирами. Послевоенный порядок и четверть века после падения Берлинской стены стали историей. Какие понятия порядка будут превалировать в 21-м веке, каким мир будет завтра – не predetermined».

Что это означает для Центральной Азии и России?

То, что ситуация открытая, что объявлен своего рода конкурс на проекты и строительство нового миропорядка. И что здесь пока что нет фаворитов и уж тем более заранее назначенных победителей.

Сейчас есть те народы, которые готовы строить, и те, которые если и будут участвовать, то «без божества, без вдохновенья, без слез, без жизни, без любви».

И здесь возникают колоссальные возможности у нашего центрально-евразийского региона, соединяющего Российскую Федерацию и Центральную Азию, развёртывающегося по будущему Индо-Сибирскому магистральному пути, меридиану, соединяющему Ин-

дийский и Северный Ледовитый океаны по примерно 73 градусу (ось Сабетта-Карачи) и образующему потенциальный планетарный очаг мирового развития, объединяющий Центральную Азию и Сибирь, представляющий собой чрезвычайно перспективный общий рынок с 350-ю миллионами потребителей – важнейшую базу для кооперации и промышленного развития в рамках ЕАЭС (см., в частности, доклад нашего Движения развития «Сибирь – новая Центральная Россия, или как Юг Западной Сибири станет центром новой индустриализации»).

Десять лет назад здесь, в Душанбе, в ходе дискуссий в Центре геополитических исследований Российско-Таджикского (Славянского) университета у меня появилось представление об этом новом макрорегионе, который тогда назвал Новый Средний Восток, объединяющего Россию, Индию, Китай, Иран, Афганистан, Пакистан, Монголию, Казахстан, Туркмению, Киргизию, Таджикистан, Азербайджан и Турцию.

Здесь необходимо принципиально отступление, без которого, убеждён, невозможно правильно рассматривать сценарии стратегического действия народов нашего Нового Среднего Востока.

Новый мировой порядок задаётся духом и способностью в максимальной степени актуализировать своё традиционное наследие и выделить в нём универсальные ценности, разом продвигающие весь мир.

Вне всяких сомнений, рождение СССР было и строилось не только как трагическое действие, но и как продвижение всего мира и истории вокруг идеала справедливости и братства. И это наш совсем недавний общий опыт, дающий нам неиссякаемую мощь для участия в строительстве мирового порядка.

Здесь, в Душанбе, нельзя не упомянуть и такое процветающее и задающее исторический драйв историческое явление, как величественное возвышение империи Кирпанд, реконструированной буквально по историческим крупницам организатором нашей конференции Гузелью Майтдиновой в её замечательной монографии «Государство Кирпанд – империя в Срединной Азии (II – начало VIII вв.)».

Даже два этих примера позволяют нам осознать, какой задел имеют наши народы, а также и то, что нашей обязанностью является соответствовать подобным великим заданиям и образцам.

Нашим народам есть что предложить миру – идею развития, то есть множественного роста уровня и качества жизни, в целом трудовых возможностей большинства населения, прежде всего молодёжи, процветания в целом для наших народов и каждого народа Земли.

При этом мы можем опираться на выработанный в великий советский период проектный метод, то есть сверхискусственной организации систематической разработки и реализации проектов развития, в основе которых предложения до сих пор отсутствующих новых способов жизни, материальные целевые конструкции и продуктивные рынки вокруг них — конкретная лидирующая продукция в сфере ширпотреба, машиностроения и инфраструктур. Проектность выступает механизмом порождения нового общественного богатства и сверхстоимости буквально «из ничего» или даже «из воздуха», поскольку определяется продуктивной способностью воображения производить образы новых всеобщих востребуемых стилей и форм жизни, способов жизни, которых не было, и затем воплощать их в жизнь. Это возможно, поскольку проектность определяется личностью, выдвигающей и реализующей проект, настойчивым и практически неисчерпаемым личностным усилием, волей как основным фактором созидания новой стоимости и общественного богатства.

Проектность и направленность на производство феноменов развития выступает как предельно неравновесная система, позволяющая замысливать, планировать и осуществлять позитивные сдвиги в системах жизни, а не надеяться на идеальные законы равновесных и потому стремящихся к энтропии систем. Личностно-созидательная проектность по своей сути в конечном счёте направлена на создание перспективных способов жизни в виде новых городов развития и стратегической занятости для молодёжи.

Идея развития и опыт проектности позволяют осознать, что главным дефицитом в наших странах и в мире в целом является дефицит проектов, а не денег. И закрыть такой дефицит сегодня некому – собственно, это и есть одна из ключевых причин прекращения старого мирового порядка.

Беспомощность даже лидеров мировой экономики очевидна.

Общемировое замедление и спад глобального экономического роста ничтоже сумняшееся определяется как якобы «новая нор-

мальность» (New Normal Билла Гросса и Мухаммеда Эль-Эриана). Ставки центральных и коммерческих банков в ведущих странах оказываются отрицательными. Растёт число заявлений ведущих экспертов о возвращении Великой Рецессии, о макроэкономическом тупике (заторе) по всему миру (нобелевский лауреат Пол Кругман), даже о «надвигающейся великой экономической катастрофе» (Жак Аттали), а бывший министр финансов США Л. Саммерс предсказывает «вековую стагнацию» (*secular stagnation*).

Взять на себя задачу организовать реализацию идеи развития у себя и предложение идеи евразийского развития всем народам могли бы народы Нового Среднего Востока. Это и могло бы создать здесь, на Новом Среднем Востоке, центр строительства нового мирового порядка, укрепляющего как Евразию, так и мир.

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ ЭКОНОМИКИ РОССИИ И СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В УСЛОВИЯХ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИЦЕНТРИЧНОГО МИРА

Ведута Е.Н.

**Доктор экономических наук, профессор
Московский Государственный университет имени М.Ломоносова**

Два события – Brexit и победа на президентских выборах в США Д.Трампа, провозгласившего приоритет развития национального производства в интересах благополучия граждан, означают, по сути, переход к формированию нового полицентричного мира. И в этой связи перед всеми государствами стоит вопрос, в каком межгосударственном экономическом союзе (далее – Союз) им быть и какова должна быть его стратегия. Учитывая тесные экономические и политические связи с Россией, естественно стремление стран Центральной Азии – Казахстана, Кыргызстана, Узбекистана и Таджикистана выработать общую с Россией стратегию развития в формирующемся полицентричном мире.

Существующие в настоящее время межгосударственные Союзы с участием России и стран Центральной Азии создавались в эпоху либерализации мировой экономики. Они нацелены на развитие военно-политического, культурного и экономического сотрудничества. Ведущая роль в развитии экономического сотрудничества принадлежит Евразийскому экономическому союзу (ЕАЭС).

Целью ЕАЭС является обеспечение свободы движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы, а также проведение скоординированной политики в отраслях экономики. Как заявлено в Договоре о Евразийском экономическом союзе, к основным инструментам достижения цели ЕАЭС относятся одностипные механизмы регулирования экономики, основанные на рыночных принципах и применении гармонизированных или унифицированных правовых норм, существование единой инфраструктуры [3]. По сути, принципы экономической политики для ЕАЭС и инструменты ее практической реализации аналогичны действующим сегодня в РФ.

Экономическая политика реализует некую стратегию государства (блока государств), стержнем которой является стратегический план. Модели стратегического плана могут быть разными. Когда в 20-х гг. прошлого века завершился период финансовой стабилизации (нечто похожее происходит сегодня), страны затем перешли в 30-х гг. к регулируемым стратегиям в условиях полицентричного (многополярного) мира. Все страны в той или иной мере использовали механизм стратегического планирования экономики для выхода из глубокой депрессии, в которую попали в ходе финансовой стабилизации.

В частности, в СССР в связи с политикой финансовой стабилизации в 20-х гг. (НЭП) возникли проблемы голода и безработицы. Для решения назревших проблем был выбран курс индустриализации, стержнем которого являлся перспективный план развития «единой корпорации» СССР. Этот план, так называемый «директивный», предполагал итеративное согласование плановых расчетов «затраты-выпуск» для обеспечения движения СССР в направлении развития ключевых отраслей экономики. Планирование экономики в виде «кодекса честной конкуренции» было использовано в 30-х гг. Рузвельтом в качестве ядра нового курса США.

После второй мировой войны был использован механизм планирования

для восстановления экономики разных стран (план Маршалла, целевые государственные программы во Франции, Японии и других странах). Если в странах Западной Европы ограничились индикативным планированием с государственной поддержкой ключевых отраслей, то в странах Восточной Европы, в силу их большего разрушения, была внедрена модель планирования, используемая в СССР. Но что характерно для всех моделей и, в частности, для модели, используемой сегодня в Китае, – это то, что приоритетами для планирования были и продолжают оставаться ключевые отрасли, которым государство оказывает поддержку. В то же время другие отрасли, в силу отсутствия расчетов пропорционального развития экономики в целом, становятся «ахиллесовой пятой», которая затем тянет экономику в кризис, оплачиваемый падением уровня жизни граждан.

Стратегическое планирование с ориентацией на ключевые отрасли в долгосрочной перспективе неизбежно ведет к кризису.

СССР, успешно проводивший ускоренную индустриализацию до и после войны, продолжил ориентацию на ключевые отрасли после восстановления экономики. В дальнейшем это привело к ее диспропорциональности. Требовалось подчинить развитие экономики заказам конечных потребителей (домашних хозяйств, государства, экспортеров), включить в процесс планирования информацию о ценах равновесия на потребительском рынке, как обратную связь для достижения пропорциональности экономического развития, и, следовательно, роста реальной платежеспособности рубля по отношению к доллару. Для управления огромной страной как единой корпорацией требовалось использование возможностей современных ИТ для повышения эффективности управленческих решений. Однако ввиду отсутствия научно обоснованной модели стратегического планирования экономики это было сделать невозможно. В итоге стратегическое планирование экономики СССР «проиграло» в конкуренции стратегическому планированию международных финансов, осуществляемому главным конкурентом США.

Стратегией США после второй мировой войны становится установление однополярного мира во главе с США за счет создания международной валютной системы, основанной на долларе, развития мирового рынка ссудных капиталов (еврорынка) и проведения скоординированной финансовой политики с их стратегическими союзниками (Западная Европа, Япония). Так, после достижения конвертируемости валют в странах Западной Европы в 1958 г. появляются евродоллары – доллары, депонированные в иностранном банке (вне США), используемые для кредитных операций, свободных от влияния национального правительства. Параллельно с рынком евродолларов начал развиваться рынок евродевизов. Возник *еврорынок* или *мировой рынок ссудных капиталов*, имеющий тенденцию к увеличению, операции на котором осуществляются в евровалютах.

В развитии еврорынка, операции на котором свободны от налогообложения и контроля национальных правительств, заинтересованы, прежде всего, транснациональные корпорации (ТНК), Центральные банки и предприятия. Экономическая политика США в 60-80-х гг. и нефтяные шоки способствовали развитию еврорынка за счет появления новых финансовых инструментов и создания организационной структуры еврорынка в виде международных фи-

нансовых центров. Либерализация национальных финансовых рынков стран Западной Европы и Японии в 80-х гг., постепенно обеспечила их финансовую интеграцию с еврорынком для массивной интервенции в экономику стран, ставших на рельсы рыночной экономики [1].

Переход России и стран Центральной Азии в начале 90-х гг. к новой экономической модели, предполагающей приватизацию предприятий и отказ от планирования национальной экономики в системе показателей «затраты-выпуск», лишь усложнил проблему пропорционального развития. Стратегия ориентации на цены мирового рынка вместе с разрушением производственных связей обанкротила многие предприятия бывшего СССР. Экономическая политика бывших союзных республик стала осуществляться по фазам цикла «инфляция-дефляция», обслуживаемая теориями «Кейнса – Фридмена» и партиями типа «лейбористы – консерваторы». В России этот процесс обслуживают партии и группы экономистов-монетаристов – «рулящих либералов» и «оппозиционных патриотов». Это цикличное развитие, начавшееся после первой мировой войны, и продолжающееся до сих пор обслуживает централизацию мирового капитала.

Стремительная инфляция, вызываемая резким увеличением военных расходов бюджета и монопольных цен на изготавливаемую по государственным заказам военную продукцию, оправдывается наличием внешнего врага и необходимостью восстановления экономики после войны (чрезвычайной ситуации). Однако, учитывая возможность резкого обострения социальной ситуации в странах базирования ТНК, власть становится заинтересованной в дефляции (медленной инфляции) для финансовой стабилизации и налаживания внешней торговли. После первой и второй мировой войн каждый раз создаются новые международные валютные системы, основанные на ключевых резервных валютах западных стран. Сегодня этими валютами является, прежде всего, американский доллар, а затем уже евро, фунт стерлингов и йена.

Для проведения дефляции государства уменьшают дефицитное финансирование за счет роста налогообложения, сокращения социальных расходов и замораживания заработной платы, что усиливает социальное расслоение. В этот период центральный банк повышает процентные ставки для привлечения иностранных капиталов

и улучшения платежного баланса, что сокращает инвестиционные возможности банков и предприятий. В результате снижаются темпы экономического роста, возрастает безработица, уменьшается платежеспособность населения и предприятий, растет их банкротство.

Однако «приплывший» иностранный капитал является в основном спекулятивным, способствующим импорту инфляции и *бремени потерь от диспропорциональности мировой экономики на государства-импортеры капиталов*. Это объясняется тем, что резервные (ключевые) валюты стран-экспортеров капитала являются самым выгодным товаром, который практически ничего не стоит. Интервенция валют, не имеющих за собой товарного обеспечения, означает фиктивность этих капиталов, которыми «оплачиваются» институциональные реформы в импортирующих их странах. Суть рекомендуемых реформ сводится, как правило, к запуску хаоса в государственном управлении для захвата собственности страны-экспортера капиталов и полного уничтожения в ней конкурентоспособного промышленного производства, а вместе с этим снижения в ней качества жизни, углубления социального неравенства, роста бюрократизации и коррупции.

В соответствии с фазами цикла «инфляция – дефляция» можно выделить следующую периодизацию истории XX-го века [5]:

– 1914-1920 гг. – разрушение золотомонетного стандарта и запуск стремительной инфляции в государствах-участниках первой мировой войны;

– 1920-1933 гг. – создание золотослиткового и золотомонетного стандарта и переход к нему государств-участников первой мировой войны посредством дефляции, закончившейся острой фазой мирового экономического кризиса в 1929-1933 гг.;

– 1933-1950 гг. – запуск умеренной инфляции в США, Великобритании, Франции и стремительной инфляции в СССР, Германии, других странах Европы, закончившийся созданием после второй мировой войны биполярного мира с двумя типами международных валютных отношений – Бреттон-Вудской системой, основанной на золоте и долларе США, и Советом экономической взаимопомощи стран, выбравших плановую модель СССР;

– 1950-1975 гг. – холодная война, сопровождавшаяся усилением инфляции в СССР и реформами по демонтажу его системы, запус-

ком мировой инфляции через доллары США, созданием мирового рынка ссудных капиталов (еврорынка), фордистским накоплением в Западной Европе (одинаковые темпы роста реальной заработной платы и производительности труда), закончившимся после первого нефтяного шока структурным экономическим кризисом;

– 1975-1991 гг. – бурное развитие еврорынка за счет кризиса платежеспособности развивающихся стран, перехода к рыночному определению валютных курсов и скоординированной политике западных стран после второго нефтяного шока по запуску фиктивного капитала, спекулятивных финансовых инструментов и интеграции их финансовых рынков с еврорынком для «захвата» капитала, развалившегося СССР и его бывших союзников;

– 1991-2008 гг. – встраивание развивающихся стран в пирамиду еврорынка через финансовые кризисы и девальвации валют, отток из них спекулятивных капиталов обратно на «родину» в США, который с бумом ипотечного и потребительского кредитования, привел к ипотечному кризису, а затем после быстрого удешевления нефти к падению акций сырьевых компаний развивающихся стран;

– 2008 – по настоящее время имеет место рецессия, характеризующаяся отрицательной динамикой темпов роста мирового ВВП, беспрецедентным ростом безработицы, денежной эмиссией резервных (ключевых) валют США, ЕС и Японии, совместно реализующих программы количественного смягчения (скрытой инфляции). Одновременно ужесточаются требования МВФ по реализации программ жесткой экономии странами экономической периферии.

Уже в 2010 г. объем мирового фондового рынка превысил совокупный годовой продукт в 10 раз, госдолг США превысил национальный ВВП, а в развитых странах Европы он приблизился к 90% ВВП. Продолжение ведущими странами всемирной инфляции, запущенной в первой мировой войне, и ужесточение требований жесткой экономии к другим странам (в их состав уже включаются Ирландия, Греция) означает продолжение перераспределения общего «пирога» в пользу мировой финансовой олигархии. Учитывая, что «пирог» стал сокращаться, а рост безработицы и населения продолжается, то действующая глобальная модель экономики увеличивает риски войн и революций повсеместно, включая страны Запада.

Сегодня хаос приближается к ведущим западным странам. Уже внутри таких стран, как Великобритания, Франция, Германия, произошли расколы элит, в частности по поводу членства в ЕС и отношения к экономической политике Трампа.

Как показал прошедший в январе 2017 г. в Польше X-й экономический форум «ЕС-Украина», бизнес-элиту, научные круги, политиков волнует будущая модель развития экономики. Многие опасаются того, что с приходом нового президента США, у которого приоритетом экономической политики становится развитие национального производства, произойдет «ломка» привычных экономических отношений, которая при отсутствии научно обоснованной модели экономического развития, может усилить экономический хаос, ведущий к развалу государств, т.е. к *безгосударственному миру*. По их мнению, сегодня, как никогда, востребована новая модель стратегического планирования экономики. Они отметили, что информация, используемая сегодня ООН при составлении национальных счетов является недостоверной. Кроме того, Мировой банк, распределяя инвестиции между странами на основе эконометрических моделей, в которых производство рассматривается как черный ящик, не в состоянии решить главную проблему кризисного развития глобализации – диспропорциональности экономики, следствием чего является падение уровня жизни граждан. В этой связи поиск новой экономической модели сегодня рассматривается не как частное дело одной страны, а как дело мирового сообщества, которое готово к поиску и обсуждению новой модели стратегического планирования, обеспечивающей выход из глобального кризиса.

Практически все современные исследователи не обращают внимания на первопричину кризиса – диспропорциональность экономики. Поэтому, связывая его возникновение с циклическостью экономического развития, на вопрос «Что делать?» они пытаются найти ответ в применении все тех же монетарных методов, перераспределяющих доходы и собственность, и институциональных реформ, касающихся реорганизации налоговой и таможенной систем, финансовых рынков, международных финансовых институтов и др. Этим же путем идет и ЕАЭС, по сути реализующий стратегию циклического развития «инфляция-дефляция» в интересах мирового капитала. Однако обострение кризисной ситуации в стра-

нах ЕАЭС будет значительно сильнее, чем на Западе, имеющих право «рисовать» ключевые валюты.

Более того, как и всякий другой глобальный кризис, нынешний кризис ведет к обновлению производства на новой материально-технической базе. В Западных странах наступает *эра роботизации*, которая может быть «оплачена» странами-жертвами, импортирующими иностранные инвестиции для развития инфраструктуры и финансовых спекуляций, что служит, в конечном счете, переходу Запада к новому типу общественного производства. «Экономические эпохи различаются не тем, что производится, а тем, как производится, какими средствами труда» [4, с.191]¹. При этом решающая роль в определении эпохи общественного производства принадлежит развитию механических средств труда или *орудиям труда*, воздействующим на предмет труда и повышающим производительность труда, а не средствам труда, служащим в качестве материальных условий производства (здания, дороги, трубы и т.д.).

Единственным выходом для цивилизации является ликвидация главной причины кризисного развития – *диспропорциональности экономики*. Для ее решения должно лежать понимание модели стратегического планирования экономики не как системы документооборота, перекладываемого на ИТ, а как механизма «затраты-выпуск», обеспечивающего устойчивый рост качества жизни. Для этого требуется использование возможностей современных ИТ для работы с экономической информацией, чтобы повысить эффективность государственного (глобального) управления, т.е. требуется создание экономической киберсистемы, основанной на динамической модели межотраслевого-межсекторного баланса (МОСБ), разработанной советским ученым-кибернетиком Н.И.Ведутой [2].

При постановке динамической модели МОСБ используется метод экономической кибернетики, согласно которому экономика рассматривается как «живая» система с прямыми и обратными связями. Основополагающими принципами модели являются пропорциональность и эффективность производства, оптимизация структуры конечного продукта с точки зрения роста полезности (каче-

¹См. там же Примечание 2 к изданию: «Как ни мало историческая наука знает до сих пор развитие материального производства, следовательно, основу всей общественной жизни, а потому и всей действительной истории, однако, по крайней мере, доисторические времена делятся на периоды на основании естественно-научных, а не так называемых исторических изысканий, по материалу орудий и оружия: каменный век, бронзовый век, железный век».

ства жизни), предполагающая использование информации по динамике цен равновесия потребительского рынка.

Следует отметить, что в законах, регулирующих сегодня развитие экономики, как и в применяемом индикативном планировании для прогнозирования ее развития, не существует никакой обратной связи, в результате чего все управляющие воздействия на экономику ведут ее к разрушению, а оптимистичные прогнозы превращаются в фантазии. Более того, что в основе нынешних методик государственного регулирования, в т.ч. на уровне ЕАЭС, лежат субъективные оценки по распределению выделенных финансовых средств вместо плановых расчетов «затраты-выпуск». Понимание под стратегическим планированием итеративного согласования субъективных оценок распределения финансовых средств стало распространенным в научных кругах. Подмена системы итеративных расчетов плана «затраты-выпуск» согласованием субъективных оценок является основой для коррупции.

Системное определение показателей МОСБ позволяет избавиться от повторного счета, присутствующего в системе национальных счетов ООН и отражает движение всех произведенных доходов и расходов в экономике страны. Принципиальное отличие динамической модели МОСБ от кинематических (эконометрических) моделей состоит в описании движения экономики от ее исходного состояния в желаемом направлении в виде системы алгоритмов с прямой и обратной связью, уточняющей задания конечных потребителей в зависимости от возможностей производителей, в т.ч. с учетом их предложений по новым технологиям. И в этом смысле данная модель является основой экономической киберсистемы. Ее управляющим параметром является государственные производственные инвестиции, которые могут быть совместными с бизнесом (государственно-частное партнерство). В результате расчетов по модели определяется распределение производственных инвестиций по отраслям экономики, максимальный прирост реальной платежеспособности рубля за счет оптимизации структуры конечного продукта для потребительского рынка, плановый МОСБ.

Имеется программная реализация динамической модели МОСБ, разработанная доцентом факультета государственного управления МГУ Г.М.Агаян. Организационно-технической базой внедрения экономической киберсистемы может служить система распреде-

ленных ситуационных центров органов государственного управления. Для внедрения экономической киберсистемы необходима разработка методического обеспечения сбора исходной информации, поступающей от экономических агентов.

Внедрение *экономической киберсистемы* позволит странам ЕАЭС эффективно управлять экономикой на базе совместного стратегического планирования и определять экономическую политику в интересах живущих в них людей. В стремительно наступающем времени автоматизации и роботизации, у стран ЕАЭС с пионерным внедрением экономической киберсистемы появляется исторический шанс стать локомотивом нового полицентричного мира для изменения вектора глобализации.

Литература

1. Ведута Е.Н. Межотраслевой-межсекторный баланс: механизм стратегического планирования экономики. –М.: Академический проект, 2016.
2. Ведута Е.Н. Стратегия и экономическая политика государства. –М.: Академический проект, 2003.
3. Договор о Евразийском экономическом союзе. Ст.2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http:// docs. cntd.ru /document/ 420205962](http://docs.cntd.ru/document/420205962)
4. Маркс К., Энгельс Ф. соч. Т.23. –М.: Изд-во полит.лит-ры, 1960. –С.191.
5. Veduta E. The intrasystemic correction of the global economic model // МАТЕМАТИЧНЕ МОДЕЛЮВАННЯ В ЕКОНОМІЦІ: міжнародний науковий журнал. – 2015. – №2 (3). – звітень-червень.

НЕФОРМАЛЬНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ – ПУТЬ К УСКОРЕНИЮ ТЕМПОВ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА

Умаров Х.У.

**Доктор экономических наук, профессор
Таджикский национальный университет**

Сегодня не подлежит никакому сомнению, что экономическая интеграция групп стран того или иного региона или всего региона выступает в качестве синергетического фактора ускорения темпов экономического роста, успешного решения проблем повышения уровня жизни широких кругов населения, быстрого подъема производительных сил и благосостояния стран, которые допускают отставание по сравнению со своими соседями. Об этом свидетельствует 60-летний опыт Европейского союза, опыт ЕврАзЭС, ЕАЭС, СЭВ, НАФТА и многих других действующих и недействующих экономических блоков.

Следует особо отметить, что экономический рост стран региона в рамках экономической интеграции достигается независимо от идеологии реализации региональных интеграционных процессов. Принятые на вооружение идеологии, т.е. учения тех или иных экономических школ, могут лишь обеспечить более или менее высокие темпы экономического роста вовлеченных в эти процессы стран, различные уровни социально-экономической эффективности региональных интеграционных процессов.

В последние годы наблюдаются серьёзные атаки на целесообразность и эффективность межгосударственных, экономических, интеграционных процессов. Надо особо отметить, что такие атаки предпринимаются не учеными-экономистами, а политологами, журналистами, публицистами и всякого рода технократами. Причина того, что ученые-экономисты не предпринимают такие усилия, заключается в их глубокой убежденности в синергетической эффективности интеграционных процессов. Они относятся к этим процессам как к вполне объективным и закономерным явлениям, а к их необходимости – как к абсолютной истине.

Что касается участвовавшей критики региональных интеграционных процессов, в которой активную роль играют параэкономисты, то эта критика направлена не по реальному адресу. На самом деле, в последние годы наблюдается спад основных макроэкономических и микроэкономических показателей. Однако этот спад относится не к отдельным экономическим группировкам, а ко всей мировой экономике. И в качестве главного фактора спада выступают не интеграционные процессы, а мировой финансово-экономический кризис. В этом контексте следует отметить, что меньше всего от названного кризиса страдают те страны, которые вовлечены в системную, т.е. формализованную региональную экономическую интеграцию. Страны-члены АСЕАН, члены Евросоюза, АТР демонстрируют относительно меньший спад важнейших показателей социально-экономического развития.

Больше всего от кризиса достается тем странам, которые по тем или иным причинам продолжают пребывать в состоянии экономической не-интегрированности со своими соседями по региону. К сожалению, политические круги многих стран и военно-политических блоков, которые сами давно исчерпали выгоды от интеграционных процессов, ведут большую, если не подрывную, работу среди стран, которые до сих пор экономически не интегрированы, объясняя им нецелесообразность интеграции с более могущественными и эффективными в экономическом плане странами.

На наш взгляд, даже такие страны, не вступающие в те или иные экономические союзы, могут воспользоваться синергетическим эффектом интеграции, если будут выстроены торгово-экономические связи на двусторонних межгосударственных уровнях. В таком контексте весьма условно можно говорить о проявлениях неформальной экономической интеграции. При этом необходимым представляется создание соответствующих интеграционных механизмов. Речь, прежде всего, идет о двусторонних договорах. Таковыми также могут быть и многосторонние договоры, если они сводятся лишь к рынкам определенных товаров и услуг. К последним, например, относится создание единой региональной энергетической системы, формирование единой системы региональных транспортных коридоров.

Естественно, действенность неформальных интеграционных связей в спектре достижения конечных результатов намного ниже

по сравнению с формальными интеграционными отношениями, которые находят выражение в создании и функционировании региональных экономических союзов. И все же неформальные интеграционные процессы смогут сыграть значительную и положительную роль в развитии национальных экономик не интегрированных стран, если они будут охватывать отношения между странами с небольшой и самой большой экономикой. В таком случае интеграционные отношения окажутся в состоянии воспроизвести большую часть интеграционного потенциала региона.

В качестве примера можно взять развитие экономических связей между Таджикистаном и Российской Федерацией или Таджикистаном и КНР. Известно, что Таджикистан до сих пор не решил вопрос о вступлении в ЕАЭС. Его представители уже в течении многих лет на встречах с общественностью твердят, что расчеты по вопросам выигрыша и проигрыша от вступления в этот экономический союз ведутся. По всей видимости, они еще далеки от завершения и не известно, когда «расчетный» процесс завершится. Однако время идет, и нет реальных признаков желаний со стороны экономического блока правительства принять решение о вступлении или не вступлении в названный экономический Союз.

Тем не менее, имеются огромные не использованные возможности в интенсификации экономических отношений между РФ и Таджикистаном, КНР и Таджикистаном. В этом контексте нужно заметить, что имеющиеся связи, несмотря на большие объёмы, пока не носят интеграционный характер. Первой предпосылкой интеграционности экономических отношений является производственная кооперация. Второй предпосылкой – сбалансированность торговых связей. Производственная кооперация между Таджикистаном и РФ, Таджикистаном и КНР отличается своей несистемностью. Что касается товарооборота между последними, то он носит в себе явные черты растущей несбалансированности. За период 2000-2015 гг. объёмы экспорта Таджикистана в Россию сократились в 4,5 раза, а объёмы импорта выросли в 10 раз. За этот же период времени объёмы экспорта Таджикистана в КНР возросли в 8,5 раза, а объёмы импорта – в 64,2 раза. В результате удельный вес импорта в товарообороте с РФ вырос с 45,4 до 94,8%, а с КНР – с 77,7 до 96,3% [1, сс. 358, 363, 365, 368, 370]. Такое соотношение между экспортом и импортом с ведущими торговыми партнерами представляются не

только нецелесообразным, но и неприемлемым с позиции экономической безопасности.

Ясно одно – в стратегическом плане приведенные соотношения между импортом и экспортом с ведущими торгово-экономическими партнерами нуждаются в радикальных изменениях. Это становится возможным в результате наращивания темпов и объемов производственной кооперации между Таджикистаном и РФ, Таджикистаном и КНР. Отмеченная неблагоприятная ситуация в торговле произошла из-за господствующей ныне в международной торговле идеологии неолиберализма. Данная идеология, которая поддерживается ведущими капиталистическими странами, настаивает на достижении полного господства практики свободного рынка. Современные теоретические разработки и накопленный практический опыт развития мировой экономики показывают, что неолиберальный подход служит интересам ограниченного круга стран и, по сути дела, является идеологией неокOLONИализма. В этой связи можно полностью согласиться со словами одного из ведущих американских экономистов профессора Чхан Ха Джуна, что «политика свободного рынка оказывалась эффективной редко, а то и никогда. Большинство богатых стран сами не применяли эту политику, когда были развивающимися странами, и за последние три десятилетия указанная политика замедлила экономический рост развивающихся стран и увеличила неравенство доходов. Весьма немногие страны разбогатели на пути свободной торговли и свободного рынка, и вряд ли число таких стран в будущем увеличится» [2, с.97]. Кстати, в последние годы и в КНР, и в РФ идея свободного рынка все больше ставится под сомнение. Это особенно касается ведущих ученых – экономистов, работающих в научно-исследовательских учреждениях Академии наук России. Здесь все больше набирает вес точка зрения о том, что в структуре международных экономических связей ведущее место должна занимать производственная кооперация, а не свободная торговля.

Отсюда следует, что не все слагаемые двусторонних экономических отношений означают ориентацию на интеграционные процессы. Это в полной мере касается тех межгосударственных экономических отношений, которые целиком и полностью опираются на идею свободной торговли. В таком смысле они противоречат инте-

ресам использования двусторонних экономических связей в пользу наращивания производственной кооперации.

Поэтому настало время, чтобы совместные Комиссии по экономическому и научно-техническому сотрудничеству, которые созданы на межгосударственной основе (это касается и соответствующих совместных с РФ и с КНР комиссий) произвели переоценку своей деятельности с учетом современных реальностей и господствующих теорий. На наш взгляд, все ранее заключенные долгосрочные договора о торгово-экономическом сотрудничестве должны быть пересмотрены и освобождены от пагубного влияния идеи свободного рынка и свободной торговли. Глубокая реформа межгосударственных экономических отношений, ориентированная на усиление интеграционных процессов должна опираться на следующие предположения:

а) она должна в полной мере учитывать необходимость использования преимуществ международного и регионального разделения труда, принципа межгосударственной специализации крупных производственных секторов экономики. Сказанное вовсе не означает скатывание к использованию рикардианского принципа сравнительных преимуществ и более современных концепций школы международной торговли. Такая специализация должна предполагать опору на развитие современных крупномасштабных промышленных, агропромышленных и торгово-промышленных кластеров. В этом плане, например, идея полномасштабного восстановления и развития Южно-Таджикского территориально-производственного комплекса (или кластера), т.е. ЮТТПК, выглядит весьма актуальной. В настоящее время в этом плане налаживается весьма эффективная производственная кооперация с ведущими китайскими компаниями, которые работают над воссозданием Яванского промышленного подкомплекса.

Есть все основания считать, что российско-таджикская производственная кооперация существенно отстает от достигнутого уровня в сравнении с китайскими программами, хотя российская страна обладает более значительными преимуществами по сравнению с китайской стороной. Это, в особенности, относится к водно-энергетическому и горно-промышленному секторам таджикской экономики. Изменение структуры экономических связей с РФ вовсе не означает, что импорт традиционных товаров из РФ будут огра-

ничен. Скорее всего, наоборот, ожидается, что и в будущем импорт ГСМ, технологического оборудования, сельскохозяйственных машин, металлоконструкций из России будет увеличиваться высокими темпами. Интересы сбалансирования экономических связей требуют, чтобы в Таджикистане совместными усилиями российских и таджикских компаний быстрое развитие получали такие производства, которые основную часть произведенной продукции экспортировали бы в Российскую Федерацию. Речь идет не только о предметах потребления, овощей, фруктов и бахчевых, но и о продукции производственного назначения;

б) она должна быть ориентирована на ввод в действие отдельных элементов региональной экономической интеграции. К таким, прежде всего, относятся мероприятия по созданию единой энергетической или водно-энергетической системы Центральной Азии. К сожалению, после распада Советского Союза из-за усиления межгосударственных противоречий политического характера единая энергосистема региона была ликвидирована. За прошедшие после ликвидации энергосистемы годы общественность стран Центральной Азии все больше приходит к выводу о том, что такое решение было ошибочным и шагом назад с позиции решения интеграционных процессов. Нельзя в этой связи считать, что восстановление региональной энергетической системы возможно лишь в рамках членства всех заинтересованных стран в Экономическом Союзе. Имеются широкие возможности эффективного многостороннего сотрудничества и вне рамок экономических союзов. В этом плане имеются многочисленные прецеденты регионального сотрудничества. Кстати, очень важным предшественником нынешнего Европейского союза было Европейское объединение угля и стали (ЕОУС). Сотрудничая в рамках этого объединения, европейские лидеры постепенно приходили к пониманию необходимости всеобщей экономической интеграции западной части своего континента.

Восстановление Единой Энергетической Системы Центральной Азии и эффективная совместная эксплуатация энергетических ресурсов, безусловно, расширит понимание необходимости региональной экономической интеграции, обогатит опыт совместного преодоления расхождений и противоречий. Оно создаст прочную основу для дальнейшего расширения просторов региональной интеграции, к примеру, перехода от единой энергетической системы к

единой водно-энергетической системе. Такой переход может означать новую, более высокую систему становления и действенности неформальной экономической интеграции.

В таком же русле может быть регулирована идея о создании единой системы региональных транспортных коридоров. Хотя многие международные и региональные организации, включая финансово-экономические, занимаются вопросами строительства и использования транспортных коридоров, между самими странами Центральной Азии по данному вопросу не существует никакого взаимодействия. Это нередко приводит к значительным потерям. Так, согласно концепции CAREC, один из международных коридоров включает в себе промежуток шоссейной дороги между поселком Айни (Таджикистан) и городом Самарканд (Узбекистан). В то время как с таджикской стороны была проложена высокоскоростная дорога, отвечающая лучшим мировым стандартам, до границы между обеими странами (около 15 км. западнее древнего города Пенджикент), с узбекской стороны несколько лет тому назад были предприняты попытки полного разрушения этой дороги. Проблема транзита грузов по региональным транспортным коридорам так же вызывает определенные опасения. Нередко, по необоснованным мотивам, грузы, транспортные средства и пассажиры задерживаются местными представителями органов власти и подвергаются абсолютно ненужным проверкам. Отсюда следует, что ситуация должна быть изменена. Региональные транспортные коридоры призваны оказывать услуги всему населению региона и его экономике. Поэтому их строительство и функционирование должно быть регламентировано многосторонним договором, в котором необходимо подробно описать права и обязанности отдельных стран, грузоперевозчиков, пассажиров, водителей, представителей власти, институтов дорожного управления и регулирования, логистических организаций. То же самое относится и к установлению тарифов на перевозки и на физическую придорожную инфраструктуру.

Не менее важным представляется подписание двусторонних долгосрочных договоров о производственной кооперации между отдельными странами региона. Такие договоры существуют между Таджикистаном и Узбекистаном, Таджикистаном и Казахстаном, а также Россией и Белоруссией. В зависимости от социально-экономических и географических характеристик каждого регио-

нального партнера можно сформировать производственный профиль сотрудничества. С Узбекистаном можно договориться о создании и эксплуатации мощных аграрно-промышленных кластеров, о совместном создании свободных промышленных зон в пограничных районах, о совместном строительстве гидроэнергетических объектов и т.д. С Российской Федерацией можно договориться о создании и эксплуатации мощных горнопромышленных кластеров, восстановлении крупных предприятий легкой промышленности, создании и совместной эксплуатации крупных учебно-производственных центров. Между Таджикистаном и КНР можно было бы подписать договор о содействии в реализации стратегии импортозамещения в нашей стране, а также об участии китайских компаний в осуществлении индустриализации на более качественном уровне, нежели в 30-е годы XX века.

С Афганистаном можно было бы заключить долгосрочный договор о строительстве и эксплуатации каскада Пянджских ГЭС. К сожалению, из-за продолжения боевых действий в Афганистане решение этого вопроса откладывается на будущее. При иных обстоятельствах Пяндж мог бы стать одним из самых привлекательных объектов инвестирования, поскольку расчетные показатели экономической эффективности и огромный спрос на электрическую энергию в Южной Азии способны создать здесь реальный энергетический хаб. Такие проекты со временем будут претворены в жизнь и смогут повысить уровень интегрированности экономики Таджикистана с экономикой соседних стран.

Особо важное значение для экономики Таджикистана имеет решение сферы научно-технического сотрудничества с Российской Федерацией. Как известно, в советское время данная сфера была одной из самых интегрированных и наиболее результативных в структуре взаимодействий между республиками и регионами. Научно-техническая политика носила централизованный характер и открывала равный доступ для всех единиц СССР. С распадом последнего были полностью разорваны научно-технические связи между бывшими союзными республиками и регионами. В связи с изменившимися обстоятельствами необходимо в рамках двусторонних отношений рассмотреть вопросы научно-технического сотрудничества на качественно новой основе и продумать новые, более эффективные формы такого взаимодействия. Последние могут

быть созданы на базе восстановления действовавших в советское время научно-исследовательских организаций с учетом вновь появившихся обстоятельств. Речь идет об организации совместных научно-технических кластеров. Таковыми могут быть высотный научно-исследовательский кластер горного земледелия и садоводства на базе Памирского биологического института и Хорогского ботанического сада в ГБАО. Другим научно-техническим кластером мог бы стать восстановленный зональный институт хлопководства на базе бывшего филиала НИХИ и бывшего совхоза им.Куйбышева недалеко от города Курган-Тюбе. Этот совместный научно-технический кластер, в котором ведущее место будет занимать семеноводческо-селекционное направление, может стать центром эффективного научно-технического сотрудничества ученых из Таджикистана, КНР и России. Еще в советские времена в названном выше филиале были созданы известные во всем мире сорта тонковолокнистого хлопчатника. Китайские же специалисты по хлопководству, сотрудничая с таджикскими крестьянами на пустынных полях Кумсангирского района, стали бы получать самые высокие урожаи хлопка-сырца средневолокнистых сортов, достигающие до 63,5 ц. с/га. Есть все основания прийти к выводу о том, что таджикско-китайско-российское сотрудничество на базе некогда созданного филиала НИХИ в Вахшской долине по своим результатам может внести революционные сдвиги в развитие хлопководства. В частности, в малоземельном Таджикистане появится реальная возможность получить 1 млн. хлопка-сырца на площади 200 тыс. га.орошаемой пашни при средней урожайности хлопчатника 50 ц. с/га. Заметим, что после распада СССР произошло резкое снижение урожайности хлопчатника. За последние 15 лет урожайность хлопчатника варьировала в пределах 14,1 до 21,0 ц. га, а валовый сбор хлопка-сырца с 276,1 до 447,9 тыс. [1, с.315-316]. Такие сдвиги позволяют полностью решить продовольственную проблему в Таджикистане, поскольку появляются возможности радикального перераспределения посевных площадей в пользу зерновых, зернобобовых, масличных и кормовых культур.

В условиях Центральной Азии вполне реальным представляется осуществление интеграционных мероприятий в области туризма и индустрии отдыха. В этом отношении уникальными возможностями обладают Узбекистан и Таджикистан. Первый известен своими

всемирно известными памятниками истории, а второй обладает огромными рекреационными ресурсами на горных территориях. Миллионы людей в обеих республиках желают посетить исламские святыни, родственников и проводить отдых в лоне природы. Для этого необходимо ликвидировать визовую систему и сделать границы прозрачными. Узбекские компании совместно с таджикскими могли бы создать совместные дома отдыха, санатории, лечебницы на базе термальных лечебных вод в горных районах Таджикистана. Это привело бы к высвобождению миллиардов сумов и сомони, которые традиционно население продолжает хранить в «чулках». Усилия узбекских туристических компаний в благоустройстве и совместной эксплуатации мест отдыха в Таджикистане представляет наибольшую экономическую эффективность в Шахристанском и Пенджикентском районах Согдийской области. Кстати, в этих районах в советское время находились многие объекты организованного отдыха, построенные крупными промышленными и строительными компаниями Узбекистана.

Таким образом, неформальная интеграция, развиваемая на базе двусторонних и многосторонних инициатив, создает определенные синергетические возможности для развития экономики и может стать необходимой ступенью в процессе подготовки и перехода к всеобъемлющей региональной экономической интеграции. Поэтому меры, осуществляемые в рамках неформальной интеграции, должны быть научно обоснованными и отличаться высокими показателями экономической эффективности.

Литература

1. Таджикистан: 25 лет государственной независимости. Сб.ст. – Душанбе, 2016.
2. Чхан Ха Джун. 23 тайны: то, что Вам не расскажут про капитализм. –М.: АСТ, 2014.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ПРЕЗИДЕНТСКИХ ВЫБОРОВ США – 2016

Латифов Д.Л.

**Доктор исторических наук,
профессор кафедры международных отношений и дипломатии
Российско-Таджикский (Славянский) университет**

За кулисами предвыборных дебатов между кандидатами от республиканской и демократической партий США не трудно было заметить, что вектор «Большая Центральная Азия» оставался приоритетным во внешней политике этой страны.

3 августа 2016 г. в Вашингтоне состоялась встреча глав МИД пяти государств ЦА и главы госдепа США Джона Керри в формате С5+1, подписана декларация о сотрудничестве, которая имеет следующее намерение:

- учитывать роль платформы С5+1 как механизма для диалога и совместных действий, обмена мнениями по вопросам обоюдного интереса через внедрение совместных проектов и проведение дальнейших встреч на уровне министров и др.;
- реализовать меры по содействию торговле и опережающему развитию транспортных коридоров по всему региону для повышения доступа к рынкам, увеличения производительности и эффективности транспортировки, усиления конкурентоспособности стран в регионе и на международных рынках;
- усилить сектор логистики по всей Центральной Азии для содействия региональной торговле и продвижению инвестиционного потенциала;
- расширить сотрудничество для борьбы с транснациональными угрозами и вызовами терроризма, а также незаконным оборотом наркотиков;
- повышать диалог об угрозе иностранных боевиков, обмениваться опытом по борьбе с терроризмом и превентивными мерами.

В этих целях, главным образом на техническое вооружение границы Таджикистана, США выделили 12 млн. долл.;

- продолжать поддерживать Афганистан и его развитие как независимого, мирного процветающего государства, признавая, что ситуация в нем остается важным фактором безопасности и стабилизации в регионе;

В развитие указанной встречи августа 2016 г. министр иностранных дел Республики Таджикистан С.Аслов и сотрудник Госдепа США (теперь Чрезвычайный и полномочный посол США в Таджикистане) Элизабет Миллард обсудили итоги встречи на министерском уровне в формате С5+1 «О нынешнем состоянии двусторонних и многосторонних отношений» [10].

Для того, чтобы перевести в русло директивы практических дел, Даниел Розенблум – зам.госсекретаря США по Центральной Азии считает, что необходимо уделять больше внимания данному региону, чем до сих пор, это важно донести до нового президента США – Дональда Трампа.

Прибыв в Ташкент, Даниел Розенблум занялся зондированием позиции нового руководства Узбекистана в том, насколько Москва укрепила свой авторитет после смерти И.Каримова, достигнут ли поворот во внешней политике Узбекистана в отношении к ЕврАзЭС и ОДКБ. Он считает, что Центральная Азия не получает достаточного внимания из-за относительно стабильной ситуации в ней, но при вступлении в должность нового президента США, необходимо объяснить ему и его администрации значение этого региона, чтобы сделать его приоритетной задачей внешней политики. Он заявил, что группа стран Центральной Азии будет рассматриваться как важная сфера для использования потенциала Госдепа.

И реализацию идеи начали поддерживать разработкой пяти совместных проектов, договоренности по которым были достигнуты в августе 2016 г. в Вашингтоне. США выделили на реализацию этих проектов 15 млн.долл. По мнению высокопоставленного чиновника Госдепартамента США, необходимо, чтобы эти страны могли жить в безопасности, не становясь рассадниками террористической деятельности (данное заявление было сделано сразу после того, как смертник накануне взорвал себя у посольства Китая в Бишкеке).

Следует отметить по справедливости, что пребывание войск Коалиции в Кыргызстане, Узбекистане и Таджикистане в связи с АТО

против Талибан в Афганистане несомненно привнесло стабильность в краткосрочной и среднесрочной перспективе, а также способствовало безопасности региона.

А сегодня администрация Трампа планирует увеличить не только военный контингент в Афганистане дополнительно на 19 тысяч человек, но и бюджет на оборону на 54 млрд. долл. больше, чем в прошлом году.

Не случайно гости из Пентагона чаще посещают регион, чем из Госдепартамента США. По мнению высокопоставленных военных Пентагона, угроза терроризма ещё остаётся в Центральной Азии, и Соединённые Штаты превентивно будут работать с государствами региона для предотвращения появления других плацдармов для радикальных террористических движений. Они объясняются своей озабоченностью угрозой возобновления враждебных действий со стороны “Талибан”, “Аль-Каиды” и боевиков Исламского государства в Афганистане, в составе которых растёт число вернувшейся из Сирии молодежи из государств Центральной Азии, воевавшей там на стороне исламской оппозиции.

Повоевав, они возвращаются теперь домой, привозя с собой радикальные идеи и склонность к насилию, особенно опасную в переходных обществах, не имеющих к нему иммунитета.

Стремление США к доминированию в Центральной Азии может привести к возникновению двух вызовов, имеющих отношение к местным политическим реалиям и региональной безопасности. Они могут привести к возникновению долгосрочных трений внутри региона и региональной геополитической нестабильности (имеются в виду трения между КНР, Россией и США) [4, с.8]. Кроме того, натовские эксперты по Центральной Азии не исключают и наиболее радикального развития ситуации в этой части постсоветского пространства, вплоть до исчезновения отдельных стран, видимо, не без участия в этом процессе США. Так, по оценкам американской стратегии «Парадигмы 2025» [9] проведенным Институтом анализа международной политики США, «к 2025 г. вероятность того, что Средняя Азия может превратиться в подобие современного Афганистана, будет весьма реальной. Умеренные государства могут вообще исчезнуть с карты этого региона [2, с.320].

Платформа в формате С. 5+1 стала созываться регулярно. Так, очередная встреча прошла в Гамбурге 7 декабря 2016 г. по инициа-

тиве госсекретаря США Джона Керри на полях 23-го Совещания Совета министров иностранных дел государств-участников ОБСЕ.

Не трудно догадаться, что проект 5+1 создан в противовес ЕврАзЭС. В этом признался сам Дональд Трамп. Он говорил: Путин объявил о грандиозном плане создания «Евразийского Союза», в который вошли бы постсоветские государства и который бы господствовал в регионе. Я уважаю Путина и русских, но не могу поверить, что лидер США позволяет им так просто себя надуть» [3]. За пиар преамбулами проекта якобы о направленности его на решение таких глобальных проблем, как терроризм, экстремизм, проблем изменений климата, фактически кроется цель, прежде всего, развития экономического сотрудничества с государствами региона, втянуть их в свою интеграционную орбиту. Но экономическое положение США не позволяет им предложить чего-нибудь экономически существенного, кроме популярной идеи демократизации. По этому поводу на одном из предвыборных дебатов Д. Трамп атаковал Хиллари Клинтон за то, что она не придерживается жесткой линии в борьбе против преступности и даже отказывается произносить известную формулу «закон и порядок», в то время когда старается экспортировать демократию во все страны мира (Hillary Clinton and Donald Trump Press Pointed Attacks in Debate // The New York Times).

Быть может, поэтому Вашингтон снял с Ташкента санкции из-за попирания прав человека. 27 февраля 2017 г. Даниел Розеблум во время очередного визита в Ташкент был принят министром иностранных дел Узбекистана Абдулазизом Комиловым, где они обменялись мнениями по вопросам узбекско-американских, некоторым региональным и международным отношениям. Общественное мнение Узбекистана о кандидатах в президенты США было индифферентным. Лидер оппозиционного демократического движения "Бирдамлик" Баходир Чориев, мечтавший стать президентом Узбекистана, выступил в поддержку Трампа, который известен своими антимиграционными заявлениями. "Дональд Трамп – это будущее для оппозиционной деятельности Узбекистана", - заявлял он [7].

О динамичном развитии отношений Казахстана и США свидетельствует учреждение при активном участии американской компании «Шеврон» крупного предприятия «Тейгиз шевройл» для разработки огромного месторождения нефти «Тенгиз», на создание

которого было предусмотрено выделить 1,5 млрд. долл. американских капиталовложений.

Заместитель помощника госсекретаря США. Бенджамин Зифф на слушаниях в сенатском комитете по иностранным делам отметил, что в 2017 финансовом году средства на поддержку гражданского общества и независимых СМИ в Евразии и Юго-Восточной Европе увеличились на 26% и составили 83 млн. долл. На эти деньги предполагается вести информационную работу не только, в русскоязычном информационном пространстве. Эффективность поддержки НПО в Кыргызстане ярко проявилась в период организации «цветных революций» в этой стране, беспорядков в Актеппе в Казахстане, недавней попытке использования 100-летия Туркестанского восстания для организации антирусской кампании в указанных республиках. Данное историческое событие, как и 100 лет тому назад (1916 г.), используется в информационной войне против России. Искажение и намеренная политизация исторического события являются опасным инструментом разобщения народов. Согласно найденным историческим документам, конфликт между русскими и киргизами тогда был спровоцирован разведками Германии и Турции. Противники России в Первой мировой войне, как и сегодня, были заинтересованы в дестабилизации ситуации на окраинах России.

В унисон им звучат призывы неких местных аналитиков к реабилитации басмачества в регионе, считая их жертвами массового терроризма и военных преступлений. Как видно, вывод баз супердержавы и её союзников из Кыргызстана, Узбекистана и Таджикистана делает весьма вероятной её дальнейшую ставку в регионе на националистические, сепаратистские и радикальные силы, чтобы ни одна из региональных держав не могла воспользоваться плодами их ухода.

Неоднозначную реакцию среди государств ЦА вызвало решение Трампа ужесточить санкции против Ирана названного им террористическим государством номер один.

Неоднозначно было воспринято также высказывание госсекретаря США в Астане о том, что Средней Азии «угрожает опасность в связи с увеличением потока оружия, наркотиков и ростом исламского экстремизма. В его риторике не трудно было прочесть стратегические цели Трампа изолировать Ближний Восток и бороться с

его религией. Непримируемость цивилизационных установок Трампа направлена не только против шиитских военизированных группировок и суннитских террористов, но и обычных последователей ислама. Такая позиция нового президента сильно отличает его от прежних руководителей Белого дома.

Так, примечателен факт, что сразу после того, как 9 сентября 2001 г., когда в США получила разгул исламофобия, Джордж Буш посетил Исламский центр в Вашингтоне и заявил, что не будет никаких репрессий в отношении мусульман. Ислам, сказал он, является религией мира. Сообщение было официально подтверждено такими высшими чиновниками администрации президента, как Кондолиза Райс и Колин Пауэл.

Обама же, осуждая своего предшественника, отмечал, что последний проводил секретные операции по смещению демократически избранных руководителей в таких странах, как Иран, что вызвало далеко идущие последствия, которые преследуют нас до сих пор. Не исключена вероятность того, что Саудовская Аравия в случае возобновления санкций против Ирана, пользуясь ослаблением экономической помощи последнего государствам Центральной Азии, станет наращивать свое экономическое присутствие в данном регионе. Тем более нам известно, что Исламское движение Узбекистана и другие суннитские экстремистские группировки конкурируют между собой за денежные средства Саудовской Аравии, Катар, Кувейта [5]. Не следует игнорировать и тот факт, что религиозная элита государств Персидского залива заинтересованная в будущем закреплении своих идейно-политических позиций как противовес растущему влиянию шиитского Ирана в мусульманских государствах Центральной Азии, будет способствовать их экономическому росту. Об этом свидетельствует намерение КСА выделить государствам Центральной Азии квоту на прием трудовых мигрантов у себя и в других государствах Персидского залива с целью переориентации трудовых мигрантов от России к себе. Таким образом, становится очевидным, что на Центральную Азию, выступающие в качестве сердцевины Евразии, возлагается мировая ответственность стать осевым регионом (центром), на страны которого должна лечь и основная тяжесть противостояния попыткам США и европейских стран установить доминирующее влияние в этом районе.

Литература

1. Барак Обама. Дерзость надежды. –СПб.: Издат. дом «Азбука» – классика», 2008. – 319 с.
2. Валенский О. Новая стратегия США и НАТО в войне в Югославии, Ираке и Афганистане и ее влияние на развитие зарубежных систем вооружения и боеприпасов. –М., 2008.
3. Дональд Трамп. Былое величие Америки. –М.: Эксмо, 2016. – С.119.
4. Китспоттер В. Большая игра в Центральной Азии // Ядерный контроль. – 2005. – №1(75).
5. Международные отношения в Центральной Азии / под ред. А.Д.Богатурова. –М.: Аспект Пресс, 2014.
6. Независимая газета. – 2016. – 14 дек.
7. Русская реклама // N.Y . – 2015. – № 46 (1178). – 13-19 нояб.
8. Ruesg – amerikan DALY // Репортер Нью Йорк. – 2016. – №170 (794). – 2 сент.
9. Стратегические парадигмы 2025. Планирование безопасности США для Новой Эры // StrategicParadigms: USSecurityPlanning-foraNewEra/2025 Yandex.ru|yandsearch?text.);
10. Фергана ру. – 2016. – 2 сент.

БАЛАНС СИЛ И ГЕГЕМОНИЯ: ПРЕОДОЛЕНИЕ ЗАПАДНОЦЕНТРИЧНОГО ПОДХОДА В КОНТЕКСТЕ ЭМЕРДЖЕНТНОЙ МНОГОПОЛЯРНОСТИ

Савин Л.Вл.

**Главный редактор портала «Геополитика» (geopolitica.ru),
руководитель администрации МОД «Евразийское движение»
Генеральный директор Фонда мониторинга и прогнозирования
развития культурно-территориальных пространств
(г. Москва, РФ)**

В данной статье мы попытаемся обосновать необходимость разработки не-западного подхода в контексте текущей международной обстановки, характеризующейся исчезновением однополярной системы мировой политики и появлением новых акторов, играющих заметную роль в глобальных делах.

Во-первых, нужно дать определения полюса, баланса сил и гегемонии, как это принято в современных науках, описывающих международные отношения.

Теория полюсов и полярности, в первую очередь, разрабатывалась западной политологической школой и связана с реалистской школой международных отношений.

Гуделе де Керсмэкер из Гентского института международных исследований утверждает, что термин "многополярный" и "многополярность" начинают появляться в издании "Нью-Йорк Таймс" ближе к концу 1960-х и начале 1970-х годов. Его введение тесно связано с внешней политикой тандема Никсон-Киссинджер, а точка зрения состояла в том, что мир оставался на тот момент двухполярным в военном отношении (СССР-США), но быстро переходил к многополярности в экономической и других сферах.

Он отмечает, что «полюса рассматриваются как центральный элемент структуры физической или социальной реальности. Когда дело доходит до международных отношений это говорит о присутствии великих держав, которые имеют определяющую роль в фор-

мировании международных систем, в отличие от других государств».

Самую короткую характеристику полюсов в международной политической системе дал американский политолог Ричард Розенкранц в 1963 г. "Мультиполярная, биполярная, и однополярная международные системы можно выделить следующим образом: многополярность – это система с многочисленными блоками или акторами; биполярность – это система с двумя блоками или акторами; однополярности требует наличие одного управляющего или доминирующего блока".

Показательно, что Розенкранц говорил не об одном государстве или двух государствах, а использовал термин блока или актора, что расширяет категорию полюса. В этом отношении его теория видится близкой к идеям представителей немецкой геополитической мысли – Карла Шмитта и Карла Хаусхофера о больших геополитических пространствах.

Также Розенкранц рассматривал любой будущий многополярный момент как открытие окна возможностей, где государства, наконец-то, откажутся от борьбы за большее могущество, будут удовлетворены своим положением и вступят в более значимое международное управление.

Дойч и Сингер также рассматривали многополярность как средство стимулирования основных игроков к большему сотрудничеству.

Аргумент в данном случае состоит в том, что при отсутствии серьезных разногласий между государствами было бы больше оснований для этих же государств для определения их соответствующих общих интересов.

Далее идея полюсов и баланса силы развивалась в контексте ядерного сдерживания. Кеннет Уолц исходил из того, государства являются рациональными акторами, склонными к минимизации рисков. Ядерные державы, имея дело друг с другом, будут вести себя крайне осторожно, поскольку понимают, что цена конфликта может быть слишком велика. По его мнению, государства с небольшим ядерным потенциалом могут успешно применять стратегию сдерживания в отношении гораздо более мощных ядерных держав. В этой связи Уолц не видит смысла в чрезмерном и дорогостоящем наращивании ядерных арсеналов, выступая за мини-

мально достаточный потенциал сдерживания: «больше – не лучше, если достаточно иметь меньше». Умиротворяющий эффект ядерного оружия заключается и в том, что с его появлением резко снизилась стратегическая значимость территории. Раньше завоевание территории рассматривалась как важная мера по созданию вокруг государства «буфера безопасности». Теперь, когда главным гарантом безопасности стали ракеты с ядерными боеголовками, ослабели стимулы к расширению территориальных рубежей и тем самым была устранена одна из главных исторических причин войн.

Однако помимо ядерной многополярности, ряд исследователей пришли к мнению, что появление многополярного мироустройства через определенное время неизбежно. Брайан Хили и Артур Штейн из Центра международных исследований Корнуэльского университета в 1973 г. заявляли, что «эмерджентность Китая уже привела к созданию "треугольных" или "трехсторонних" отношений. Япония, Западная Европа и Индия скоро расширят эту трехполярность к пятиполярности или шестиполярности. Но будущее не будет таким, как 19 век».

Франк Вайсман в середине 80-х гг ввел концепцию кластерной многополярности. Он указывал, что «система власти является мультиполярной, когда возможности более равномерно распределяется, чем при биполярном состоянии, и когда враждебность по-прежнему остается высокой... Система является кластерно мультиполярной когда государства распространяются по всему пространству более равномерно, с большими возможностями для посредников и многими сквозными лояльностями, умеряющими враждебность... Двуполярная власть и мультиполярная власть являются взаимно исключаящими категориями...».

Однако необходимо отметить, что Вайсман рассматривал вопросы двухполярности и многополярности в контексте европейской политики и возможности повторения военного конфликта в будущем. Поэтому данная поляризация заведомо подразумевалась как негативная, а полюса власти неизбежно склонялись к жесткой конкуренции друг с другом. Возможность конфликта двух соседних государств в той или иной форме никогда нельзя исключать, особенно после государственного переворота на Украине в 2014 г. и череды событий, охвативших страны Ближнего Востока и Северной Африки с 2011 г. А поскольку изменение геополитического баланса

неизбежно влечет за собой появление вакуума власти, лучше заблаговременно предусмотреть возможные сценарии развития ситуаций и планы стратегических решений.

Следует упомянуть, что историк Йельского Университета Пол Кеннеди в книге *The Rise and Fall of the Great Powers*, вышедшей в 1987 г., указал, что через 20-30 лет из-за сдвига баланса экономик изменится и баланс военной силы, что приведет к созданию мультиполярного мира к 2009 г.

В целом, Дэвид Кампф в статье "Появление мультиполярного мира" отмечал, как американские интеллектуалы и политики прогнозировали тенденции и реагировали на изменение конъюнктуры, предлагая свои версии будущего изменения мировой политической системы.

Из этого следует первый вывод — многополярность теоретически была предусмотрена в западной науке и ее появление было предсказано.

Далее мы перейдем к балансу сил.

Теория баланса власти относится к классическим международным отношениям реалистской школы и первоначально была выдвинута политологом Кеннетом Уолтцом, а ее основной тезис состоит в том, что союзы рассматриваются великими державами как средства сдерживания экспансионизма доминирующей державы.

Уолтц выступал за создание многополярной системы, в которой великие державы, иногда в форме коалиций, балансируют против доминирующей державы. Довольно близко к теории баланса сил находится теория перехода власти (могущества).

В широком понимании теория перехода власти (*Power transition theory*) также относится к реалистскому подходу в международных отношениях. Считается, что ее разработал в начале Холодной войны профессор политических наук Мичиганского Университета Абрамо Органски (он эмигрировал в США из Италии).

Данная теория опирается на убеждение, что власть каждого государства (которая первоначально была определена Органским, как соотношение ВВП государства на душу населения) определяет свою роль на мировой арене. В результате получается иерархическая международная система с неравномерным балансом сил. Те, кто имеет наибольшее могущество, определяются как доминирую-

щие державы и оказывают свое огромное влияние на международную систему в целом.

В эпоху Холодной войны таких доминирующих сил было две – СССР и США. Важно отметить, что согласно Органскому, существует отличие между великими (Great Power) и доминирующими державами. С другой стороны, теория перехода власти обозначает великие державы, как страны, испытывающие быстрые темпы роста, несмотря на то, их абсолютная власть остается меньшей, чем у доминирующего государства.

И когда великая держава, опираясь на свой быстрый рост, недовольна балансом сил, установленным доминирующей державой, она будет искать новое направление в международной системе.

Интересно, что в 60-х гг. Органски предлагал США быть союзником с Советским Союзом для того, чтобы сдерживать Китай. Коммунистическая идеология, которая на тот момент была на вооружении СССР и КНР, по его мнению, не должна была стать помехой в этом вопросе. Однако дуэт Никсона и Киссинджера сделал ставку на Китай.

Теория перехода власти фокусируется на динамической природе силовых сдвигов и утверждает, что союзы не смогут выдержать постоянные колебания власти.

Признано, что обе теории – перехода власти и баланса власти предлагают ценную информацию о динамических и статических характеристиках национальных государств.

Теория баланса власти, однако, сосредотачивается на статическом анализе, который предполагает, что эти союзы служат некой константой, которая поможет великим державам уравновешивать власть гегемона.

Гегемония – следующий термин, напрямую связанный как с балансом сил, так и с теорией политической полярности.

Часто термин "гегемония" используют в качестве синонима империи или лидерства, поэтому он нуждается в уточнении. Первое упоминание о гегемонии мы встречаем у древнегреческого историка и участника Пелопонесских войн Фукидида. Тогда он описывал региональное соперничество между Афинами и Спартой, к которому они ангажировали своих союзников и соседние народы.

Но наиболее известное определение связано с разработками итальянского марксиста Антонио Грамши, которые он выразил в своей работе «Тюремные тетради».

Социальный класс, утверждал он, действует гегемонистски, если пытается создать новый порядок, формируя универсальную идеологию, которая привносит интересы подчиненных классов в соответствии со своими интересами - или представляет и утверждает свои собственные интересы в качестве общих интересов для всего общества. Гегемония подразумевает способность гегемона позволить подчиненным (классам) поверить, что власть опирается на консенсус большинства. Гегемония есть и остается формой доминирования, хотя она воздерживается от применения силы.

Другая, менее известная, но похожая концепция гегемонии была предложена немецким юристом и философом Карлом Гейнрихом Трипель, который одну из своих работ посвятил теме гегемонии. Трипель считает гегемонию формой власти, расположенной на промежуточном уровне континуума между простым влиянием и доминированием. В отличие от доминирования гегемония не прибегает к принуждению. Это, скорее, форма власти, построенная на приручении, характеризующаяся высокой степенью самоограничения со стороны гегемона. Трипель считает гегемонию особым видом лидерства, но он подчеркивает, что в международных отношениях приверженность гегемону не основана на «радостной преданности», как в области социальных отношений, а скорее на расчетливой позиции более слабых государств, а также их признании собственной слабости.

Интересны также размышления Гейнриха Трипель о типах гегемонии, подразделяемых на гомогенную и аллогенную, эндогенную и гетерогенную. Гетерогенная гегемония всегда утверждается трудней, чем эндогенная, особенно если к гетерогенности добавляется национальная и религиозная аллогенность. Австрийская гегемония в Италии воспринималась как чужеземное господство, и, когда развилось итальянское национальное чувство, ее судьба была решена. На гегемонию Австрии в Германии крайне неблагоприятно влияло то, что в империи Габсбургов немецкий элемент все больше оттеснялся на задний план инородцами, так что Австрия считалась лишь наполовину немецким государством.

Кроме того, он говорил об эгоистической и альтруистической гегемонии. Он указывает, что те и другие мотивы обычно смешиваются, редко бывает, чтобы один из них полностью отсутствовал, так что вопрос лишь в том, какой из них выступает на передний план. В блоках, состоящих из двух государств, и при плюралистической гегемонии преобладают эгоистические, точнее, эгоцентрические мотивы. В федеративных гегемониях эгоизм и альтруизм примерно уравниваются, так как сообщество заботится о том, чтобы гегемон работал не только на себя, но и на всех. Но никогда альтруизм гегемона не доходит до того, чтобы он пожертвовал самим собой. Государство ни при каких обстоятельствах этого не сделает.

Грамши и Трипель сближает то, что оба автора акцентировали внимание на ценностях, методах убеждения и культурном влиянии в широком смысле этого слова, а не силовых решениях актора, который является гегемоном.

В историческом контексте Джованни Арриги в работе «Долгий двадцатый век. Деньги, власть и истоки нашего времени» указывает на три гегемонии, которые сменяли друг друга – голландская гегемония (с 1588 по 1713), британская гегемония (с 1713 по 1921) и американская гегемония (с 1921 года до наших дней). Нужно сделать ремарку, что Евгений Уиткопф в своих исследованиях, связанных с теорией перехода власти, рассмотренной ранее, опирался на *Seapower Concentration Index* Джорджа Модельски. А Модельски, в свою очередь, опирался на идеи основоположника теории мир-системного анализа Фернана Броделя. Концепция Броделя *longue durée* (длительное время) была разработана для того, чтобы показать целостность больших социокультурных образований, т.е. цивилизаций. А циклическое время показывало подъемы и спады значительных процессов, которые имели экономические и политические последствия.

Исходя из этих положений, мы видим, что 1) многополярность и баланс сил (переход власти) коррелируются друг с другом; 2) гегемония отражает идею перехода власти от одного глобального полюса к другому; 3) гегемонии одного полюса может быть брошен вызов со стороны другого полюса (полюсов).

Показательно, что в XX веке американской гегемонии были противопоставлены две попытки — нацистской Германии и Совет-

ского Союза. Оба контрпроекта оказались неудачными. При этом такая конкуренция соответствует концепции Четвертой политической теории Александра Дугина. Либерализм как Первая политическая теория меняет гегемонистский полюс от Британии к США. Вторая политическая теория на основе марксизма создает полюс на базе Российской Империи, преобразованной в Советский Союз. США не признает долгое время СССР именно по причине идеологической угрозы своему лидерству, так как советский проект, который так же апеллировал к свободе и борьбе против угнетения, создавал реальную конкуренцию либеральному типу прав и свобод. Третья политическая теория в лице национал-социализма и фашизма возникает как реакция и на марксизм, и на либерализм. Но эти две гегемонии как и возникли, так и перестали существовать в XX веке, хотя к их идеям и методикам частично продолжают обращаться в различных странах.

Очевидно, что на данный момент США теряют свою гегемонию, перестав быть единственным полюсом, известным как одинокая супердержава. Однако возникает вопрос — что придет на смену существующему порядку. Если следовать западным теориям международных отношений, можно предположить, что исходя из ВВП, роста расходов на оборону и других факторов, учитываемых при подсчете индекса геополитического могущества, новым мировым гегемоном станет Китай. Действительно, экономический рост этого государства, особая финансово-кредитная политика в отношении других стран, инфраструктурные проекты на территории Евразии, Африки и Латинской Америки показывают значительные успехи последнего десятилетия. Китаю прогнозируют усиление влияния с помощью ненавязчивой экспансии и экономических инструментов, которые, в отличие от МВФ и Всемирного банка, не несут политических обязательств стран-клиентов.

Но такая точка зрения отражает исключительно западный подход. Руководство Китая следует собственной доктрине мирного сосуществования

Вместе с этим возможны дополнительные альтернативные сценарии, которые относятся к новым эмерджентным странам.

В 2006 г. Сотрудник японского Института исследований БРИК-Такаши Кадокура предложил концепцию ВИСТА – акроним для

группы государств, куда входят Вьетнам, Индонезия, Южная Африка, Турция и Аргентина.

Этот блок характеризуется высокой степенью политической стабильности, высокими темпами роста, большими запасами природных ресурсов, рабочей силой со значительным уровнем подготовки. Цуёши Сато, экономист Международного университета из Осаки добавил к этому, что VISTA страны являются весьма привлекательными для ведения бизнеса.

VISTA не только относятся к схеме многосторонней совместной "альтернативе", но представляют собой вторую новую волну более важную роль на международной арене.

Этот блок стран предоставляет огромные возможности для международной интеграции Аргентины с точки зрения бизнеса, а также создания платформы для сотрудничества в многосторонних союзах Юг-Юг, что подтверждает их идентичность в качестве наиболее динамично развивающихся стран.

Хотя с этого времени возможности этих стран изменились (в частности, в Аргентине и Южной Африке внутренняя обстановка стала менее стабильной, а в Турции была совершена попытка государственного переворота), сама концепция является весьма интересной и показывает, что есть гораздо больше возможностей для будущих блоков и альянсов по экономическим, политическим и военным мотивам, чем существует сегодня.

Интересно, что профессор политической экономии из Института исследований по развитию (Британия) Мик Мур считает, что политическая власть различна в различных местах и включает в себя нечто большее, чем просто государства. Паттерны политической власти являются более комплексными и дифференцированными.

Эта гетеродоксальная идея вместе с остальными подрывает монополию классической западной школы международных отношений в ее известных форматах. С учетом отдельных региональных процессов (например, в Латинской Америке, идет реализация нескольких интеграционных проектов — UNASUR, MERCOSUR, CELAC, ALBA; в Тихоокеанском регионе — ASEAN, АТЭС) религиозных аспектов и установок стратегической культуры стран, также напрямую влияющих на политические решения, мы видим, что появляющаяся (эмерджентная) многополярность гораздо шире,

глубже и взаимосвязанней, чем наличие возможных полюсов и баланса сил западного реализма. И это открывает широкие возможности для новаторских решений и аутентичных методологий, которые могут применяться в отдельных регионах при полном игнорировании либеральной политической идеологии.

ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ПОСТСОВЕТСКИХ ГОСУДАРСТВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В УСЛОВИЯХ ГЛО- БАЛИЗАЦИИ И РЕГИОНАЛИЗАЦИИ

Нуриддинов Р.Ш.

**Доктор политических наук, профессор,
заведующий кафедрой международных отношений
Таджикский национальный университет**

Основатель мира и национального единства – лидер нации, Президент Республики Таджикистан уважаемый Эмомали Рахмон на праздничных торжествах, посвященных Наврузу 2016 года, отметил, что признание Организацией Объединенных Наций Навруза в качестве мирового праздника свидетельствует о том, что жители планеты чтят этот поистине культурный и гуманистический праздник и признают его в качестве инструмента мира, стабильности, чистоты помыслов, верности, красоты и пробуждения, что созвучно с тематикой нашей конференции.

В конце XX в. человечество вступило в новый этап своего развития, связанный с переходом к информационному обществу. Разрешение межгосударственных, межрелигиозных и межэтнических противоречий в настоящий момент происходит иначе.

Одним из способов современной политической борьбы является целенаправленное информационное воздействие на правящую элиту, на институты государственной власти и массовое сознание. Претворяя в жизнь технологии управляемого протеста, можно приводить к власти лояльные правительства, изменять внутривнутриполитическую конфигурацию в стране, ввергать народ в пучину полномасштабной гражданской войны.

Большинство современных государств мира, осознав тот факт, что информационное воздействие на противостоящую сторону достаточно эффективно для реализации экономических и военно-политических целей внешней политики, принялось активно разрабатывать научные теории информационных войн.

В современных условиях государство должно активно противодействовать угрозам внедрения в сознание граждан идей, под видом свободы слова и культурных стандартов определенным образом ориентирующих и мотивирующих деятельность людей, подменяющих традиционные духовные ценности и, в конечном итоге, ведущих к разложению национальной идентичности и уничтожению государственного суверенитета.

В условиях информационной революции победу в борьбе за пространство определяют не военные, а культурно-информационные технологии. Это определяет главный геополитический закон в эпоху информационной революции: тот, кто контролирует источники информации на данной территории – тот контролирует и саму территорию.

В эпоху глобализации информационное противоборство приобретает значительно более широкий контекст, выходя за рамки информационного соперничества противостоящих геополитических субъектов, поскольку битва идет за умы и сердца большинства человечества.

Информационная война эксплуатирует скрытые человеческие пороки. Так, одним из основополагающих побудительных мотивов человеческой агрессии является образ действительного или воображаемого врага, именем которого люди оправдывают свои действия.

Но самое главное состоит в том, что новые информационные технологии, если их рассматривать как оружие, способны обернуться для человечества тотальной катастрофой, поскольку в качестве инструмента политики информационная война означает господство одного общества путем оболванивания народа другой страны.

Современная информационная война представляет собой планомерное информационное воздействие на всю инфокоммуникационную систему противника с целью формирования благоприятной глобальной информационной среды для проведения любых геополитических операций, обеспечивающих максимальный контроль над пространством.

Задача информационной войны состоит в том, чтобы подорвать цели, взгляды и мировоззрение людей, изнутри разрушая социум. И самая большая опасность состоит в том, что информационный

враг совершенно невидим и абсолютно неизвестен.

Концепция информационной войны во многом возникла по аналогии с созданием эффекта гипнотического внушения по отношению к отдельному человеку. Процесс погружения в гипноз предполагает несколько важных принципов:

1) гипнотизируемый должен находиться в расслабленном состоянии;

2) необходимо внимательно слушать гипнотизера, не обращая внимания на других;

3) нельзя анализировать слова гипнотизера, надо только машинально пассивно повторять;

4) важно сосредоточить внимание на любом нейтральном предмете, помимо голоса гипнотизера.

При выполнении этих условий человек становится достаточно послушным объектом манипуляции. Современные теоретики информационной войны по аналогии с методом гипноза предлагают такую концептуальную схему информационного противоборства:

1) расслабить общество – внушать через СМИ, что проблем нет, и для отвлечения обсуждать незначительные исторические периоды и события, интересы отдельных малых народностей;

2) заставить общество слушать только противника, например, с помощью пропаганды его образа жизни, исключив опыт других стран и народов;

3) заставить общество не размышлять над тем, что говорит противник, для этого исключить из СМИ серьезные аналитические передачи, сделав акцент на ярких развлекательных шоу;

4) сосредоточить внимание общественности на каком-то отдельном предмете, чтобы подсистема защиты, ответственная за анализ информации, не выполняла свою функцию и была дезориентирована;

5) постоянно внушать, что само общество становится все лучше и лучше, чтобы снизить критические способности людей.

Существует узкое и широкое понимание этого феномена.

В узком смысле информационное оружие – это *средство* искажения, уничтожения и хищения информации; *средство* преодоления систем защиты; *средство* ограничения доступа отдельных пользователей; *средство* дезорганизации действия технических средств, компьютерных систем.

В широком смысле информационное оружие – это использование информационных технологий и информации для разрушительного воздействия на информационные системы и менталитет противника.

Информационное оружие имеет ярко выраженный наступательный характер, поскольку эффект информационного удара заложен в его превентивности. Эффект внезапности, превентивности информационного удара заложен сегодня в концепции глобального информационного лидерства США, которую эксперты весьма точно охарактеризовали как программирующее лидерство.

Стратегия программирующего лидерства состоит из нескольких программных принципов:

1) опережающее внешнеполитическое планирование и вброс в политический дискурс идей и концепций, воплощение в жизнь которых отвечает интересам лидера;

2) опережающее формулирование основополагающих целей международной повестки дня в выгодном для лидера ракурсе;

3) решительное дистанцирование от «чужой игры», и игнорирование целей других субъектов мировой политики;

4) искусственное создание лидером условий, подталкивающих партнеров к инкорпорированию предлагаемой лидером повестки дня в их внешнеполитические программы.

Достаточно ярким примером последних лет является вброс в политический дискурс таких идей и концепций, как «столкновение цивилизаций» и «борьба с терроризмом». Они послужили основой для последующего программирования операций в Югославии, Афганистане, Ираке, Ливии, Сирии.

Серьезным преимуществом информационного оружия многие эксперты считают его относительную дешевизну по сравнению с другими видами вооружений, поскольку в него не надо вкладывать «энергию» для уничтожения противника. Предполагается, что противник обладает всеми необходимыми средствами для собственного уничтожения, поэтому эффективность применения информационного оружия состоит в том, чтобы помочь противнику направить имеющиеся у него средства против самого себя – создать эффект саморазрушения.

Цель информационной стратегии состоит в использовании механизмов саморазрушения противника. *Пропаганда собственного*

образа жизни и дискредитация системы ценностей противника включают механизмы его мягкого и незаметного саморазрушения.

Холодная война стала первым сражением, когда в борьбе за пространство доминировали и определили победу не военные, а культурно-информационные технологии, цель которых – лишить противника символического капитала, его власти над пространством.

Сегодня очевидно, что овладеть территорией врага легче всего именно таким путем:

достаточно духовно обезоружить элиту, заставить ее отказаться от национальной системы ценностей в пользу политической идеологии противника, и элита превратится в «пятую колонну» в тылу собственного народа – начнет сокрушать национальные святыни, высмеивать национальных кумиров, восхищаясь всем иностранным и высокомерно третируя исконно-почвенническую отсталость. И народ будет духовно сломлен, морально подавлен и сокрушен, дезориентирован.

Оранжевые революции на постсоветском пространстве, революционные события на Ближнем Востоке – все эти события стали убедительным свидетельством мощи и влияния интернет-коммуникаций на процессы, происходящие в современном мире.

Центральная Азия, где еще несколько лет назад проблема информационного неравенства была одной из наиболее острых, сегодня активно осваивает современные информационно-коммуникационные технологии (ИКТ).

Каждая центральноазиатская республика формирует собственные подходы к обеспечению информационной безопасности, которые находят отражение в национальных законодательствах. Практически во всех государствах региона есть специальные комиссии по проблемам информационной безопасности, принимаются межправительственные соглашения по защите информационного пространства. Однако следует признать, что проблема до сих пор теоретически не проработана.

Чаще всего под информационной безопасностью в государствах региона понимается защита национального информационного пространства от негативного и деструктивного информационного воздействия внешних сил. В законодательствах стран Центральной Азии зачастую отсутствуют четкие формулировки понятия инфор-

мационная безопасность. Недостаточное внимание уделяется вопросу управления интернетом. Подобный подход увеличивает уязвимость региона перед внешними информационными вызовами и угрозами.

Движение в этом направлении стало бы существенным вкладом не только в развитие информационного пространства, но и в национальную безопасность региона.

Таджикистан стал первым государством Центральной Азии, принявшим национальную Концепцию информационной безопасности – еще в 2003 г. такой документ был разработан и утвержден правительством страны. В концепции подчеркивается роль информации для развития республики, а информационная сфера обозначена как системообразующий фактор жизни общества.

Под информационной безопасностью Республики Таджикистан понимается состояние защищенности ее национальных интересов в информационной сфере, определяющихся совокупностью сбалансированных интересов личности, общества и государства.

Примечательной особенностью концепции является то, что в ней классифицированы стратегические задачи внутренней и внешней политики государства по обеспечению информационной безопасности. Основные принципы обеспечения информационной безопасности авторы документа видят в соблюдении конституционных прав человека на получение информации, информационном обеспечении государственной политики, доведении до населения и международной общественности достоверной информации о государственной политике.

Примечательно, что решение проблемы информационного неравенства в Таджикистане связано с увеличением импорта ИКТ, в то время как соседи по региону, наоборот, рассматривают снижение зависимости от зарубежных информационных технологий и развитие собственного производства в этой области в качестве одного из главных механизмов обеспечения национальной информационной безопасности.

Одна из особенностей информационного пространства республики состоит в том, что государство, несмотря на доминирующее положение, проявляет готовность способствовать росту числа независимых частных СМИ и сотрудничать с ними на равноправной основе. Таджикистан привлекает крупных, в том числе иностран-

ных, инвесторов для финансирования различных информационных проектов.

Широкое участие бизнес-структур в индустрии электронных масс-медиа ведет к тому, что они становятся значимыми участниками медиа-рынка и начинают составлять конкуренцию государству. Государство, в свою очередь, проявляет готовность воспринимать некоторые частные СМИ как равноправных партнеров.

Во многом это обусловлено событиями Арабской весны, которые показали, что новые медиа не только превращаются в важный фактор внутренней общественно-политической дискуссии, но и становятся одним из наиболее существенных инструментов позиционирования страны и формирования ее имиджа на международной арене. Можно сказать, что СМИ Таджикистана находятся на пути трансформации из инструмента политики и идеологии в относительно независимый и влиятельный общественный институт.

Анализ подходов государств Центральной Азии к обеспечению информационной безопасности в условиях регионализации показывает, что каждая республика региона самостоятельно формирует подходы к решению этих вопросов.

Несмотря на схожесть методов, используемых республиками в преодолении проблем информационного неравенства, развития национального сегмента в интернете, формировании нормативно-правовой базы в области информационной безопасности, отсутствуют единые региональные подходы для решения этих проблем. Это происходит вследствие достаточно сложных и зачастую противоречивых отношений между государствами Центральной Азии, обусловленных различным характером внутри- и внешнеполитического развития государств региона. По мере возрастания глобальных информационных угроз, представляющих опасность государственной целостности и стабильности, центральноазиатская политическая элита осознает, что меры, принимаемые на уровне одного государства, не всегда эффективны и достаточны.

Транснациональный характер развития информационного пространства обуславливает трансграничность вызовов и угроз. Следовательно, для обеспечения информационной безопасности в рамках даже одного государства необходимо принятие единых региональных или глобальных мер. Государственные перевороты на постсоветском пространстве, Арабская весна на Ближнем Востоке

привели к пониманию лидерами государств Центральной Азии необходимости сообща решать вопросы в области обеспечения информационной безопасности. Одной из площадок, где началось активное обсуждение вопросов международной информационной безопасности (МИБ) с участием центральноазиатских государств, стала ШОС, членами которой являются, в том числе, государства Центральной Азии. В 2006 г. на саммите организации в Шанхае вопросы информационной безопасности были впервые обозначены в повестке дня.

По итогам саммита было принято «Заявление глав государств-членов ШОС по международной информационной безопасности», где подчеркивалось, что в современном мире ИКТ могут быть использованы в преступных, террористических и военно-политических целях, что представляет угрозу для международной безопасности и способно дестабилизировать общественную жизнь государств.

Актуальность проблем обеспечения МИБ как одного из ключевых элементов общей системы международных отношений подчеркивается в Екатеринбургской декларации ШОС, (2000 г.), Ташкентской декларации ШОС (2010 г.) где информационная безопасность рассматривается как важный фактор обеспечения государственного суверенитета, национальной безопасности, социально-экономической стабильности.

Еще одним способом противодействия информационным угрозам стала инициатива создания единого информационного пространства ШОС. Это пространство, по мнению сторонников идеи, призвано способствовать формированию единых культурных и нравственных ценностей у населения стран ШОС. Для этой цели предполагалось унифицировать правовое регулирование отношений в информационной сфере, а также средства поиска, сбора, хранения, анализа и защиты информации в государствах, входящих в состав организации.

Не менее важными задачами на пути создания единого информационного пространства ШОС рассматривались формирование и реализация согласованной политики в области развития СМИ и интернет-коммуникаций. Однако в государствах-членах организации уже сформировались различные модели информационного пространства, зачастую используются диаметрально противоположные

методы и инструменты развития сферы ИКТ, контрастируют культурно-ценностные установки, пропагандируемые в СМИ, различаются национальные подходы к вопросам информационной безопасности и управлению интернетом.

Еще одной региональной структурой, включающей государства Азии и акцентирующей внимание на вопросах информационной безопасности, является Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ). Сотрудничество в этом направлении в рамках ОДКБ началось в сентябре 2008 г., когда была утверждена Программа совместных действий по формированию системы информационной безопасности государств-членов организации. Программа охватывает такие важные направления, как сотрудничество в политической сфере, формирование согласованной нормативной правовой базы, совместные научные и исследовательские работы, обмен информацией о достижениях в этой области, подготовка кадров, обеспечение безопасности критически важных объектов проведение совместных мероприятий.

Вопросы обеспечения информационной безопасности также находятся в центре внимания Содружества Независимых Государств (СНГ). В 2008 г. были приняты Концепция сотрудничества государств-участников СНГ в сфере обеспечения информационной безопасности и Комплексный план мероприятий по реализации данной концепции.

На основе анализа подходов государств Центральной Азии к вопросам информационной безопасности и управлению интернетом можно сделать общий вывод о том, что:

- проработка данной проблематики в рамках государственной политики стран региона пока еще находится в довольно ранней промежуточной стадии;
- каждая республика стремится формировать собственные подходы к обеспечению информационной безопасности, которые находят отражение в национальных законодательствах;
- в республиках создаются специальные комиссии по проблемам информационной безопасности, принимаются межправительственные соглашения по защите информационного пространства;
- в рамках региональных организаций, объединяющих большинство центральноазиатских республик – Организации Договора

о коллективной безопасности и ШОС решаются вопросы информационной безопасности;

- по мере качественного развития национальных ИТ-секторов и выхода на первый план таких проблем, как безопасность критической инфраструктуры, киберпреступность и др., существующие доктринальные подходы потребуют модернизации и частичного пересмотра;

- во всех без исключения государствах Центральной Азии ведущую роль в процессах информатизации играет государство;

- еще одним приоритетным направлением для государств региона является развитие собственных национальных доменов;

- правительства государств Центральной Азии рассматривают контроль и регулирование социальных сетей и подобных им сервисов в качестве одного из приоритетных направлений в области информационной безопасности;

- подход интеграционных структур в основном заключается в повышении ответственности государства за развитие информационных процессов и защиты от негативного информационного воздействия извне;

- перед государствами Центральной Азии стоит задача не столько экстенсивного расширения собственных национальных сегментов Сети (глобализация, экономический рост и диффузия технологий сделают это за них), сколько их качественного совершенствования и обеспечения их конкурентоспособности в мировом информационном пространстве.

- приоритетом должно стать развитие новых проектов в области интернета, в частности социально ориентированных площадок, интерактивных платформ и онлайн-проектов. Движение в этом направлении может не только не противоречить, но и напрямую служить интересам национальной и международной безопасности за счет беспрецедентного расширения потенциала интерактивного взаимодействия государственных органов с населением, информирования, оповещения и мониторинга – как государственного, так и общественного.

ВЛИЯНИЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ НА ИНТЕГРАЦИЮ ГОСУДАРСТВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Майтдинова Г.М.

**Доктор исторических наук,
профессор кафедры международных отношений и дипломатии
Российско-Таджикский (Славянский) университет
Директор Центра геополитических исследований РТСУ**

В последние десятилетия Центральная Азия с периферии региональной политики переместилась в один из перспективных центров мировой политики и экономики с учетом имеющегося геополитического потенциала государств в условиях формирования новых параметров геополитического влияния. В условиях становления нового мирового порядка стали заметны изменения в политической составляющей системы геополитических отношений Центральной Азии. Спустя четверть века после обретения суверенитета новыми центральноазиатскими государствами здесь появилась тенденция к налаживанию более тесных добрососедских отношений с приграничными государствами и к ускорению решения застарелых этно-территориальных и коммуникационных проблем. Активизировалось межправительственное взаимодействие Таджикистана, Узбекистана, Кыргызстана, Казахстана по урегулированию актуальных проблем и налаживанию стратегического сотрудничества с учетом новых вызовов. Заметны существенные перемены в структуре внешнего воздействия на геополитические реалии в Центральной Азии. В середине второго десятилетия XXI века, несмотря на начало реализации новой обновленной стратегии партнерства Евросоюза в Центральной Азии, его влияние в регионе заметно сокращается на фоне еще большего усиления здесь геополитического влияния России, США, Китая, имеющих стратегические геополитические интересы в регионе. Активизируется политика Индии на фоне усиления экономического веса Китая в Центральной Азии, а также Пакистана, отводящего региону важную роль в своей геополитике. В этих условиях постсоветские государства стремятся строить свои

двусторонние отношения с внешнеполитическими игроками в соответствии со своими национальными интересами, моделями реализации и правилами игры. Во многом в геополитической динамике Центральной Азии национальные интересы и стратегии новых государств уже учитываются в той или иной мере внешними силами при реализации своих региональных проектов, расценивая регион как ключ к системе трансконтинентальной безопасности и от баланса интересов, здесь зависит успех осуществления стратегических планов.

В условиях формирования нового мирового порядка в начале второго десятилетия XXI века в мире происходит становление новых центров развития. В современной Центральной Азии идет процесс восстановления геополитической целостности региона с опорой на исторически сложившиеся экономические и культурные связи. В интеграционных процессах в регионе главной мотивацией выступает заинтересованность в реализации национальных интересов, обеспечении региональной безопасности, взаимовыгодного сотрудничества с учетом интересов внешних партнеров. Для новых государств Центральной Азии, не имеющих доступа к южным морским коммуникациям, крайне важен транзитный потенциал Афганистана и стабильное развитие этого государства. Модели интеграции, предлагаемые внешними игроками, включают соразвитие новых государств вместе с Афганистаном и другими соседними государствами. Если анализировать каждую предлагаемую модель центральноазиатской интеграции – будь то иранская или тюркская интеграции на культурной основе, американская интеграция Большой Центральной Азии, китайский геоконцепт Экономический пояс нового Шелкового пути, то каждая из схем, предлагая интеграцию отдельного набора государств региона, не дает реального укрепления единого интегрированного пространства Центральной Азии и не способствует геополитической целостности всего региона. В предлагаемых российских, американских, китайских геоконцептах общее одно – должна быть восстановлена геополитическая целостность Центральноазиатского региона, и в регионе должны быть созданы условия для свободного перемещения товаров, услуг, усилено экономическое и культурное взаимодействие. Три игрока в Центральной Азии предлагают реализовать три проекта реформирования региона. Но за этими тремя проектами стоят только две идеи:

глобализация и регионализация. Здесь как раз на характер интеграции влияет геополитический фактор, связанный с расположением государств в геополитическом пространстве, зависимость межгосударственных отношений и интеграции от географического расположения этих центров силы. США и Китай с разных углов, но хотят видеть Центральную Азию более открытую к глобальным силам как часть глобальной экономики и рынка. Если США видят Центральную Азию более связанной с миром во взаимодействии с Южной Азией, то Китай видит Центральную Азию более связанной с миром в увязке с самим Китаем. Для Китая Центральная Азия – это транзит, мост в Европу и на Ближний Восток. Но обе эти идеи имеют глобализационный характер [5]. При этом, ни США, ни Китай пока не нашли точки сопряжения двух геоконцептов, тогда как Россия и Китай уже объявили о «сопряжении» своих региональных проектов – Евразийского Экономического Союза и Экономического пояса нового Шелкового пути. Это не означает слияния российского и китайского проектов, а речь может идти о поиске компромиссов между сторонами при реализации своих геоконцептов. Между тем не найден компромисс в Центральной Азии для сопряжения американского, российского и китайского геоконцептов вместе. Причем в рамках Евразийского экономического союза между государствами складываются тесные союзнические отношения с взаимными обязательствами, в то время как Экономический пояс нового Шелкового пути – геоконцепт, реализация которого основана на партнерских отношениях и который может быть реализован в Центральной Азии в зоне ответственности ШОС или Евразийского экономического Союза. Китай не рассматривает евразийскую интеграцию как противоречащую китайским интересам или конкурента ШОС, а, напротив, считает ее важной составляющей взаимодействия. ШОС может стать одним из инструментов реализации геоконцепции Экономического пояса нового Шелкового пути во взаимодействии с другими региональными объединениями. Важно то, что программа создания Экономического пояса нового Шелкового пути могла бы стать катализатором многостороннего экономического сотрудничества государств ШОС и проводиться под эгидой этой организации, но при координации со схожими программами других международных организаций [6]. С другой стороны, американский геоконцепт Нового Шелкового пути или Большой Цен-

тральной Азии, если будет все еще поддержан новой политической элитой США, с приходом новой администрации США в 2017 году (которая будет, скорей всего, делать акцент в большей мере на регионализацию мира и строительство многополярного мира) может быть реализован в зоне ответственности ШОС. В этом случае, при трехстороннем компромиссе (США-Китай-Россия) в Афганистане, стабилизации внутриафганского процесса, вновь приобретении нейтрального статуса этой страной, возможна более тесная интеграция Южной и Центральной Азии. Подобный сценарий отвечал бы интересам Афганистана и новых государств Центральной Азии. Россию с государствами Центральной Азией связывают длительные исторические связи, общее советское прошлое, тесный формат взаимодействия в рамках СНГ, ШОС, союзнические отношения с Кыргызстаном и Казахстаном в рамках ЕАЭС, а с Таджикистаном, Кыргызстаном, Казахстаном у России имеются военные союзнические отношения. С Китаем у государств Центральной Азии сложились партнерские отношения в рамках ШОС, и для него важна безопасность соседних центральноазиатских государств для успешной реализации экономических, коммуникационных проектов, он учитывает также то, что от стабильности в постсоветской Азии в какой-то мере зависит и безопасность Западного Китая. У США с центральноазиатскими государствами нет общего исторического прошлого, опыта длительного взаимодействия, и в Центральноазиатском регионе у США существуют в большей мере периферийные интересы. США не располагают большими финансовыми ресурсами, выделенными для экономического развития государств Центральной Азии, в то время как Китай и Россия обладают тесными политическими, экономическими и социальными связями. Но американская помощь может существенно помочь развитию государств Центральной Азии, способствуя урегулированию ситуации в Афганистане.

Для новых государств Центральной Азии, не имеющих доступа к южным морским коммуникациям, крайне важен транзитный потенциал Афганистана и стабильное развитие этого государства. Модели интеграции, предлагаемые внешними игроками, включают соразвитие новых государств вместе с Афганистаном и другими соседними государствами. Но на пути к интеграционным процессам преградой становятся ограниченность непрерывных современных

коммуникаций. В этом контексте важна инициатива строительства железной дороги Китай – Кыргызстан – Узбекистан – Туркменистан – Иран, к которой могут быть привязаны железнодорожные коммуникации и Таджикистана, и Казахстана, и России, если будут отрегулированы проблемы «ширины железнодорожной колеи». Данный коммуникационный проект может быть реализован в рамках ШОС.

В настоящее время в новых государствах Центральной Азии начат курс на новую индустриализацию, и для них нужны будут новые рынки и коммуникации для экспорта товаров, новые технологии, а также важна открытость внешним партнерам. При этом центральноазиатские государства стремятся укреплять взаимодействие в двустороннем формате, в рамках региональных организаций на постсоветском пространстве и в зоне ответственности ШОС. Это нужно для того, чтобы иметь несырьевые сферы экономического роста, рабочие места, снижение бедности и обеспечение продовольственной безопасности. Для обеспечения безопасности, для нейтрализации нетрадиционных угроз стабильности постсоветской Азии важно укрепить экономические границы.

Для мирного урегулирования афганской проблемы необходимо непосредственное участие государств, граничащих с этой страной. Основу для активизации регионального сотрудничества создают общие интересы, такие как борьба с террористическими сетями, организованной преступностью и с наркоторговлей, а также общая заинтересованность в развитии Афганистана. По предложению таджикской стороны сейчас формируется Пояс безопасности вокруг Афганистана- комплекс мер против новых угроз [3]. Между тем, подобный пояс безопасности, на наш взгляд, должен быть создан и в Северном Афганистане. В этой связи было бы важно создание своеобразного "пояса безопасности" ("санитарного кордона") в северных провинциях Афганистана, который должен стать зоной стабильности и буфером на пути распространения последствий внутриафганского конфликта на соседние государства. Для решения этой задачи важно взаимодействие США, Китая и России, а также приграничных с Афганистаном государств. Кроме того, особенно актуально усилить экономическое, культурное сотрудничество центральноазиатских государств с северными провинциями Афганистана. В настоящее время государства постсоветской Азии налади-

ли тесное экономическое сотрудничество с североафганскими провинциями в области энергетики, сельского хозяйства, ирригации, культуры. Строятся дороги и мосты, связывающие Афганистан и государства Центральной Азии. Таджикистан в течение 10 лет построил через реку Пяндж в Афганистан пять мостов, открыл пункты пропуска людей и товаров, создал свободную экономическую зону «Пяндж» для стимулирования многостороннего сотрудничества и реализации транзитного потенциала Таджикистана и Афганистана.

Важнейшим фактором успешного развития Таджикистана является вывод его из транспортного тупика – создание прямого железнодорожного сообщения в меридиональном направлении Север-Юг. Скорейшее решение данного вопроса имеет сугубо практическое, а не политическое значение для дела евразийской интеграции. В настоящее время успешно закладывается международно-правовая база для восстановления прямого (непрерывного) железнодорожного сообщения Таджикистана с Узбекистаном и странами ЕАЭС. Для реализации национальных интересов Таджикистана важно завершение строительства железной дороги Таджикистан-Туркменистан-Афганистан и далее получить доступ к морским путям в Иране и Пакистане.

Одним из ключевых естественных преимуществ Таджикистана является наличие в стране огромного гидроэнергетического потенциала. Его реализация является необходимым условием дальнейшего экономического развития страны. Энергия таджикских рек нужна и на внутреннем рынке, где проблема энергодефицита уже давно является важнейшим ограничителем промышленного развития, и на внешнем рынке, где развитие Афганистана, Пакистана и севера Индии требует дополнительных объемов электроэнергии. Иными словами, поставка большого объема электроэнергии в южный сектор общего рынка Центральной Азии является необходимым условием социально-экономической и военно-политической стабилизации всего региона. Стратегически важным для развития Таджикистана и региона является достройка Рогунской ГЭС и масштабное освоение Пянджского трансграничного региона. На границе Афганистана и Таджикистана, по трансграничной реке Пяндж, возможен каскад из двенадцати гидроэлектростанций, которые вместе составляют 17,5 гигаватт установленной мощности.

Этот проект разрабатывался еще в СССР в 70-х годах, используя потенциал 100 научно-исследовательских институтов. Данный проект может выступить очень важным началом всей индустриализации, тем более что это не только электричество и не только возможность создавать мощное производство (в том числе кластер водородного топлива, кластер удобрений и др.). Но это также и новая ирригация, новое орошение южного Таджикистана и северного Афганистана, что позволит – с агротехнической точки зрения – замещать наркопроизводство на современные продуктивные культуры. На базе этих инфраструктур можно создать электрифицированные железные дороги, соединяющие Таджикистан-Туркменистан-Пакистан через Афганистан. Это, по сути, создание Индо-Сибирского пути, в котором заинтересована и Российская Федерация, и все государства Индийского океана, так как это самый короткий путь в экономически перспективную Сибирь. Важное значение имеет и разработка природных ресурсов Афганистана. Еще Советский Союз в 70-80-х гг. вложил более 3 млрд. долл. на геологоразведку его природных ресурсов и эти данные можно использовать для развития афганской экономики [2].

В настоящее время в Таджикистане работает комиссия по изучению процесса присоединения страны к Евразийскому экономическому Союзу. Таджикистан рассматривает свои перспективы участия в ЕАЭС как возможность создать условия для укрепления государственности, ускорения модернизационных процессов, для обеспечения внутренней и региональной безопасности. Но даже если Таджикистан примет политическое решение о вступлении в ЕАЭС, то ему придется пройти длительную бюрократическую процедуру вступления. Как известно, 29 мая 2014 года в ЕАЭС был принят Договор о ЕАЭС, предусматривающий предоставление статуса наблюдателя государству, обратившемуся в Высший совет с подобной просьбой. Статус наблюдателя даёт возможность уполномоченным представителям государства-наблюдателя при Союзе присутствовать по приглашению на заседаниях органов Союза, получать принимаемые органами Союза документы, не являющиеся документами конфиденциального характера. При этом данный статус не даёт права участвовать в принятии решений в органах Союза. Этот вариант тоже нельзя исключать для Таджикистана, но в этом случае таджикского государство лишается права принимать

решение по важнейшим направлениям развития, слаженной координации стратегий, участвовать в совместных экономических проектах в рамках ЕАЭС. В то же время Высший Евразийский экономический совет ЕАЭС 16 октября 2015 года принял Порядок принятия новых членов, где четко определены процедуры для вступления в ЕАЭС, и эти правила вступили в силу с 1 января 2016 года. Для Таджикистана вступление в ЕАЭС желательно для решения социально-экономических задач, учитывая, что в настоящее время в мире новые государства на равных могут сотрудничать в рамках больших интегрированных пространств, где существует свободное передвижение товаров, услуг, рабочей силы, существует общее гуманитарное пространство, существуют традиционные связи в политике, экономике, культуре. Эти геополитические факторы самой историей определяют приоритетные векторы интеграции.

В настоящее время в Таджикистане есть понимание того, что в свете новых угроз безопасности страны, исходящих с южных рубежей, необходимо более тесное сотрудничество с партнерами на международной арене, укрепление сотрудничества с партнерами на международной арене в двустороннем и многостороннем форматах, а также усиление взаимодействия в интеграционных организациях на постсоветском пространстве. В большей части экспертного сообщества находит поддержку интеграция Таджикистана в ЕАЭС. В 2014 г. экспертной группой Центральноазиатского экспертного клуба «Евразийское развитие» разработана «дорожная карта» для вступления государства в ЕАЭС, где обозначены стратегические подходы в вопросе присоединения Таджикистана к ЕАЭС [1]. В «Дорожной карте» подчеркнуто, что безусловным приоритетом для Таджикистана является установление четкого баланса взаимных обязательств и ожиданий между членами ЕАЭС. В случае принятия окончательного решения о вхождении Таджикистана в ЕАЭС это может быть формула переходного периода, где в течение определенного времени страна постепенно будет адаптироваться в новых условиях: необходимо подумать о тех мерах, которые необходимо принять для компенсации неизбежных краткосрочных потерь Таджикистана по части сбора таможенных пошлин, а также нужна поддержка ЕАЭС при техническом регулировании и реорганизации работы таможенного ведомства. В данный момент актуальной является предварительная разработка вопросов правового статуса по-

границы и таможенного администрирования совместной границы Таджикистана и Кыргызстана. Особенно важны в плане обеспечения безопасности евразийского интеграционного пространства границы Афганистана и Таджикистана, Таджикистана и Китая, Таджикистана и Узбекистана, так как именно в этих пределах будут проходить внешние границы ЕАЭС и здесь возникают проблемы не только пограничной безопасности, но и таможенные. В настоящее время все более усиливаются угрозы безопасности, исходящие из Афганистана. В Таджикистане принимают превентивные меры против ухудшения обстановки в соседней стране и пытаются усилить плотность охраны границы, протяженность которой составляет 1344 километра, и ее контролируют с помощью 16-тысячного воинского контингента. Таджикские погранвойска нуждаются в техническом переоснащении. Кроме того, необходимо отрегулировать проблему реализации транзитного потенциала Таджикистана в отношениях с Афганистаном, Китаем в рамках ЕАЭС, которым по некоторым направлениям торгового сотрудничества даны преференции.

Сегодня Центральную Азию, с точки зрения перспектив не только региона постсоветской Азии, но и всей Евразии, не следует ограничивать только бывшими советскими среднеазиатскими республиками – Таджикистаном, Туркменистаном, Узбекистаном, Кыргызстаном и Казахстаном. Центральную Азию сегодня целесообразно рассматривать как единый регион, включающий и Среднюю Азию, и северные части Индии и Пакистана вместе с Афганистаном и частично с Ираном. Этот регион правомерно было бы назвать Центральной Евразией, которая будет инфраструктурно связывать Иран, Индию, Пакистан, Афганистан, новые государства постсоветской Азии, а далее и Сибирь. Такой подход, очевидно, отвечает и интересам совместного развития стран Центральной Азии. В настоящее время, например, Таджикистан уже не мыслит свое экономическое развитие без связи с рынками Афганистана, Ирана, Индии и Пакистана. Афганистан, в свою очередь, нуждается в открытом взаимодействии со всеми соседями. Новые рынки и технологии ищет Иран. Невостребованными остаются научно-технологический, промышленный и образовательный потенциал Сибири, а также созданные за последние годы новые отрасли промышленности в Казахстане. Все это требует формирования общего

рынка региона, который во многом следует создавать по образцу существующего с 1957 года Европейского общего рынка (European Economic Community or Common Market). Важнейшей задачей евразийского развития уже в ближайшем будущем является подготовка к созданию зоны свободной торговли в Центральной Азии, включающей, помимо ЕАЭС, также Узбекистан, Таджикистан, Туркменистан, Афганистан, Иран, Пакистан, Индию [4].

Для новых государств региона важно то, что модели интеграции, предлагаемые внешними игроками, будут способствовать повышению роли Центральной Азии в мировой политике и дадут новый импульс для реализации национальных интересов стран региона. В конечном итоге восстановление геополитической целостности региона и модернизация стран Центральной Азии будут способствовать формированию нового мощного полюса современного миропорядка. Таким образом, происходящие в настоящее время в Центральной Азии трансформации должны дать импульс становлению новой геополитической архитектуры. Завершился этап становления новых государств на постсоветском пространстве и набирают силы модернизационные процессы, которые должны привести к становлению нового центра развития в XXI веке.

Литература

1. Евразийская интеграция Таджикистана: дорожная карта для экспертного сообщества. Проектно-аналитический доклад. (Руководитель проекта – Г.Майтдинова. Участники: Каюмов Н.К., Саидов Х.С., Умаров Х.У., Царик Ю.Ю., Шарипов Б. – Душанбе, 2014.
2. Крупнов Ю.В.(руководитель разработки), Майтдинова Г., Верховуров Д., Мельник И., Палагин А., Панюков Д., Петрушин А. и др. Сибирь – новая Центральная Россия или как юг Западной Сибири станет экономическим центром Планеты. Проектно-аналитический доклад. – М., 2013.
3. Майтдинова Г.М. Фактор новых государств в формировании и развитии геополитической обстановки в Центральной Евразии в условиях «Большой игры» // Геополитическая динамика Центральной Евразии в начале XXI века: проблемы интеграции, безопасности, междивизиационного взаимодействия: ма-

- тер.междунар. науч. конф. (Душанбе, 2 апреля 2013 г.). – Душанбе, 2013. –С.66-67.
4. Право на развитие как основа новой модели интеграции в Евразийском союзе. Проектно-аналитический доклад. (Майтдинова Г. – руководитель разработки. Участники: Сафаров С.С., Раджабов С.О., Джалилов К.Д., Царик Ю.Ю.). – Душанбе, 2015.
 5. Сафранчук И. Глобальное или региональное будущее Центральной Азии? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [CAANetwork](#)
 6. Lukin A. The Concept of the Silk Road and the Eurasian Integration // Conference Papers 12 Countries Think Tank Forum “The Silk Road Economic Belt Construction and Future”. – Beijing, 2014. – P.132-141.

СОВРЕМЕННАЯ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ НА СЕВЕРЕ АФГАНИСТАНА И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕЕ РАЗВИТИЯ В 2017 г.

Искандаров К.

**Доктор исторических наук,
заведующий отделом Ближнего и Среднего Востока
Институт изучения проблем стран Азии и Европы
АН Республики Таджикистан**

Проблемы безопасности стран Центральной Азии в контексте происходящих событий в Афганистане, особенно на севере этой страны, продолжают вызывать озабоченность стран региона. Хотя прогнозы экспертов по степени возможного негативного влияния ситуации в Афганистане на страны региона разнятся. Некоторые эксперты считают, что прогнозируемые угрозы из Афганистана сильно преувеличены. По их мнению, находящиеся в Афганистане террористические организации центральноазиатского происхождения настолько ослаблены, что не могут представлять серьезную угрозу странам региона, а движение «Талибан» превратилось в местную организацию и, порвав все свои отношения с глобальным джихадом, планирует возродить свой Исламский эмират в Афганистане. По мнению официальных представителей России и некоторых стран Центральной Азии, главную угрозу для Центральной Азии и России представляет запрещенная в Таджикистане террористическая организация – так называемое Исламское государство, или ДАИШ. Напротив, многие, в том числе считающиеся ведущими экспертами, отрицают даже факт наличия в Афганистане ДАИШ. Вот такой разброс мнения. Между тем, наверное, надо судить о степени угрозы террористических организаций по их практической деятельности, по тенденции изменения ситуации. А ситуация в регионах Афганистана вблизи границ со странами Центральной Азии имеет тенденцию ухудшения начиная с 2009 г., и особенно в последние годы. В северо-восточных районах, примыкающих к Таджикистану, это ухудшение приняло особенно острые

формы в последние два года. Пока в Афганистане продолжается вооруженный конфликт, и здесь находятся боевики различных террористических и джихадистских организаций, начиная от «Аль-Каиды», «Талибан» и ДАИШ до ИДУ, ИДВТ, Ансаруллах, Союз исламского джихада (СИД) и многих других, сомнительно, что их деятельность в перспективе не будет ограничиваться территорией Афганистана.

В целом в 9 провинциях севера Афганистана действуют более одной тысячи бандгрупп, а общая численность боевиков оценивается от 16 до 18 тысяч человек. Это позволяет боевикам контролировать значительную часть территории на севере страны.

Наиболее сильны позиции талибов и других боевиков в провинциях Бадахшан и Кундуз (от 5 до 6 тысяч боевиков) и в провинциях Сарипул и Фарьяб (от 7 до 8 тысяч боевиков) на северо-западе страны. В том числе в этих провинциях сосредоточено около 2000 иностранных боевиков.

Распространенные руководством «Талибан» данные о процентах территорий Афганистана, находящихся под их контролем, хотя, возможно, и несколько преувеличены, но, тем не менее, наглядно демонстрируют степень влияния «Талибан» и других террористических организаций.

Данные по северо-востоку показывают, что 100 % территории уездов Юмган и Вардудж, 95% территории уездов Джурм, Рогистон, 25% территории Файзабада, 60% территории Бахарака, Кухистана, Явана, Нижнего Яфтала, Тагаба, Аргу, Дараим и 70% территории Каран и Мунджана и Арганджшаха находятся под контролем «Талибан».

Уезды Хахан, Куфаб, Шкай, Нисай, Маймай, Ташкон, Хош, Ишкашим, Зебак, Шугнан, Шахри Бузург находятся под контролем государства, однако на дальних окраинах от центра территорий этих уездов, по данным талибов, ни государство, ни Талибан не имеют влияния

По провинции Кундуз этот показатель, по данным «Талибан», выглядит следующим образом»:

- 95% территории уездов Дашти Арчи и Чордара;
- 70% территории уездов Имам Сахиб, Калъаи Зол;
- 80% территории уезда Ханабад;
- 60% территории уезда Алиабад;

- 100% территории, не признанных талибами новых уездов Гултеппа, Гулдаш и Акташ.

По провинции Тахар:

- 70% территории уезда Даркад;
- 40% территории уезда Хаджа Бахауддин;
- 20% территории уездов Хаджа Гор и Ишкамиш;
- 15% территории уезда Янгикальа.

Провинциальный центр г. Таликан, уезды Чохоб, Банги, Бахорак, Хазорсамуч, Обинамак, Фархор, Русток, Калафгон, Варсадж, Чол, Дашти Кальа полностью контролируются государством [2, с.15-27].

Ежегодно с наступлением весны усиливается военная активность террористических группировок. В этом году пока на северо-востоке страны не наблюдается особой активности, но как эксперты, так и местное население серьезно озабочены возможностью весеннего наступления боевиков.

Правительство Афганистана, несмотря на неоднократные призывы активистов гражданского общества и местной власти, не решилось на проведение зачистки в зимний период. По всей вероятности, этому помешала суровая зима.

Готовясь к весеннему сезону войны, руководство «Талибан» зимой решила заменить своих губернаторов и командиров в большинстве провинции страны на более молодых.

Другой заметной тенденцией этого года стало привлечение талибами в свои ряды в северных провинциях представителей непустунских народов, чтобы отвести от себя клеймо моноэтнической пуштунской группы. По данным Сети аналитиков Афганистана, это особо наблюдается в провинциях Сарипул и Фарьяб. В этих провинциях, где большинство населения составляют непустуны, теневыми губернаторами и членами военной комиссии назначаются из числа узбеков, таджиков и хазарейцев. Здесь созданы тренировочные лагеря, где десятки военных инструкторов обучают местных боевиков воевать. Между «Талибан» и Национальным исламским движением Афганистана (НИДА) А.Дустума усилилось соперничество за влияние среди узбекского общества. Сегодня налицо раскол в некогда относительно монолитной НИДА. Этим пользуются талибы.

Опасной тенденцией является активизация деятельности ИДУ после некоторого затишья, вызванного противостоянием с «Талибан». По сути, на сцену войны вступает новое поколение узбекских джихадистов, прошедших подготовку в лагерях в Пакистане.

По некоторым данным, руководство узбекских, таджикских, туркменских и казахских террористов в провинциях Сарипул, Шибирган и Фарьяб возложено на сына Тахира Юлдошева. Накануне сюда прибыло около 600 семей узбекских, таджикских, чеченских террористов.

Хотя в сообщениях талибов ничего не говорится о клятве верности ИДУ Исламскому государству, но многие местные наблюдатели считают, что ИДУ ведет работу в пользу ДАИШ. Создается впечатление, что действительно наблюдается двойное позиционирование ИДУ и других иностранных террористических группировок: внешне с талибами, а реально за ДАИШ. Вообще ситуация с этими террористическими группами очень запутана. Мухаммад Масум Станакзай, начальник Главного управления национальной безопасности ИРА, выступая перед депутатами нижней палаты афганского парламента, заявил, что наблюдаются такие ситуации, когда террористическую акцию осуществляет организация «Лашкари тайиба», средства для этой акции предоставляет «Сеть Хаккани», а ответственность за террористический акт берет на себя ДАИШ. При этом он отметил, что, например, «массовое убийство хазарейцев, рабочих угольной шахты в уезде «Тола и Барфак» в провинции Баглан, осуществил один из полевых командиров «Талибан» по имени Абдул Халик по прозвищу «Фиш-Фиш», но ответственность за это взяла на себя ДАИШ. Или в провинции Джузджан один из полевых командиров «Талибан» организовал нападение, а ответственность опять же взяла на себя ДАИШ» [4]. Отметим, некоторые эксперты сомневаются, что кровавое нападение на военный госпиталь имени Сардара Мухаммада Дауда «Чорсадбистар» 8 марта 2017 г., в результате которого погибло 38 и ранены десятки людей, было осуществлено ДАИШ, взявшей на себя ответственность за этот террористический акт. Здесь все напоминает почерк «Талибан». Создается впечатление, что эти организации либо прикрывают друг друга, не сильно отличаясь одна от другой, либо «Талибан», стремясь выглядеть в новом облике, как действительно локальная организация, не связанная с глобальным джихадом и ведущая борьбу за осво-

бождение страны от иностранной оккупации, скрывает свои бесчеловечные преступления. А ДАИШ, по всей видимости, беря ответственность за чужие преступления, хочет продемонстрировать свою силу. Как бы ни был очевиден тот факт, что ситуация действительно запутана и непредсказуема, террористическая угроза из этой страны для стран Центральной Азии продолжает сохраняться в 2017 г.

Наиболее тревожной тенденцией в 2017 г. может стать транзит членов ДАИШ из Ирака и Сирии в Афганистан по мере ограничения территории, подконтрольной этой террористической организации. Пока транзит не очень заметен, но, по некоторым данным, он уже идет.

Тревожным сигналом является усиление геополитического соперничества ведущих мировых и региональных держав в Афганистане. По сути, начинается новый виток геополитического соперничества. Каждая страна использует «Талибан» и другие террористические группы как средство осуществления своих геополитических амбиций в Афганистане.

В частности, много говорится о контактах и даже сотрудничестве России и Ирана с «Талибан». Представители этих стран признают это и заявляют о том, что существующие контакты имеют цель привлечь талибов к мирному процессу, а также направлены на защиту их граждан. Однако США это не очень понятно. Командующий силами международной коалиции в Афганистане генерал Джон Николсон заявил, что Россия действительно поддерживает и пытается легитимировать «Талибан». «Поддерживая «Талибан», они помогают группе, оправдывающей терроризм и готовящей террористов», - подчеркнул генерал.

Вместе с тем, многие эксперты уверены, что западная коалиция никогда не была честной в борьбе с терроризмом в Афганистане. Афганский эксперт генерал Джавид Кухистани заявил, что «честности в борьбе с терроризмом не было ни у Запада, ни у некоторых соседей Афганистана, и поэтому у нас до сих пор нет четкого определения терроризма. Они никогда не обращаются с талибами как с террористами, несмотря на все их ужасающие атаки с участием смертников. Подобная политика наводит на мысль о существовании общих интересов с этими боевиками у западных кругов». По его мнению, имеется много документов и свидетельств того, что

между иностранными государствами, «ДАИШ», «Талибаном» и некоторыми подразделениями «Аль-Каиды» в Афганистане существует сговор [3].

Что касается Пакистана, то никто не сомневается, что эта страна имеет сильное влияние на «Талибан». В пакистанских медресе идет рекрутированные боевиков, там же находятся лидеры «Талибан» и тренировочные лагеря. Правительство Афганистана передало Пакистану список 85 лидеров «Талибан» и адреса 32 центров обучения талибов на территории этой страны для того, чтобы Пакистан принял обещанные меры против них.

Интересен и тот факт, что большинство боевиков, убитых в результате операции с применением США 13 апреля 2017 г. сверхмощной бомбы GBU-43 в уезде Ачин провинции Нангархар, были гражданами Пакистана. Многие из 96 убитых боевиков, в их числе 13 командиров, являлись иностранными гражданами, преимущественно выходцами из Пакистана. Наряду с пакистанцами и афганцами среди убитых боевиков были 14 выходцев из Таджикистана, в том числе полевой командир Сиддик Таджики, а также несколько граждан Индии [1]. Действительно, если ДАИШ укрепит свое присутствие в Афганистане, Центральная Азия, Россия и Китай столкнутся с серьезной угрозой. Такого мнения придерживается старший научный сотрудник и директор Центра военно-политического анализа Института Хадсона Ричард Вайц [5].

На военную ситуацию в Афганистане в 2017 г. негативное влияние может оказать политический кризис в этой стране, наличие серьезных противоречий в правительстве «Национального единства» между премьер-министром и президентом страны, отсутствие каких-либо достижений в сфере проведения политических реформ. На этом фоне намеченные на 2017 г. парламентские выборы (если они состоятся) могут значительно дестабилизировать ситуацию в стране.

Несомненно, присутствие Российской военной базы в Таджикистане, деятельность ОДКБ и создание сил КСОР являются серьезным заслоном на пути вооруженных групп. Регулярное проведение военных маневров сил ОДКБ вблизи таджикско-афганской границы призвано не только усилить взаимодействие сил КСОР, но и продемонстрировать полную готовность быстро реагировать на любую провокацию на границе. Во всяком случае, прямое вторжение бое-

виков на территорию Таджикистана маловероятно. Однако в арсенале террористических групп имеются различные способы, используя которые они могут просачиваться через государственные границы в целях последующей дестабилизации ситуации, осуществления террористических актов. Сам факт продолжения вооруженного конфликта в соседней стране, где задействованы многочисленные экстремистские и террористические группы, поддерживаемые рядом стран и организаций, не может не вызывать озабоченность центральноазиатских государств.

В этих условиях странам Центральной Азии и России, которые в той или иной степени, но все же признают наличие вызовов и угроз из Афганистана, следует координировать свои действия не только по их противодействию этим угрозам, но и поиску механизмов мирного решения афганского вопроса.

Литература

1. Большинство боевиков, убитых при взрыве супербомбы в Нангархаре, были пакистанцами. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://afghanistan.ru/doc/109266.html>
2. Дарсаде тасаллуте Талибан бар Афганистан (Территория Афганистана подконтрольной Талибан в процентах) // Иране Шарке. Муассесе муталиати Асияе Маркази ва Афганистан. Бюллетени фарханге ва эттеллаате. – 2017. – №165.
3. Джавид Кохистани: Перемещению боевиков на север Афганистана содействуют внешние силы. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://afghanistan.ru/doc/96493.html>
4. Джанги Афганистан абъади печидае ба худ гирифтааст (Афганская война приобрела запутанный характер). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.irna.ir/fa/News/82475336/>
5. Ричард Вайц: о безопасности в Центральной Азии, ее новых/старых вызовах. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.news.tj/ru/news/centralasia/20170330/richard-vaits-o-bezopasnosti-v-tsentralnoi-azii-ee-novihstarih-vizovah>

ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ ПО СОЗДАНИЮ КООПЕРАТИВНОЙ СИСТЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ В РАМКАХ ОДКБ В СВЕТЕ НОВЫХ УГРОЗ И ВЫЗОВОВ СТАБИЛЬНОСТИ.

Сангинов Н.Н

**Главный специалист Управления по исследованию
региональной безопасности
Центр стратегических исследований при Президенте
Республики Таджикистан**

Анализ показывает, что современный мир стал уязвимым и хрупким. Международные отношения с момента развала биполярного мира переживают самый сложный период в своей истории. Об этом наглядно свидетельствуют существующие военно-политические кризисы в мире – в Афганистане, Сирии, Ираке, Украине и других странах.

После распада СССР государства Центральной Азии обрели независимость, создали свою политическую систему, определили свое место в мире и сразу же стали объектом внимания различных мировых и региональных держав. Этому, в первую очередь, способствовали географическое расположение и огромные энергетические и стратегические сырьевые запасы региона, такие как уран, золото и др. Внимание к региону обуславливается еще и тем, что Центральная Азия – территория, по которой проходят коммуникации, связывающие Восток и Запад Евразийского континента [3, с.68].

На протяжении многих десятилетий здесь ведут большую игру мировые и региональные державы с целью реализации своих геополитических и геоэкономических интересов по доступу к этим ресурсам и контролю над ними. По этой причине у государств Центральной Азии возникла острая необходимость в обеспечении своей безопасности.

Можно согласиться с мнениями некоторых аналитиков о том, что безопасность Центральной Азии быстро попала в категорию

геополитики и используется в качестве арены, на которой внешние игроки могут играть в силовую политику. Повышенное значение региона после событий 11 сентября привело к изменению реальности, но при этом фундаментальная игра осталась прежней, изменились лишь ее способы. До тех пор, пока США, Россия и Китай будут играть в регионе в геэкономические игры, будет оставаться видимость стабильности [2].

Поэтому в условиях сегодняшней глобализации для государств Центральной Азии проблема безопасности становится все более актуальной. Это прежде всего связано с современными вызовами и угрозами, от которых не застраховано ни одно государство планеты, в частности и страны Центральной Азии.

Для стран Центральной Азии эти вызовы и угрозы исходят из существующих внешних и внутренних факторов.

К основным внешним факторам относятся:

- геополитические и геэкономические интересы мировых и региональных лидеров к региону;
- рост незаконного оборота наркотиков;
- международный терроризм и экстремизм в различных их формах;
- незаконная торговля оружием, людьми и другие виды преступлений транснационального характера и т.д.

К ним, на наш взгляд, также можно отнести локальные войны в Афганистане, Сирии, Ираке, Украине, в которые вовлечены мировые и региональные державы. Сегодня эти войны угрожают перерасти из локальных, внутренних, в более масштабные мировые войны.

К основным внутренним факторам относятся:

- неурегулированность пограничных проблем;
- нехватка водных ресурсов;
- наличие национальных анклавов в соседних государствах;
- нерегулируемая незаконная миграция трудоспособной части населения;
- бедность, безработица и отсутствие социальной и культурной инфраструктуры;
- радикализация населения, в основном из числа безработной молодежи, и т.д.

Эти и другие факторы заставляют государства Центральной Азии в первую очередь прорабатывать вопросы обеспечения безопасности в партнерстве с мировыми и региональными организациями. Ибо общеизвестно, что сегодня ни одна страна в мире самостоятельно не способна защитить себя от современных вызовов и угроз, для чего страны создают различные союзы, коалиции в мировом и региональном масштабе.

Политические процессы, происходящие в разных уголках земного шара, вкупе с мировым финансовым кризисом, способствуют усилению роли и значению в современном мире интеграционных структур. Все более становится очевидным, что для реализации своих геополитических и геоэкономических интересов мировые и региональные лидеры прибегают к использованию военной силы. Это сегодня ярко просматривается в Сирии, Ираке, Украине, Афганистане.

Как следствие, некоторые страны Центральной Азии, руководствуясь статьей 52 Устава ООН, которая не препятствует существованию региональных соглашений или органов для разрешения вопросов по поддержанию международного мира и безопасности, для обеспечения своей безопасности от вышеуказанных угроз и вызовов современности, интегрированы в такие региональные организации, как ОДКБ и ШОС. Кроме того, практически все государства Центральной Азии, за исключением Туркменистана, сотрудничают с НАТО по специально разработанной программе «Партнерство во имя мира». В рамках данной программы НАТО сотрудничает с 22 государствами мира, в том числе и с постсоветскими государствами.

Отсюда можно сделать вывод, что для стран Центральной Азии характерна кооперативная система безопасности путем кооперирования или интегрирования в одну или более одной региональные организации. Это определяется многовекторностью внешней политики этих государств.

На сегодняшний день научными кругами определены несколько видов концепций кооперативной безопасности (Гроцианская – разработана в конце 80-х гг. в США, Кантианская – в 90-х гг. также в США). Система кооперативной безопасности, реализуемая государствами Центральной Азии в рамках ОДКБ, ШОС, более подходит к Гроцианской концепции, т.к. она предусматривает не только

механизмы сдерживания внешней агрессии путем создания встречной угрозы, но и нанесение ответных или адекватных ударов по агрессору. Имеющийся военный потенциал ОДКБ и ШОС может не только защитить свои пространства, но при необходимости нанести сокрушительный удар по любому вероятному противнику. Все государства-члены этих организаций включены в их состав на основе их согласия и на добровольной основе. Между тем, это кооперирование проходит в условиях соперничества мировых и региональных лидеров, входящих в указанные региональные организации – России (ОДКБ, ШОС), КНР (ШОС), а также США, Евросоюз (НАТО).

Сегодня нельзя констатировать с уверенностью, что регион Центральной Азии в полном объеме обеспечил свою безопасность. Только три государства – Таджикистан, Казахстан и Кыргызстан являются полноправными членами ОДКБ и ШОС с момента их образования. Туркменистан со дня обретения независимости объявил себя нейтральной страной. Республика Узбекистан является только членом ШОС.

Поэтому по вопросам кооперативной безопасности политика государств Центральной Азии отличается друг от друга. Несмотря на многочисленные декларации о необходимости создания системы региональной безопасности в Центральной Азии, государства региона руководствуются, в первую очередь, интересами собственной безопасности в ущерб общей безопасности региона.

Так, Республика Узбекистан, как одно из крупнейших государств по численности населения (более 32 миллионов), с развитой промышленностью и аграрным сектором, в последние годы больше тяготеет к самостоятельности. В рамках многовекторной политики Республика Узбекистан умело маневрирует между мировыми и региональными державами, особенно между США и Россией, по вопросам обеспечения своей безопасности, покупая у них современное оружие или получая его на безвозмездной основе. Предпочтение отдается двусторонним отношениям с развитыми странами.

Республика Узбекистан принимала активное участие в создании ОДКБ в 1992 г., договор о создании этой организации был подписан в Ташкенте. Однако в конце 1990-х гг. Узбекистан вышел из состава этой организации, но после событий в Андижане 2005 г. под угрозой изоляции через год вновь вступил в организацию. Позднее, в 2012 г., он снова вышел из неё.

Сотрудничество Узбекистана в рамках ШОС имеет чисто экономический характер. Узбекистан также активно сотрудничает с НАТО по программе «Партнерство ради мира». С 2013 г. в Ташкенте функционирует штаб-квартира данной Организации. Планируется в перспективе переоснастить вооружение узбекской армии по стандартам НАТО. В 2015 г. американская сторона на безвозмездной основе передала Узбекистану 308 единиц бронированной техники, оснащенных противоминными средствами, 20 единиц бронированных автомашин марки MAN для нужд погранвойск страны и т.д.

Туркменистан с самого начала своей независимости отдает предпочтение двустороннему формату. Страна не участвует ни в одной организации по обеспечению безопасности в Центральной Азии и на постсоветском пространстве. Нейтралитет Туркменистана выражается в невмешательстве во внешних конфликтах, неучастии в многосторонних военных, политических и других структурах, имеющих наднациональный характер, приверженности мирному, политико-дипломатическому решению межгосударственных противоречий, уважении суверенитета и территориальной целостности государств, миролюбии и добрососедстве.

12 декабря 1995 г. Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций единогласно приняла резолюцию "Постоянный нейтралитет Туркменистана". Нейтралитет Туркменистана стал весомым фактором международных миротворческих усилий в нашем регионе. Именно в Ашхабаде под эгидой ООН состоялась серия переговоров, сыгравших важную роль в достижении мира и согласия в Таджикистане. Туркменистан превратился в надежного союзника и эффективного партнера ООН в деле сохранения и поддержания политической стабильности в регионе, развития добрососедства, дружбы и сотрудничества. Это подтвердилось и в решении международного сообщества при поддержке всех государств региона об открытии в 2007 г. в Ашхабаде Регионального центра ООН по превентивной дипломатии в Центральной Азии.

Туркменистан принимает участие в Движении неприсоединения. По вопросам обеспечения безопасности в последнее время активизировались контакты страны с США. После подписания соглашения о стратегическом партнерстве между Туркменистаном и

Республикой Узбекистан в начале марта 2017 г., не исключена интеграция двух стран и по вопросам безопасности.

Остальные государства Центральной Азии – Республика Таджикистан, Республика Казахстан и Кыргызская Республика кооперированы в ОДКБ и ШОС с начала их основания. На сегодняшний день Организация Договора о коллективной безопасности, которая образована в мае 1992 г., является крупнейшей региональной организацией в сфере безопасности. Военные ресурсы Организации позволяют обезопасить регион Центральной Азии от любых угроз и вызовов. В 2009 г. лидеры стран ОДКБ одобрили создание Коллективных сил оперативного реагирования. Согласно подписанному документу, Коллективные силы оперативного реагирования будут использоваться для отражения военной агрессии, проведения специальных операций по борьбе с международным терроризмом и экстремизмом, транснациональной организованной преступностью, наркотрафиком, а также для ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций. Правовую основу функционирования структур Организации определяет Устав, зарегистрированный в ООН, и ряд уставных документов, среди которых выделяются:

- Соглашение о порядке оперативного развертывания, применения и всестороннего обеспечения Коллективных сил быстрого развертывания Центральноазиатского региона коллективной безопасности (Минск, 23 июня 2006 г.);
- Соглашение о Коллективных силах оперативного реагирования ОДКБ (Москва, 14 июня 2009 года);
- Протокол о размещении объектов военной инфраструктуры на территориях государств-членов ОДКБ (Москва, 20 декабря 2011 г.) и другие.

ОДКБ является открытой военно-политической организацией, имеющей оборонительный характер. В соответствии с Уставом, ее основными целями являются укрепление мира, международной и региональной безопасности и стабильности, защита на коллективной основе независимости, территориальной целостности и суверенитета государств-членов. Приоритет в достижении этих целей отдается политическим средствам.

В рамках Организации государства-члены согласовывают и координируют свои внешнеполитические позиции по международным и региональным проблемам безопасности (используя в первую

очередь консультационные механизмы), объединяют усилия в борьбе с международным терроризмом, незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и оружия, организованной транснациональной преступностью, нелегальной миграцией и другими угрозами.

С мая 2001 г. в рамках Организации действуют Коллективные силы быстрого развертывания (КСБР) – по одному батальону от России, Казахстана, Кыргызстана и Таджикистана. Это первый опыт организации многосторонних сил в Центральноазиатском регионе. С 2002 г. на аэродроме Кант в Кыргызстане на базе российской военно-воздушной базы началось формирование авиационного компонента КСБР.

Для координации антинаркотической борьбы на постсоветском пространстве был создан Координационный совет руководителей компетентных органов по противодействию незаконному обороту наркотиков (КСОПН) государств-членов ОДКБ, что явилось эффективным ответом транснациональной наркопреступности. Под эгидой КСОПН и во взаимодействии с Секретариатом ОДКБ с 2003 г. проводится оперативно-профилактическая операция «Канал» по выявлению и блокированию каналов нелегальной транспортировки афганских наркотиков.

Как показывает анализ деятельности ОДКБ, ее перспективными задачами выступают интенсификация военно-политической интеграции стран-участниц, координированное наращивание их потенциала, совершенствование и укрепление военной составляющей Организации. Соответствующее внимание уделяется также усилению военно-технического сотрудничества, совершенствованию взаимодействия между региональными коалиционными силами и средствами, являющимися главными звеньями системы коллективной безопасности, и совместная подготовка военных кадров и специалистов на многосторонней основе.

На наш взгляд, потенциал ОДКБ позволяет говорить о реальном процессе формирования в регионе эффективной системы коллективной безопасности, вытекающие из близости взглядов государств-участников по вопросам противодействия глобальным и региональным вызовам и угрозам безопасности.

Республика Таджикистан придает важное значение участию в деятельности ОДКБ. Сотрудничество в рамках этой Организации

отвечает национальным интересам Таджикистана, который выступает за то, чтобы ОДКБ на деле превратился в весомый фактор обеспечения безопасности региона.

Согласно Концепции внешней политики РТ в новой редакции от 2015 г., наша страна считает свое членство в ОДКБ отвечающим национальным интересам, и усилия Таджикистана в рамках этой Организации нацелены на создание эффективных механизмов противодействия угрозам современного мира. Таджикистан рассматривает свое членство в Организации как один из важных факторов обеспечения безопасности страны и сохранения стабильности в регионе [1].

Республика Таджикистан считает, что ближайшими и важными задачами ОДКБ являются интенсификация военно-политической интеграции участников ОДКБ, координация потенциалов стран-участниц ОДКБ, совершенствование государств-членов в области военной политики, военного строительства и военно-технического сотрудничества.

Со дня основания ОДКБ Республика Таджикистан участвует во всех проводимых мероприятиях в рамках Организации. Своевременно подписывает, ратифицирует на национальном уровне все основополагающие нормативно-правовые документы, активно участвует во всех проводимых операциях по противодействию вызовам и угрозам («Канал», «Нелегал», «Прокси», «Поиск» и другие).

Принимая во внимание всю опасность для региона Центральной Азии, исходящей из Афганистана, в рамках ОДКБ действует Рабочая группа по Афганистану, которая осуществляет постоянный мониторинг ситуации в этой стране. В поле зрения группы находятся вопросы разработки и принятия, совместных мер по оперативному реагированию на возможно резкое обострение ситуации в Афганистане, включая обеспечение безопасности дипломатических представительств и граждан государств-членов ОДКБ, находящихся в этой стране.

Следует резюмировать, что на сегодняшний день ОДКБ является гарантом поддержания стабильности и безопасности в Центральной Азии, пока существуют вызова и угрозы современности и, Республика Таджикистан считает необходимым дальнейшее свое участие в составе этой Организации.

Литература

1. Аслов С. Министр иностранных дел Республики Таджикистан // Азия-Плюс. – 2015. – 11 сент.
2. Никитин А.И. Проблемы и перспективы взаимодействия ШОС и ОДКБ в сфере обеспечения международной безопасности // ШОС: от становления к всестороннему развитию: матер. III-го заседания Форума ШОС (Китай, Пекин, 19-21 мая 2008 г.). – М.: МГИМО–Университет, 2008.
3. Макаренко Т. адъюнкт-лектор Университета Данди, партнер в компании с ограниченной ответственностью «Вест-Сэндз эдвайзори». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://nato.int>...review...Asia/central_asian_geopolitics

«БЕЗОПАСНОСТЬ СРЕДНЕАЗИАТСКОГО РЕГИОНА ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В СВЕТЕ ИЗМЕНЕНИЯ СИТУАЦИИ В АФГАНИСТАНЕ (2015-2017 гг.)»

Дубовицкий В.В.

**Доктор исторических наук,
Институт истории, археологии и этнографии им. А.Дониша
АН Республики Таджикистан**

В следующем 2018г. исполняется сорок лет событию, положившему начало превращению Афганистана в источник перманентной угрозы (по меньшей мере) для стабильности региона Среднего Востока¹. Имеется в виду Суарская революция 1978г., положившая начало попыткам серьезных социальных преобразований в стране, что привело к череде войн и иностранных военных вторжений, не завершившихся до настоящего времени. С этого времени Афганистан стал базой для десятков движений и партий, не ограничивающих свою деятельность границами страны, но ставящих своей целью насильственное свержение государственной власти в соседних государствах либо провозглашение независимости на части территорий этих государств. Геополитическая роль Афганистана на Среднем Востоке всегда оценивалась как представителями великих держав, так и граничащих с ним государств довольно высоко. Так, бывший диктатор Пакистана генерал Зия Ульхак характеризовал соседний Афганистан летом 1978г. следующим образом: «Континент Азия сделан из воды и глины, но является одним телом. Сердцем этого тела является Афганское государство. Разрушение этого государства приведет к разрушению Азии. Его процветание приведет к процветанию Азии. Пока его сердце свободно, тело тоже бу-

¹Автор пользуется понятием Средний Восток, введенным в российскую геополитику в интерпретации А.Е.Снесарева: См. Снесарев А.Е. Афганистан. – М., 1921. («С политической точки зрения, нужно разуметь под ним, во-первых, Индию, во-вторых, кольцо тех государств, маленьких, несильных, небогатых, которые окружают Индию (это Белуджистан, Афганистан, налегающий над Индией в виде четырехугольника, Памир, Кашгария и затем Тибет); наконец, в-третьих, нужно еще включить лежащий к северу русский Туркестан, который в отношении возможности наступления или угрозы Индии рассматривается англичанами как база»).

дет свободно. Иными словами, это как соломинка на пути ветра» [10, с.109].

В отношении Среднеазиатского региона¹ Центральной Азии эти опасности проявились уже в период «афганской войны» СССР 1979-1989гг. и выражались в отдельных террористических актах душманов на территории Таджикистана (обстрел п.г.т. Пяндж в 1985г. [8], бои в заповеднике «Тигровая балка» в 1987г. и др.), а также активной исламистской пропаганде в среде военнослужащих ОКСВ и советских гражданских служащих, работавших в ДРА.

Как считают некоторые российские исследователи вопросов исламской пропаганды среди населения Средней Азии в период 1979-1991гг., «одними из основных организаторов и координаторов распространения исламской пропаганды в среднеазиатском регионе стали организации «Исламского призыва», действовавшие под эгидой Всемирного исламского университета и Академии Да'ава (Пакистан). Среди планируемых перспективных мероприятий для проведения исламской пропаганды в этом регионе организация «Исламский призыв» в конце 80-х – начале 90-х гг. выделила: разработку и создание мусульманскими организациями специальных учебных планов по исламоведческим дисциплинам; разработку программ по обучению служителей культа, исламских миссионеров и пропагандистов на территории Средней Азии и Казахстана; открытие культурных исламских центров на территории среднеазиатских республик; формирование при исламских университетах групп исследователей по проблемам распространения ислама в среднеазиатском регионе; издание и распространение религиозной литературы на языках народов Средней Азии и др. [7]

Одной из самых эффективных форм работы по возрождению ислама в качестве альтернативной коммунистическому учению идеологии, а также основы нового политического устройства для населения Средней Азии стала пропагандистская работа при мечетях и исламских центрах. Общественные преобразования в СССР в период перестройки позволили урегулировать вопрос о нелегальном или полуподпольном характере многих неофициальных мечетей и приступить к строительству новых. По одним источникам, общее число мечетей в Средней Азии в 1987-1991гг. выросло с 46

¹ Под регионом Средней Азии автор понимает пять бывших республик СССР с населением, преимущественно исповедующим ислам: Узбекистан, Таджикистан, Кыргызстан, Туркменистан, Казахстан.

до 136 в Казахстане, с 49 до 58 в Киргизии, с 27 до 75 в Таджикистане, с 9 до 54 в Туркмении, с 94 до 300 в Узбекистане [3]. По другим данным, только в Узбекистане за этот период было восстановлено или построено заново до 1000 мечетей [1], а в Таджикистане к концу 1991 г. действовало 130 соборных мечетей (пятничных) [5].

Период с 1991 по 2005 гг. был отмечен для Среднеазиатского региона гражданской войной в Таджикистане (1992-1997 гг.); вооруженным конфликтом с формированиями ИДУ на территории Баткентской области Кыргызстана (1999-2001 гг.) и Узбекистана (2001 г. – Сурхандарьинская и Ташкентские области; май 2005 г. – Ферганская долина). Во всех перечисленных случаях, базой для конфликтующих с государственными властями Таджикистана, Узбекистана и Кыргызстана сил являлась территория Афганистана.

В период 1993-2002 гг. Казахстан, Кыргызстан и Узбекистан были втянуты в гражданскую войну в Таджикистане, участвуя в деятельности Контингента Миротворческих Сил (КМС), прикрывая границу с Афганистаном от проникновения в страну боевиков Объединенной Таджикской Оппозиции (ОТО). Период 1996-2001 гг. был отмечен вовлеченностью всех стран Среднеазиатского региона в гражданскую войну в Афганистане, через поддержку сил «Северного Альянса»: поставки военной техники и вооружения, продовольствия и медикаментов, размещение на своей территории семей командиров военных формирований Альянса.

Вторжение на территорию Афганистана войск США и НАТО в октябре 2001 г. на время снизило уровень угроз, вызовов и рисков для Среднеазиатского региона из-за связанности деструктивных сил в этой стране борьбой с вооруженными силами Запада. Однако в декабре 2014 г. операция «Несокрушимая свобода», длившаяся тринадцать лет, была завершена. К сожалению, большинство целей и задач, поставленных Западом в октябре 2001 г. в Афганистане, остались нереализованными: наряду с законно избранным правительством, в стране продолжает существовать военно-политическая структура движения Талибан, контролирующая все большую территорию [2]; на территории ИРА продолжается все более масштабная вооруженная борьба между правительственными силами и вооруженными формированиями Талибан, а с 2014 г. и движением ИГИЛ; обостряются межнациональные и межрелигиозные противоречия, перерастающие в вооруженную борьбу.

Военно-политическая обстановка в Исламской Республике Афганистан на протяжении 2016 г. оставалась сложной и имела тенденцию к ухудшению. Основными враждующими сторонами конфликта в стране оставались правительство ИРА и движение Талибан.

Политическое урегулирование между конфликтующими сторонами, наметившееся с 2013 г., и, особенно, после вывода войск IS-AF из страны в 2014 г., до сих пор не достигнуто. Движение Талибан отказывается идти на уступки в участии в политическом и административном управлении страной. Противоречия сохраняются не только в определении характера государства как «исламского» (разное в понимании прозападного правительства и лидеров Талибана, руководствующихся концепциями племенного права (пуштун-вали) и ваххабизма), но и на уровне нового административного деления на вилайаты (провинции) и управления улусвольствами (районами). В частности, требования талибов по изменению административных границ в Северном Афганистане связаны с попыткой включить в каждый из них максимальное число пуштунского населения, переселяемого в настоящее время сюда из юго-восточных и восточных провинций. Такими действиями движение Талибан пытается закрепить свое влияние на севере страны, особенно в местности проживания таджиков, узбеков и хазарейцев.

2015 г. установил для Афганистана сразу несколько антирекордов: антиправительственные вооруженные группировки (АВГ) получили контроль над большей частью территории страны чем когда-либо после 2001 г.[11]. В этом году АВГ захватили, на время или постоянно, 24 административных центра (в 2014 г. – только 4). В 2015 г. были зафиксированы самые большие за время ведения соответствующей статистики гражданские потери (около 90% этих потерь – от действий АВГ и правительственных сил): 11002 человек, из них 3545 – погибшие, 7457 – раненные [9].

На протяжении 2016 г. правительство ИРА постепенно теряет свой контроль над многими регионами страны. Так, по официальным данным, Кабул полностью не контролирует в настоящее время 33 административных района (улусвольства) и 116 – частично не контролирует. Если учесть, что провинции Афганистана насчитывают 407 административных районов, то контроль над более чем

25% территории страны, несомненно, является свидетельством слабости правительства.

Однако большинство военных экспертов и политологов сомневаются в приведенных цифрах и считает, что правительство Ашрафа Гани не контролирует большую часть территории страны и даже саму столицу – Кабул. На последнее указывает большое количество удачных террористических актов, произошедших в столице в течение 2016г.

Состояние армии, полиции и спецслужб Афганистана так же находится в неудовлетворительном состоянии. Дезертирство из Афганской национальной Армии (АНА) в 2016г. достигло 30%. Причиной является коррупция в армии, что приводит к расхищению средств высшими офицерами АНА. Особую проблему составляет тот факт, что до 35% дезертиров не просто бросают оружие и возвращаются домой, а уходят в военные формирования Талибана и ИГИЛ.

Слабая подготовка и низкая дисциплина в АНА становится причиной высоких потерь во время боевых действий. Так, с января по август 2016г. афганская армия и полиция потеряли убитыми 5523 солдата и офицера. За этот же период было ранено около 15 тысяч военнослужащих. Таким образом, только за первые 8 месяцев 2016г. АНА, полиция и спецслужбы Афганистана потеряли убитыми и ранеными до двух дивизий или один армейский корпус.

Следствием описанного выше положения дел становится все более ухудшающаяся обстановка, прежде всего в северных провинциях Афганистана. За июнь-ноябрь 2016г. Талибан довел численность своих вооруженных формирований в провинциях Бадахшан и Кундуз до 5-6 тыс. человек. В провинциях Сары-Пуль и Фарьяб скопилось по 4,5 и 6 тыс. боевиков соответственно. В провинциях Бадгис, Тахор и Кундуз движение Талибан не только имеет операционные базы и лагеря подготовки боевиков, но и сформировало свои административные структуры, а также открыло религиозные школы для детей.

Особую озабоченность вызывает присутствие в вооруженных формированиях движения Талибан все большего количества иностранных боевиков. Так, в Сары-Пуле и Фарьябе отмечено присутствие 250 боевиков арабского, кавказского (чеченцы, дагестанцы, кабардинцы и балкарцы), уйгурского и среднеазиатского проис-

хождения. До 1500 иностранцев находится в формированиях Талибан в провинции Джузджан. Это вызывает особую озабоченность правительства Туркменистана, так как среди иностранных наемников в этой провинции, граничащей с Туркменистаном, большинство составляют этнические туркмены, выходцы с территории этой страны. Концентрация боевиков уйгурского происхождения отмечается в провинциях Бадахшан и Тахор.

По оценке вице-президента ИРА генерала Абдурашида Дустума, общая численность иностранных боевиков в Северном Афганистане достигает 7000 человек. В середине октября 2016г. он подвергся нападению боевиков, во время которого погибло двое его телохранителей, а сам он получил ранение средней тяжести.

Отсутствие иностранных боевиков, как и сравнительно низкая активность Талибана и ИГИЛ, отмечена только в провинциях Саманган и Балх, контролируемых формированиями таджикского ополчения.

В течение всего 2016г. в Афганистане продолжалось усиление влияния ИГИЛ. По оценке командующего контингентом американских войск в Афганистане, генерала Джона Николсона, Афганистан в настоящее время прошел испытание на «качество исламского государства» и теперь рассматривается как одна из базовых территорий для создания халифата. Одним из демонстрационных действий ИГИЛ на территории Афганистана стала закупка этой организацией героина у производителей в провинциях Нангархар и Кунар, с последующим публичным сожжением наркотиков.

По данным американского командующего, сейчас идет интенсивная переброска боевиков ИГИЛ из района Масула (Ирак) и Идлиба (Сирия), куда они вытесняются в результате боевых действий в Алеппо. По мнению Дж.Николсона, основную часть боевиков ИГИЛ составляют не афганцы, а арабы, пакистанцы, кавказцы, выходцы из Средней Азии и Китая.

Вызывает беспокойство новая тактика ИГИЛ для закрепления в Афганистане: организация скупает участки земли и недвижимость с целью постоянного поселения в стране семей своих боевиков. По данным таджикских военных экспертов и политологов-афганистов, ИГИЛ поставило задачу поселить в каждой афганской провинции не менее 200 семей своих боевиков. Для Северного Афганистана

эта норма увеличена на 50-70 человек для быстреего создания здесь «Исламского государства Хорасан».

По данным таджикских и российских экспертов, численность военных формирований ИГИЛ в Афганистане в настоящее время составляет 10-12 тыс. человек, что на порядок расходится с западными оценками (1-3 тыс. чел), провинции с наибольшей численностью боевиков ИГИЛ – Нангархар, Джуазджан, Заболь. Вместе с тем, таджикские эксперты отмечают, что многие группы вооруженной оппозиции, переходя на сторону ИГИЛ, скрывают этот факт для того, чтобы избежать конфликта с движением Талибан.

В политических кругах Афганистана вызывают большое беспокойство сепаратные переговоры с движением Талибан со стороны Китая и России. Эти факты, по мнению политологов, указывают на недееспособность нынешнего правительства ИРА и приход к власти, в перспективе, движения Талибан.

Военно-политическая ситуация в Афганистане в последние месяцы (январь-март 2017г.) характеризовалась малой интенсивностью боевых действий, главным образом – терактами в городах. В этот период движения Талибан и ИГИЛ предпринимали мероприятия дипломатического и пропагандистского плана с целью улучшения своих позиций в стране и получения материальной помощи из-за рубежа.

Надежда на масштабный конфликт Талибана и ИГИЛ в Афганистане до сих пор не оправдывается (с июня по декабрь 2016г. не отмечено столкновений между вооруженными формированиями этих организаций в Северном Афганистане). На это нельзя надеяться и в будущем, так как обе организации, путем переговоров, способны прийти к «разделу сфер влияния» на территории страны.

Мероприятия по закреплению семей боевиков ИГИЛ в Афганистане могут привести в будущем к естественной замене влияния Талибана на влияние ИГИЛ в северных провинциях страны.

Таким образом, к настоящему времени в Афганистане сложилась благоприятная обстановка для возобновления гражданской войны, основными участниками которой, по нашему мнению, будут не прозападные силы, стремящиеся построить демократическое общество, и талибы, а этно-территориальная группировка пуштунов с одной стороны и блок среднеазиатских этносов и хазарейцев – с другой. Первая из них (учитывая численность пуштунов, прожи-

вающих в Зоне свободных племен в Пакистане) будет достигать 20-27млн. человек, вторая – от 10,5 до 14млн. По мере обострения внутренней борьбы и развала оставшихся прозападных государственных структур произойдет сепарация по названному признаку во всех общественных институтах и, прежде всего, в АНА. По аналогии с периодом 1989-1992гг., когда произошла деградация поддерживаемого СССР режима Наджибуллы [14], каждая из двух противоборствующих сил получит свою долю подготовленных военнослужащих, техники и вооружения; после этого, легитимно оформив военно-политические блоки, вступит в ожесточенную борьбу.

Необходимо оговориться, что истоки этой проблемы в Афганистане имеют давние исторические корни: с самого момента создания афганского государства Ахмадом Дуррани в середине XVIII в., в стране проводилась активная политика подавления непуштунских этнических элементов, выразившаяся в масштабных переселениях на вновь захваченные территории этнических пуштунов. Первым крупным столкновением на этнической почве в Афганистане можно считать восстание Бача Исакао (Хабибуллохан) в 1929г. Период существования Афганистана в качестве ДРА так же был отмечен латентными межнациональными конфликтами. Так, по мнению Питера Томсена (Peter Tomsen), бывшего спецпредставителя президента Буша (старшего) при штабе афганских моджахедов в Пешаваре с рангом посла с 1989 по 1992 гг., в структуре правящей НДПА наблюдались серьезные противоречия именно на этой почве: «Лидеры «Халька» чаще всего были пуштуны-гильзай. Они рекрутировали сторонников в основном из гильзайских кланов восточного Афганистана из низших социо-экономических слоев общества. Лидеры «Парчама» же были преимущественно хорошо образованными городскими жителями из семей высших и средних слоев. И большинство их были таджиками из Кабула» [10, с.127].

Создание обновленного «Северного альянса» и активные военные действия с пуштунским блоком потребуют постоянного и дорогостоящего вмешательства в этот процесс окружающих ИРА государств, как это было в 1996-2001гг. Основная тяжесть в военной и экономической поддержке блока вновь ляжет на Таджикистан, Иран, Узбекистан и, вероятно, Туркменистан. Из великих мировых держав потребуются помощь России.

Еще одним ответом на вызов гражданской войны в ИРА станет ускоренное формирование «Персоязычного союза», тормозящееся в настоящее время двойственным этническим характером Афганистана. В случае создания на Севере этой страны политически независимой территории среднеазиатских этносов союз получит монолитную территорию от Ходжента до Шат-эль-Араба, на которой безопасно и эффективно может развиваться общая инфраструктура союза.

Однако описанное развитие геополитической ситуации несет для окружающих стран серьезные *риски*.

Наиболее вероятным из них станет распространение боевых действий гражданской войны в ИРА на территорию окружающих государств. Дестабилизированный за последние восемь лет Пакистан – отличный пример «расползания» афганских проблем за пределы ИРА.

Сопутствующим этому явлению риском можно считать и массовый поток беженцев с территории ИРА, что Таджикистан уже испытал в 1996-1997 гг. Правда, тогда 10-12 тыс. афганских беженцев были локализованы на островах Амударьи, что, конечно, будет нереально в ситуации с сотнями тысяч таджиков и узбеков из Афганистана. Особые проблемы могут возникнуть у окружающих государств в том случае, если на их территорию, воспринимая её своим глубоким тылом, начнут переходить вооруженные формирования возрожденного «Северного альянса».

И, конечно, очень серьезным риском является резкое ухудшение эпидемической обстановки, сопровождающее всякую войну, особенно в условиях жаркого климата и дефицита воды на Среднем Востоке.

Учитывая слабость вооруженных сил, пограничных войск Таджикистана, Узбекистана и Туркменистана, равно как и системы здравоохранения и социального обеспечения этих стран, потребуются вмешательство (не обязательно – военное) в конфликт союзников по ОДКБ и ШОС, что приведет к росту социальной и экономической напряженности во всех их государствах-членах.

Литература

1. Абазов Р.Ф. Исламское возрождение в центральноазиатских новых независимых государствах // Полис. – 1995. – №2.
2. Искандаров А. Новый этап кризиса в Афганистане и безопасность Таджикистана / А.Искандаров, К.Искандаров,

- И.Сафранчук // Валлдай. Международный клуб. –М., 2016. – авг.
3. Ланда Р.Г. Ислам в истории России. –М.: РАН. Институт востоковедения, 1995.
 4. Пластун В., Андрианов В. Наджибулла. Афганистан в тиках геополитики. – М., 1998.
 5. Ротарь И. Мы хотим исламской демократии // Независимая газета. – 1992. – 11 сент.
 6. Снесарев А.Е. Афганистан. –М., 1921.
 7. Федоткин М.Ю. Исламская пропаганда среди населения мусульманских регионов СССР (1979-1991 гг.): исторический анализ: автореф. дис...канд. ист. наук. – М., 2000. – С.13-14.
 8. Швейцер П. Победа. Роль тайной стратегии США в распаде Советского Союза и социалистического лагеря. – Минск, 1995.
 9. Afghanistan. Annual Report. Protection of Civilians in Armed Conflict. – Kabul: Feb, 2016. – P.I.
 10. Peter Tomsen. The wars of Afghanistan. Public Affairs". – NewYork, 2011.
 11. SIGAR's Quarterly Report to the US Congress. – 2016. – 30 Jan. – P.III.

ПРЕВЕНТИВНАЯ ДИПЛОМАТИЯ В СИСТЕМЕ БЕЗОПАСНОСТИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В СВЕТЕ НОВЫХ УГРОЗ И ВЫЗОВОВ СТАБИЛЬНОСТИ

Раджабов С.А.

**Доктор юридических наук,
заведующий отделом международного права
Институт философии, политологии и права им.
А.М.Баховадинова АН Республики Таджикистан**

Идея превентивной дипломатии в современном ее понимании появилась на свет в период, когда только-только отгремела Вторая мировая война, самая кровопролитная в истории человечества, но мир после фултоновской речи Черчилля в 1946 г. уже ощутил дыхание другой – на сей раз «холодной войны». И в таких условиях преемственности войн, разных по характеру, но в равной степени жертвопорождающих, в недрах мирового сознания стала зарождаться и укреплять свои позиции пока еще хрупкая философия «сохранения мира», позже вылившаяся в жизнеутверждающую концепцию. И тогда, в 1950 году, в речи Генерального секретаря Организации Объединенных Наций ДагаХаммаршельда прозвучал термин «превентивная дипломатия» [7].

После многочисленных межгосударственных и внутренних вооруженных конфликтов в различных регионах мира (бывшей СССР, бывшей Югославии, Руанде, Кении, Судане, Уганде, Кампучии, Восточном Тиморе) и интенсивного обсуждения миротворчества в течение ряда лет руководители международных организаций пришли к тому, что самая актуальная идея – это предотвращение конфликтов. С 1992г. постоянно увеличивался акцент ООН и государств-членов на предотвращение конфликтов как гораздо более дешевую альтернативу поддержанию мира и другим формам вмешательства после начала конфликта.

ООН долгое время участвовала в предотвращении конфликтов. Среди её инструментов были превентивная дипломатия, превентивное развертывание военных или гражданских полицейских сил,

превентивное гуманитарное вмешательство и превентивное построение мира – обширный выбор политических и социально-экономических видов деятельности для поддержания пошатнувшихся государств или восстановления разрушенных.

В книге «Повестке дня для мира», принадлежащей перу Бутроса Гали, занимавшего в тот период пост Генерального секретаря ООН, отмечается, что операции ООН в кризисных районах обычно осуществлялись после того, как конфликт уже начался. Пришло время осуществлять планирование на случай возникновения обстоятельств, требующих превентивного развертывания, которое может предприниматься в различных ситуациях и различным образом. Отмечался, что, например, в условиях национального кризиса может иметь место превентивное развертывание по просьбе правительства или всех заинтересованных сторон, или с их согласия; при возникновении межгосударственных споров такое развертывание могло бы иметь место, когда обе страны считают, что присутствие ООН по обе стороны их границы может содействовать предотвращению боевых действий; кроме того, превентивное развертывание могло бы иметь место, когда какая-то страна ощущает угрозу и просит обеспечить соответствующее присутствие ООН лишь с ее стороны границы. В каждом случае мандат и состав сил ООН должны быть тщательно разработанными и ясными для всех. Эти рекомендации, озвученные в том же 1992 году на заседании Совбеза ООН, в первую очередь предусматривали создание системы раннего предупреждения.

Разработчиком современной концепции превентивной дипломатии следует считать бывшего Генерального секретаря ООН Бутроса Гали, который определял ее следующим образом: «... действия, направляемые на предупреждение возникновения споров между сторонами, недопущение перерастания существующих споров в конфликты и ограничение масштабов конфликтов после их возникновения» [5, с.12].

Концепция превентивной дипломатии получила дальнейшее развитие в трудах другого бывшего Генерального секретаря ООН Кофи Аннана. Он, в частности, сделал попытку очертить ситуации, когда ООН имеет право на вмешательство с целью предотвращения конфликта, его приостановления или разрастания. Кофи Аннан писал: «Наша задача - вмешиваться: чтобы не допустить конфликта,

остановить его, когда он разразился, если мы можем, или – когда ни то ни другое невозможно – по меньшей мере сдержать его и не дать ему разрастись. Вот чего мир ждет от нас, даже если – увы! – Организация не всегда оправдывает такие ожидания. Этого также требует от нас Устав, особенно его глава VI, где речь идет о мирном разрешении споров, и глава VII, предписывающая меры, которые Организация Объединенных Наций должна предпринять, когда возникает угроза миру или когда он нарушен» [1, с.4].

Появление «Повестки дня для мира» дало мощный импульс процессу создания возможностей и механизмов, способных на ранних стадиях распознавать опасность превращения этих конфликтов в насильственные и подавать сигналы тревоги. Возникает вопрос: кто может осуществлять превентивную дипломатию? Превентивная дипломатия может осуществляться самим Генеральным секретарем либо через старших должностных лиц или специализированных учреждений и программ, а также Советом Безопасности или Генеральной Ассамблеей и региональными организациями в сотрудничестве с Организацией Объединенных Наций.

Учитывая вопросы обеспечения безопасности государств Центральной Азии в свете новых угроз и вызовов стабильности, 7 мая 2007 года на имя Председателя Совета Безопасности ООН поступило от Генерального секретаря ООН Пан Ги Муна письмо следующего содержания: «Правительства пяти стран Центральной Азии достигли консенсуса по созданию Регионального центра Организации Объединенных Наций по превентивной дипломатии в Ашхабаде. В соответствии с Глобальной контртеррористической стратегией Организации Объединенных Наций и рекомендациями Группы высокого уровня по угрозам, вызовам и переменам относительно необходимости укрепления потенциала Организации Объединенных Наций в области предотвращения конфликтов, я хотел бы сообщить членам Совета Безопасности о своем намерении учредить этот центр. Буду признателен Вам за доведение настоящего письма до сведения членов Совета Безопасности» [2, с.24].

Так после нескольких лет обсуждений и дебатов все-таки было принято решение открыть Региональный центр именно в Ашхабаде, откуда будет вестись координация всей работы по реализации превентивных мер в масштабах региона.

Существенным аргументом в пользу такого решения было не только важное геостратегическое положение Туркменистана, но в первую очередь последовательно реализуемая Туркменистаном политика нейтралитета и развития дружественных отношений с соседними странами. Выступая на конференции, посвященной 5-ой годовщине создания Регионального центра ООН по превентивной дипломатии для Центральной Азии, Президент Туркменистана Гурбангулы Бердымухамедов отметил, что Ашхабад был избран в качестве места для ее штаб-квартиры по двум фундаментальным мотивам: «Первое, – сказал он – необходимостью придания миротворческим усилиям мирового сообщества в Центральной Азии системного характера, их институционального закрепления на уровне ООН. Нам было очевидно, что региону требуется действенный, эффективный, имеющий соответствующий статус и полномочия международный механизм предупреждения и нейтрализации конфликтов.

Второе – осознанием мировоззренческой общности нейтральной модели внешней политики с целями международной превентивной дипломатии, их взаимодополняемости в качестве важнейших факторов сохранения мира и безопасности на региональном и глобальном уровнях» [6, с.16].

Что касается решения практических задач, то туркменский нейтралитет стал весомым фактором международных миротворческих усилий в регионе. Так, в 90-х годах Туркменистан в своей столице собрал за столом переговоров конфликтующие между собой правительство Таджикистана и таджикскую оппозицию, которые в течение продолжительного времени согласовывали на туркменской земле мирное соглашение.

Участник межтаджикских переговоров профессор И.К.Усмонов в своих книгах отмечает, что пятый раунд переговоров с 30 ноября 1995 г. по 21 июля 1996 г. состоялся в столице нейтрального Туркменистана. В документах, принятых в ходе трех этапов переговоров, – Ашхабадская декларация об итогах второго этапа межтаджикских переговоров по национальному примирению под эгидой ООН от 18 февраля 1996 г., Совместное заявление о прекращении боевых действий и соблюдение Тегеранского соглашения от 19 июля 1996 г., Протокол об осуществлении гуманитарной акции по обмену военнопленными и заключенными от 21 июля 1996 г. и

Совместное коммюнике по итогам третьего этапа межтаджикских переговоров в Ашхабаде от 21 июля 1996 г., – решалась судьба таджикского народа, и противоборствующие стороны выражали благодарность Президенту, Правительству и МИД Туркменистана за гостеприимство и создание отличных условий для ведения переговоров и постоянную поддержку переговорного процесса, сыгравшего важную роль в достижении мира и согласия в Таджикистане [15; 16]. Об этом свидетельствуют резолюции Совета Безопасности ООН, в которых приветствовалось ведение непрерывного раунда переговоров между правительством Таджикистана и таджикской оппозицией в Ашгабаде и достигнутые ими договоренности [11, сс.139; 146-147].

В Ашхабаде также по инициативе нейтрального Туркменистана прошли политические переговоры по восстановлению мира в Афганистане. Международные агентства и структурные организации ООН нередко избирали туркменскую столицу в качестве места для проведения своих мероприятий [2, с.25].

Отмечая успешную работу Регионального центра ООН по превентивной дипломатии для Центральной Азии, Президент Туркменистана Г.Бердымухамедов подчеркнул, что Центр нужен для «создания необходимых условий для мирного и гармоничного развития регионов, сотрудничества между странами Центральной Азии и Организацией Объединенных Наций, другими авторитетными международными структурами...» [14, с.9].

Проведенный анализ обстановки и последующие консультации с правительствами центральноазиатских стран позволили определить три группы приоритетных направлений в деятельности Регионального центра Организации Объединенных Наций по превентивной дипломатии: **к первой группе** были отнесены трансграничные угрозы - терроризм, незаконный оборот наркотиков и организованная преступность. При этом отмечалось, что стабильность в государствах Центральной Азии подвержена угрозам вооруженных вылазок террористов и экстремистов, которые во многом провоцируются нестабильностью в более обширном регионе, трансграничной деятельностью торговцев наркотиками и оружием, а также организованных криминальных структур; **вторую группу** составили проблемы, связанные с ухудшением экологической обстановки и совместным использованием водных и энергетических ресурсов, а в

третью группу были выделены последствия нестабильной ситуации в Афганистане [10, с.29].

Выступая 12 декабря 2015 г. на международной конференции в Туркменистане, Президент РТ Э.Рахмон подчеркнул удачный выбор Ашхабада как место для деятельности Регионального центра ООН по превентивной дипломатии, готовность к всестороннему партнерству и наличие положительного опыта в решении региональных и мировых конфликтов.

В этой связи Э.Рахмон сказал: «Существующие угрозы и вызовы можно предотвратить только совместными коллективными усилиями. В достижении этих благородных целей мы готовы к всяческому сотрудничеству со своими партнерами. В этой связи для нас особенно важно сотрудничество с Туркменистаном, который имеет хорошие возможности и Таджикистан стремится к их углублению и укреплению» [4].

Теоретические концепции превентивной дипломатии и примеры ее практического применения, наряду с разбором современной социально-политической ситуации в Центральной Азии, доказывают несомненную востребованность этой стратегии в регионе. Детальное рассмотрение всего круга вопросов, связанных с пограничными и территориальными проблемами, урегулированием водно-энергетических вопросов, созданием искусственных преград на границах, затрудняющих свободное перемещение товаров, капитала и услуг, оказывают серьезное дестабилизирующее влияние на ситуацию в регионе. Появившиеся новые нетрадиционные вызовы и угрозы – расширение ареала распространения радикального ислама и увеличение масштабов наркоагрессии – все это требует практического применения превентивной дипломатии в регионе Центральной Азии.

Следует отметить, что наряду с положительными моментами в разработке концепции превентивной дипломатии есть еще пробелы, которые требуют своего устранения. Так, по мнению ученых, недостаточно широко представлены понятные и системные теоретические взгляды в отношении превентивной дипломатии, ее ключевых принципов и механизмов [3, с.35]. Во-первых, с теоретической точки зрения у превентивной дипломатии еще неоформленный статус. Это ведет к тому, что каждое государство или конфликтующая сторона интерпретируют концепцию превентивной

дипломатии исходя из собственных интересов, преднамеренно наполняют и расширяют ее содержание.

Во-вторых, поскольку теоретические исследования и теоретические идеи в центральноазиатском регионе появились позднее практического применения превентивной дипломатии во внешней политике западных стран, западные державы сохраняют приоритет в ведении дискуссии про превентивной дипломатии и оказывают сильное влияние на ситуацию в мире.

В-третьих, политикам не хватает практического опыта в реализации превентивной дипломатии, поэтому ученым в области международных отношений необходимо объединить усилия для дальнейших исследований теории и практики превентивной дипломатии в ЦА.

В дальнейшую разработку теоретических основ доктрины превентивной дипломатии достойный вклад внесли российские ученые А.В.Бояркина, К.Ф.Лыков, В.Ф.Печерица [3], Е.Колдунова [8], С.А.Коротич [9]; туркменские ученые Б.Амансарыев [2], С.Дурдыев [6], а также таджикские ученые Э.Рахматуллаев [12; 13], И.Усмонов [15; 16] и др.

Выводы: В мире немного регионов, где страны так тесно взаимозависимы, как в Центральной Азии. Несмотря на наличие и старых, и новых угроз безопасности, центральноазиатским государствам удалось избежать открытых конфликтов между собой, что свидетельствует о том, что в регионе существует политическая воля к тому, чтобы вести взаимный диалог и предотвращать конфликты. Наряду с этим имеются общие угрозы и вызовы, требующие совместного реагирования и сотрудничества в интересах поддержания региональной стабильности. Поэтому внимание РЦПД должно быть сосредоточено на идентификации существующих и потенциальных угроз, расширении партнерства в противодействии им между пятью государствами Центральной Азии и работающими там региональными и международными организациями. Острейшая необходимость разрешения целого комплекса противоречий, безусловно, делает жизненно важной системную, постоянную реализацию превентивной стратегии, направленной на постепенное снятие существующей напряженности в отношениях между странами Центральной Азии и создание нормальных межгосударственных связей, ориентированных на тесную интеграцию. В этом деле достой-

ную лепту вносит Региональный центр ООН по превентивной дипломатии для Центральной Азии в Ашгабаде.

Литература

1. Аннан К. Проблема вмешательства. Выступления Генерального секретаря. – Нью-Йорк: ООН, 1999.
2. Амансарыев Б. Мир, который воцарится в наших душах // Туркменистан. – 2007. – №12(33).
3. Бояркина А.В. Превентивная дипломатия как инструмент «мягкой силы» КНР / А.В.Бояркина, К.Ф.Лыков, В.Ф.Печерица // Вестник Забайкальского государственного университета. – 2015. – №9(124). –С.50-57.
4. Выступление Президента Республики Таджикистан Э.Рахмона на международной конференции, посвященной 20-летию нейтралитета Туркменистана, 12 декабря 2015 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.president.tj/node/10464>
5. Гали Б.Б. Повестка дня для мира. – Изд. 2-е. – Нью-Йорк, 1995.
6. Дурдыев С. Инструмент современной дипломатии // Туркменистан. – 2012. – №12(93).
7. Ифеаничуку А.А. Превентивная дипломатия и ее реализация в современном международном праве: дис... канд. юрид. наук / Ифеаничуку Абуку Антони. – М., 2000. – 151 с.
8. Колдунова Е. Россия и подходы к превентивной дипломатии в АТР. [Электронный ресурс] // Официальный веб-сайт МГИМО. – Режим доступа: <http://www.mgimo.ru/news/experts/document212447.phtml>
9. Коротич С.А. Превентивная дипломатия в Восточной Азии: роль Регионального форума АСЕАН и других многосторонних институтов безопасности // Вестник Забайкальского государственного университета. / 2015. – №10(125). –С.59-67.
10. Николаев С. Превентивная дипломатия для Центральной Азии // Международная жизнь. – 2009. – №2.
11. Раджабов С.А. Международно-правовые аспекты урегулирования вооруженного конфликта в Таджикистане. – Душанбе: Эр-граф, 2011. – 176 с.

12. Рахматуллаев Э. Миротворчество ООН в Таджикистане и перспективы превентивной дипломатии в Центральной Азии. – М., 2001.
13. Рахматуллаев Э. Превентивная дипломатия: теория, практика и ее перспективы в Центральной Азии: автореф. дис...д-ра полит. Наук / Рахматуллаев Эркин. – М., 2008. – 54 с.
14. Тихорецкий А. Уровень высокого доверия // Туркменистан. – 2015. – №5-6 (122-123).
15. Усмонов И.К. Сулхнома. – Душанбе: Матбуот, 2001. – 552 с.
16. Усмонов И.К. Миростроительство в Таджикистане. – Душанбе: Деваштич, 2006. – 160 с.
17. Acharya A. Preventive Diplomacy: Issues and Institutions in the Asia Pacific Region // Paper Presented to the Eighth Asia-Pacific Roundtable. – Kuala Lumpur, 1994. – June 6-8.
18. Tivayanond M.J. Re-evaluating Preventive Diplomacy in South-east Asia // Centre for East and South-East Asian Studies Working Paper Series. – 2004. – №3.
19. Yuzawa T. The evolution of preventive diplomacy in the ASEAN Regional Forum: Problems and prospects // Asian Survey. – 2006. – Vol. 46. – №5. – P.785-804.

ИНСТРУМЕНТЫ «МЯГКОЙ СИЛЫ» И РЕАЛИЗАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ ТАДЖИКИСТАНА

Шерали Ризоён

**Начальник Управления анализа и прогнозирования
внутренней политики
Центр стратегических исследований при Президенте
Республики Таджикистан**

Национальные интересы выступают в качестве основного индикатора оценки деятельности государства на международной арене. Формирование национальных интересов, в первую очередь, зависит от внутривнутриполитического процесса и выражается посредством внешней политики. Так как внешняя политика является продолжением внутренней политики, то объективные потребности общества формируют задачи, решение которых способствует усилению позиции страны в международных процессах.

Политический анализ национальных интересов способствует формированию целостного понимания государственных задач. В этом русле исследователь А.И.Овчинников разделяет внутренние и внешние национальные интересы. Так, внутренними национальными интересами являются «силовое или идеологическое примирение социальных, классовых, групповых противоречий» [5, с.8]. Т.е. государство для гармонизации внутривнутриполитических процессов использует как мягкие элементы политики (инструменты идеологии), так и жесткие (силовое решение вопроса или предотвращения угроз и вызовов). По мнению А.И.Овчинникова, внешними национальными интересами являются «оборона и охрана территории; сотрудничество и построение взаимоотношений с другими государствами» [5, с.8].

Объективный национальный интерес Таджикистана, прежде всего, связан с обеспечением национальной безопасности, политической независимости, территориальной целостности, укреплением светскости государства и стабильного развития общества. Приоритеты основываются на существующих задачах страны для обеспе-

чения общей цели государственного развития. Особую роль в обеспечении этих приоритетов играют взаимоотношения с внешними партнёрами и членство в интеграционных структурах.

Региональная и международная обстановка и социально-экономические задачи страны определяют наиболее важные сегменты национальных интересов, которые сегодня отражены во внешней политике Таджикистана. К ним на данном этапе развития страны можно отнести:

- **во-первых**, обеспечение национальной безопасности. Процесс трансформации нетрадиционных вызовов и угроз: экстремизма, терроризма и незаконного оборота наркотических веществ, – протяжённая государственная граница с Афганистаном, где в последние 40 лет продолжается внутренний вооружённый конфликт; формирование международного террористического интернационала в лице ИГИЛ (ДАИШ) и членство граждан страны в ее рядах; острая конфронтация мировых держав между собой, ведение экономической и информационной войны и другие проблемы регионального и международного характера требуют особого отношения к обеспечению национальной безопасности. На наш взгляд, интересы безопасности на данном этапе превалируют над другими приоритетами, так как именно на основе их обеспечения можно генерировать точки национального роста.

Особенное значение в обеспечении безопасности Таджикистана играют соседние страны. Поэтому в современной внешнеполитической стратегии страны определено формирование и укрепление *зоны доверия и безопасности* протяжении границ [4, с.65]. В этом ключе конструируется общая система, которая имеет взаимосвязь и взаимозависимость в обеспечении национальной и региональной безопасности. Известно, что в классическом понимании, *безопасность* определяется как условие отсутствия опасности для жизнедеятельности личности, стабильного развития общества и благоприятной внешней среды для государства, которые основаны на реальных национальных интересах.

Концепт «доверие» выступает существенным элементом взаимовыгодного партнерства и генерирует общие выгоды для совместного развития. Именно этот фактор является основой налаживания тесных контактов Таджикистана с сопредельными государствами.

Двусторонние взаимоотношения Таджикистана с соседними странами необходимо рассматривать на основе общих интересов устойчивого развития и обеспечения безопасности. Поскольку именно эти государства формируют первое кольцо национальных интересов нашей страны во внешнеполитических отношениях;

- **во-вторых**, обеспечение занятости населения и наращивание экономического потенциала. За 25 лет государственной независимости в Таджикистане были приняты две национальные стратегии развития. Сегодня осуществляется «Национальная стратегия развития Республики Таджикистан на период до 2030 года (утверждена Постановлением Правительства Республики Таджикистан от 1 октября 2016 года, №392), которая разделена на три этапа. В действующей Национальной стратегии названы следующие приоритетные направления: обеспечение энергетической безопасности и эффективное использование электроэнергии (1), выход из коммуникационного тупика и превращение в транзитную страну (2), обеспечение продовольственной безопасности и доступа населения к качественному питанию (3) и расширение продуктивной занятости (4) [3].

В национальной стратегии заложены три базовых принципа будущего развития: 1. Превентивность, или упреждение (снижение) уязвимости будущего развития; 2. Индустриальность, или повышение эффективности использования национальных ресурсов; 3. Инновационность, или развитие на основе нововведений во всех сферах социально-экономической жизни страны [3].

Национальная стратегия предусматривает превращение Таджикистана из аграрно-индустриальной в индустриально-аграрную страну. Реализация поставленных задач, прежде всего, связана с привлечением иностранных инвестиций в приоритетные отрасли национальной экономики исходя из существующего потенциала страны;

- **в-третьих**, стабильное развитие общества. Основой укрепления достигнутых результатов политического, экономического, социального и культурного характера в годы независимости Республики Таджикистан является сохранение стабильности общества и в целом государства. Опыт гражданской войны в первые годы независимости превратил «стабильность» в один из важных компонентов политической культуры граждан. Внутреннее противостояние в

Таджикистане в 1992-1997 гг. нанесло значительный ущерб национальной экономике, в результате которого страна была разрушена и разграблена. Только финансовый ущерб, не считая человеческих жизней, составляет порядка 10 млрд. долл. США. Поэтому противостояние терроризму, экстремизму, незаконному обороту наркотических веществ и активные действия Таджикистана в борьбе с этими негативными явлениями, прежде всего, связаны с укреплением стабильности таджикского общества.

Таким образом, три важных сегмента национальных интересов Таджикистана создают почву для обеспечения территориальной целостности и сохранения светского характера государства. Эти сегменты оказывают значительное влияние на укрепление национальных ценностей и идентичности, развитие национального языка и культуры, а также формирование сильного гражданского общества.

Вышеуказанные приоритеты определяют национальные интересы Таджикистана, объективность которых связана с существующими целями государственного развития, которые во внешней политике выступают как задачи особо важного значения. Поэтому взаимоотношения Таджикистана со странами мира и членство в международных организациях прежде всего направлены на обеспечение этих национальных интересов.

Одним из важных условий реализации национальных интересов Таджикистана во внешней политике, с целью формирования положительного имиджа страны на региональном и международном уровне можно назвать активное использование «мягкой силы» [2]. В «Концепции внешней политики Республики Таджикистана» в подпунктах «3.5. Культурно-гуманитарная дипломатия» и «3.6. Информационная дипломатия» обосновано использование «мягкой силы» для достижения приоритетных задач [1].

Для более практического понимания можно рассмотреть национальные интересы по основным сферам: политические интересы, интересы безопасности, экономические интересы и культурно-гуманитарные интересы, роль которых определяются в качестве задач. Необходимо отметить, что все сферы взаимосвязаны и имеют взаимозависимость. Успех в одном направлении обеспечивает возможность реализации других сфер, так как они реализуются совместно и оцениваются по горизонтальному эффекту.

Поэтому в матрице национальных интересов использование мягкой силы основывается на культурно-гуманитарных интересах – это формирование позитивного имиджа государства на мировой арене; развитие человеческого фактора; возможности применения народной дипломатии для достижения государственных задач и приоритетов; распространение культурного влияния на другие сообщества. Эта группа интересов в совокупности формирует «мягкую силу» во внешней политике, и их можно охарактеризовать с трех сторон:

1) использование культуры, науки и ценностей во внешнеполитических акциях, их распространение и, тем самым, формирование позитивного имиджа государства;

2) развитие неформальных отношений и распространение влияния государства через представителей гражданского общества (поэты, писатели, деятели искусства), т.е. проведение активной народной дипломатии с учетом среднесрочных и долгосрочных интересов;

3) информационное сопровождение внешнеполитических акций, которые способствуют реализации национальных интересов. Данный пункт так же имеет место в сфере интересов безопасности, так как информационный сегмент безопасности считается важным элементом в условиях глобализации.

Анализ литературы по данной тематике показывает, что сегодня «мягкая сила» используется всеми заинтересованными государствами для наращивания своего имиджа и потенциала влияния на общественное сознание других государств. Определяя источники мягкой силы, Джозеф Най пишет: «Мягкая сила страны прочно зиждется на трех основных источниках: *ее культуре* (в местах, где она привлекательна для других), *ее политических ценностях* (когда сама живет согласно этим ценностям и руководствуется ими в отношениях с другими странами) и *ее внешней политике* (когда другие считают ее законной и имеющей моральное право)» [2, с.152-153]. Таким образом, пропаганда культуры и образа жизни (также вкуса и мировоззрения) посредством показа положительных примеров политических ценностей в конечном итоге способствует эффективной реализации целей и задач внешней политики.

Республика Таджикистан так же является объектом мягкой силы других государств. Поверхностный анализ социальных сетей пока-

зывает, что граждане становятся сторонниками тех или иных государств в обсуждении наиболее актуальных вопросов региональной и международной политики. Для формирования необходимого общественного мнения граждан на страну направлены мощные информационные ресурсы, культурно-информационные центры, образовательные программы и т.д. Сегодня в Таджикистане наблюдаются инструменты мягкой силы более 10 стран, которые находятся на разном уровне по степени влияния.

Поэтому наращивание собственной «мягкой силы» для сопровождения внешнеполитических акций – от привлечения инвестиций до иностранных туристов – приобретает особую актуальность.

Сегодня «мягкая сила» используется различными государствами вне зависимости от их военно-политического и экономического статуса в глобальной политике. Век информации и «информационного общества» предоставляет странам возможность защищать свои национальные интересы во внешней политике невоенными способами. Возможности «мягкой силы» необходимо использовать при планировании и реализации внешнеполитических мероприятий. В этом ключе наша страна может использовать существующие природные богатства для формирования положительного имиджа республики, что необходимо для привлечения иностранных инвестиций и реализации туристического потенциала.

Благоприятными условиями для «ребрендинг»-а Таджикистана выступают: природа – флора, фауна и дороги страны (в первую очередь памирский тракт); гидроэнергетический потенциал и водная дипломатия; история, культура и прежде всего горный, экстремальный, оздоровительный и этнический (восточно-иранские языки в Горно-Бадахшанской автономной области и Ягнобской долине) туризм.

Другим важным вопросом является обеспечение безопасности в широкой невоенной интерпретации (мягкая сила, информационная безопасность, культурная идентичность, регулируемый [управляемый] национализм, этничность и религиозность) и условия государственной стабильности как основы и фундамента «состоявшегося государства». Дискурс «государства всеобщего благосостояния» считается основной задачей и стратегическим приоритетом, достижение которого изменяет степень влияния малого государства на региональную и международную политику.

В общем, использование разработок теории МО предоставляет возможность моделировать приемлемую и обоснованную концепцию национальных интересов во внешней политике государства.

В заключение, позвольте представить несколько выводов относительно современных инструментов реализации национальных интересов Таджикистана:

Во-первых, мягкая сила предоставляет неограниченные возможности для защиты национальных интересов и формирования позитивного имиджа страны на региональном и международном уровне. Сегодня мир вступил в эпоху информационной войны, и эта война ведется «всеми против всех». За последнее десятилетие образ Таджикистана и таджиков сильно занижен заинтересованными группами СМИ. Таким образом, особенно важным моментом является концептуальный подход в деле формирования положительного имиджа страны, который отвечает постоянным национальным интересам. Для этого необходимо использовать возможности министерств и ведомств, курирующих сферу культуры, СМИ, спорта, туризма, науки, образования и т.д. в проведении внешнеполитических мероприятий на территории зарубежных государств. Данный подход в краткосрочной перспективе может способствовать изменению стереотипа о Таджикистане, в среднесрочном периоде сыграть значимую роль в формировании положительного образа нашего государства.

Во-вторых, в Центральноазиатском регионе наблюдается конкуренция интеграционных проектов глобальных и региональных держав. Данное обстоятельство требует от Таджикистана, как отмечает Президент страны Эмомали Рахмон, «политической бдительности» для реализации многовекторной внешней политики. Так, политические и экономические проекты, которые предлагаются со стороны России (ЕАЭС), КНР (Экономический пояс Великого Шелкового пути «Один пояс и один путь»), США (С5 +1), Японии (Диалог «Центральная Азия + Япония»), Республика Корея (Форум «Республика Корея – Центральная Азия») и др., прежде всего направлены на обеспечение стратегических интересов страны инициатора и вовлечение стран ЦАР, в том числе Таджикистана, в решение существующих проблем и определения дорожной карты совместного развития. Страны ЦАР участвуют в этих интеграционных проектах для использования внутреннего потенциала и нахож-

дения новых направлений для увеличения внешней торговли. Суммарный эффект этих факторов способствует тому, что страны ЦАР находят новые подходы для защиты и реализации национальных интересов во внешней политике.

В-третьих, для укрепления регионального и международного статуса суверенного таджикского государства необходимо рассмотреть расширение толкования политической географии страны. Так, Таджикистан традиционно имеет близкие политические и экономические отношения с государствами, которые имеют свои интересы в Центральной Азии. Для развития внутреннего потенциала необходимо укрепить отношения со странами, не имеющими постоянных интересов как в Центральной Азии, так и в сопредельных регионах. В этом контексте налаживание тесного взаимодействия с такими странами, как Вьетнам, Индонезия, Малайзия, Сингапур, Бруней, Египет, ЮАР, Нигерия, Алжир, Бразилия, Аргентина и др., может содействовать развитию внутреннего производственного потенциала Таджикистана. Указанные государства имеют достаточный экономический и инвестиционный потенциал, и привлечение их возможностей создает благоприятные условия для реализации гидроэнергетического и горнодобывающего секторов как выгодных инвестиционных и бизнес-проектов. Отсутствие прямых интересов в Центральной Азии будет условием эффективного взаимодействия с нашей страной.

Литература

1. Концепция внешней политики Республики Таджикистан: Утверждена Указом Президента Республики Таджикистан от 27 января 2015 года, № 332.
2. Най С.Дж. (младший). Будущее власти / пер. с англ. В.Н.Верченко. – Москва: АСТ, 2014. – 444 с.
3. Национальная стратегия развития Республики Таджикистан на период до 2030 года: Утверждена Постановлением Правительства Республики Таджикистан от 1 октября 2016 года, №392.
4. Новая страница таджикской дипломатии / под общ.ред. Х.Зарифи. – Душанбе: Ирфон, 2013. –160с.
5. Овчинников А.И. Национальные интересы России: понятие и виды // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2014. – №2. –С.7-10.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ТАДЖИКИСТАНА И ТУРКМЕНИСТАНА В ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ (1990-2000 гг.).

Мухидинов С.Р.

**Доктор исторических наук, профессор,
декан факультета истории и международных отношений
Российско-Таджикский (Славянский) университет**

Политические события, происходившие в конце 80-х гг., не были и не стали поводом для разрушения многовековой дружбы между таджиками и другими народами Средней Азии и Казахстана. Наоборот, это стало поводом для сплочения руководителей этих республик и совместного их решения по сохранению мира и спокойствия в регионе.

По мнению экспертов, интеграционные процессы в Содружестве Независимых Государств, протекали неравномерно, с разной скоростью и интенсивностью, в отдельных странах и регионах их отличают существенные особенности. Для характеристики этих процессов в Центральноазиатском регионе весьма показательным является изучение взаимоотношений двух независимых государств – Республики Таджикистан и Туркменистана. Хотя у этих соседних стран и народов много общего в истории, культуре, вероисповедании, образе жизни, их судьбы в условиях независимости сложились по-разному [2, с.3].

Туркменистан – многонациональное государство, на территории которого проживают более 100 наций и национальностей. По данным на 2000 г., численность коренных таджиков Туркменистана составляет всего 0,069 процента (чуть больше 3100 человек), из которых 416 человек проживают в Ашхабаде, 558 – в Ахалском велаяте, 123 – в Балканском, 84 – в Дашогузском велаяте, 877 – в Лебапском и 1045 – в Марыйском велаяте. Следует отметить также, что на территории Туркменистана временно проживали около 20 тыс. беженцев из Таджикистана [3, с.105].

Туркменистан – во многом уникальная страна. Официально объявив в 1995 г. о выборе нейтрального государственного статуса, на сегодняшний день она является самой закрытой из всех бывших советских республик, отмечает исследователь М.О.Тураева. Закрытость эта выражается как в доступе к информационным источникам, внутренним официальным аналитическим и стратегическим данным, так в том, что въезд и выезд из страны весьма усложнен визовыми условиями...» [8, с.42].

По словам тогда главы государства Сапармурата Ниязова, полученный в декабре 1995 г. нейтральный статус ограничивает возможность участия Туркменистана в тех структурах СНГ, которые предполагают взаимодействие в военной, оборонной сфере, то есть в тех сферах, где необходимы коллективные ответные действия.

Туркменистан так же считает, что интеграция в рамках СНГ, и тем более ЦАЭС, пока не дает ощутимого эффекта. Президент Туркменистана обосновывал это тем, что техника и технологии, которыми располагают страны Содружества, устарели, не отвечают современному мировому уровню. Чтобы туркменские товары были конкурентоспособными, государству необходимо сотрудничать с западными, прежде всего европейскими, странами [2, с.3].

После обретения государственной независимости 27 октября 1991 г. Туркменистан свои отношения со странами ЦА строил в ином формате, т.е. с учётом суверенитета каждой из них.

Изначально фундамент двусторонних отношений Таджикистана с Туркменистаном основывался на взаимовыгодном сотрудничестве, с учетом интересов обоих государств. Связи двух стран успешно развиваются в политической, торгово-экономической, научно-технической, культурной и иных сферах. Как отмечают эксперты, характерной чертой двустороннего взаимодействия является неизменное присутствие духа взаимного доверия, полное совпадение или близость позиций по многим актуальным международным и региональным проблемам, представляющим взаимный интерес.

Особенно подчеркивается, что политические контакты двух стран за период обретения независимости были насыщены многочисленными официальными и рабочими встречами президентов и членов правительств, результаты которых, несомненно, определили во многом ритм и динамику развития двусторонних отношений. В

ходе регулярных встреч глав государств предметно рассматривались самые актуальные вопросы повестки дня двусторонних и многосторонних таджикско-туркменских отношений, определены их приоритетные направления и перспективы дальнейшего углубления [12].

Как было отмечено выше, изначально фундамент двусторонних отношений Таджикистана с Туркменистаном, основывался на взаимовыгодном сотрудничестве, с учетом интересов обоих государств. Политическая основа этих двусторонних отношений была заложена 27 января 1993 года подписанием руководителями правительств молодых суверенных государств меморандума «Об установлении дипломатических отношений между Республикой Таджикистан и Туркменистаном». Согласно этому документу, весной того же года Президиум Верховного Совета Республики Таджикистан назначил Акбаршо Искандарова первым Чрезвычайным и Полномочным Послом Республики Таджикистана в Туркменистане. Судя по словам посла, потребность в дипломатических отношениях у нашей страны была огромна, возможно, больше чем у любой другой. В связи со сложной обстановкой в Таджикистане в Туркменистан хлынул поток беженцев – в самый пик их было примерно сто тысяч. Их требовалось разместить, обеспечить едой, работой, со временем организовать их отправку на Родину. Прежде всего началась активная деятельность по подготовке пакета проектов соглашений между нашими странами. У нас был договор о дружбе и сотрудничестве, подписанный ещё в советские времена. На основе этого базового документа был подготовлен пакет экономических и иных соглашений. И вскоре представителями Республики Таджикистана и Туркменистана было подписано более 20 соглашений на различном уровне, что дало возможность начать более или менее нормальную дипломатическую деятельность [1, с.74-75]. Так, в основном, взаимоотношения двух стран строились в политическом плане. Одним из главных являлся пятый раунд межтаджикских переговоров, который проходил в Туркменистане.

За эти годы состоялось несколько раундов межтаджикских переговоров. Проходили они в Тегеране, Афганистане, Казахстане, Москве. Но в какой-то момент сложилась тупиковая ситуация, когда никак не получалось найти общий язык. Не всегда оппозиция соглашалась проводить диалог в той или иной стране. А в это время

рос международный авторитет Туркменистана как миротворческого центра, объявившего позицию нейтралитета. В это сложное для Таджикистана время Ашхабад предложил Душанбе и Объединённой Таджикской Оппозиции провести у себя очередной раунд переговоров. И они, зная большой авторитет Президента Туркменистана Сапармурата Туркменбоши как миротворца, его искреннее желание помочь таджикскому народу, щедрое, доброе сердце туркменского народа, согласились провести диалог в Ашхабаде. 30 ноября 1995 г. в столицу Туркменистана прибыли руководители Объединённой таджикской оппозиции. Два дня шли их беседы с Президентом Туркменистана С.А.Ниязовым. После долгих и нелёгких разговоров они, наконец, согласились продолжить диалог в Ашхабаде. Приехала делегация официального Таджикистана. 30 ноября о 22 декабря начался первый этап пятого раунда межтаджикских переговоров. Туркменистан создал все условия для успешного проведения переговоров, желая лишь воцарения мира на таджикской земле. Никто не вмешивался в ход диалога, обеспечив нормальную работу, обеспечив обе стороны жильем, оргтехникой, транспортом и т.д. Как раз во время переговоров получили известие о том, что 12 декабря Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию «Постоянный нейтралитет Туркменистана», которую единодушно поддержали 185 стран мира. Одним из первых, когда лишь начинался разговор о нейтралитете, Лидер нации, Президент Таджикистана, уважаемый Э.Рахмон поддержал эту идею. А переговоры тем временем продолжались. Именно в Ашхабаде удалось достичь многого в диалоге, это был большой прорыв. Главное – удалось договориться о прекращении огня. Ашхабадский диалог стал мостом на пути подписания заключительных документов примирения противоборствующих сторон [1, с.75-76].

Таким образом, в 1992-1995 гг. таджикско-туркменские связи находились в состоянии относительного подъёма. Как отмечает историк и международник, доктор исторических наук Зафар Саидзода, руководство Туркменистана всегда понимало взаимовыгодность этих отношений. Туркменистан всегда был привлекательным регионом для обмена сельскохозяйственной продукцией, а также для сезонно-наемных сил из Таджикистана. После трагических событий 1992 г. в этой стране нашли временное убежище десятки тысяч граждан Республики Таджикистан. Это вызвало необходимость в

правовом урегулировании проживания и трудоустройства граждан Республики в Туркменистане. За истекший период таджикско-туркменские отношения приобрели качественно новый характер.

В последующем главы государств имели неоднократные двусторонние встречи в рамках многосторонних встреч глав государств Центральной Азии и СНГ, в ходе которых подчеркивалась необходимость создания благоприятного климата для более тесного сотрудничества между двумя странами в политической, торгово-экономической, научно-технической, культурной и гуманитарной сферах. Ретроспективный взгляд на сравнительно небольшой исторический отрезок наших двусторонних отношений показывает, что с момента установления дипломатических отношений таджикско-туркменские двусторонние отношения традиционно строились в русле взаимовыгодного сотрудничества и, в целом, успешно развиваются.

В Таджикистан из Туркменистана экспортируются жизненно важные для нашей страны нефтепродукты, а также электроэнергия, шерсть, стекло и изделия из него, спирт и многое другое. Со своей стороны Таджикистан осуществляет поставки в Туркменистан своей химической продукции, в частности хлора, а также железобетонных труб, различных изделий из алюминия, медицинских препаратов, различных стройматериалов, металлоконструкций, сельскохозяйственной продукции [3, с.89].

19 июля 1995 г. в Ашхабад по приглашению Президента Туркменистана Сапармурата Туркменбаши прибыл с рабочим визитом Президент Республики Таджикистан Эмомали Рахмон. Высокого гостя в столичном международном аэропорту встречали глава Туркменистана Сапармурат Ниязов и другие официальные лица. В ходе переговоров между С.А.Ниязовым и Э.Ш.Рахмоном состоялся обстоятельный обмен мнениями по вопросам туркмено-таджикского двустороннего сотрудничества по всем направлениям, а также по наиболее важным аспектам международного положения. Президенты выразили удовлетворение современным развитием туркмено-таджикских отношений, особенно подчеркнув заинтересованность и стремление обеих сторон к дальнейшему неуклонному укреплению взаимовыгодного сотрудничества [3, с.96]. Остановившись на вопросах развития Содружества Независимых Государств, гла-

вы Туркменистана и Таджикистана высказались за право каждой страны самостоятельно определять форму своего участия в нем, за равноправие и взаимовыгодное сотрудничество в рамках этой организации [3, с.97].

Таким образом, встреча глав государств, на которой они сверили свои позиции по многим ключевым вопросам, подтвердила еще раз то, что идея Сапармурата Туркменбаши о превращении Туркменистана в крупнейший миротворческий центр находит все большее понимание и поддержку. Касаясь ситуации на таджикско-афганской границе, стороны отметили наличие позитивных тенденций и высказались за продолжение межтаджикских переговоров. Они выразили уверенность в том, что только переговоры и диалог являются единственно правильным средством достижения мира и стабильности в стране. Президенты С.Ниязов и Э.Рахмонов отметили конструктивную роль Российской Федерации, Исламской Республики Иран, ряда других стран и международных организаций в этом процессе [3, с.98]. Был согласован и парафирован пакет документов (12 документов парафировано и 9 согласовано) и фактически подготовлен планировавшийся визит Президента Республики Таджикистан в Ашхабад [6, с.9].

31 августа 1995 г. в Душанбе состоялись таджикско-туркменские переговоры в рамках двусторонних рабочих консультаций, договоренность о регулярном проведении которых была достигнута во время июльского визита в Ашхабад Президента Таджикистана Эмомали Рахмона. Туркменскую сторону на переговорах представлял заместитель председателя Кабинета министров, министр иностранных дел Туркменистана Б.О.Шихмурадов. Важное место в переговорах с Президентом Э.Рахмоновым заняли вопросы, касающиеся межтаджикского урегулирования и участия в этом процессе Туркменистана. Таджикская сторона подтвердила свои принципиальные намерения провести раунд межтаджикских переговоров в Ашхабаде, подчеркнув при этом, что всячески приветствует миротворческую инициативу Туркменистана, весьма далекую от навязывания какого-либо своего мнения. Затем Б.О.Шихмурадов встретился с министром иностранных дел Таджикистана Т.Назаровым, с помощником Президента Б.Н.Ельцина по международным вопросам Д.Рюриковым и главой миссии ООН в Таджикистане Р.Пирис-Бальоном [6, с.129]. В ходе встречи было

согласовано создание совместной комиссии, которая подготовит к подписанию трехстороннее соглашение между Туркменистаном, Таджикистаном и Ираном по развитию торгово-экономического сотрудничества, включая поставки нефтегазового сырья в Таджикистан [3, с.99].

В ходе трехсторонних переговоров Туркменистана, Таджикистана и Ирана обсуждались проекты экономической стабилизации положения в Таджикистане, в котором, по заявлению глав внешнеполитических ведомств, Туркменистан и Иран одинаково заинтересованы. В частности, были обсуждены проекты трехстороннего сотрудничества, решающие проблему оплаты Таджикистаном туркменских нефтепродуктов. Тегеран высказал заинтересованность в покупке таджикского хлопка и платы товарами возможных поставок туркменского газа в Таджикистан. В ходе трехсторонних переговоров в Ашхабад прибыл министр иностранных дел Республики Таджикистан академик Т.Назаров. 12 сентября его принял Президент Туркменистана Сапармурат Туркменбаши. Гость вручил главе Туркменистана послание Президента Эмомали Рахмона, в котором содержалось приглашение Сапармурату Туркменбаши посетить Таджикистан с официальным визитом. Приняв приглашение, С.А.Ниязов подчеркнул, что встречи на высшем уровне необходимы для укрепления взаимовыгодного сотрудничества между двумя странами [3, с.107].

30 ноября 1995 г. в Ашхабаде начался пятый раунд межтаджикских переговоров. Еще до его начала в Ашхабад прибыл заместитель специального посланника Генерального Секретаря, постоянный представитель ООН в Таджикистане Дарко Шилович. Он был уполномочен согласовать организационные вопросы с коллегами из МИД Туркменистана. На следующий день в туркменскую столицу приехал специальный посланник Генерального Секретаря ООН Рамиро Пирис-Бальон, возглавлявший миссию Секретариата ООН, под эгидой, которого проходили межтаджикские переговоры. Оба высоких гостя дали хорошую оценку организационной стороне дела, отметив, что туркменская сторона обеспечила их международный уровень. В Ашхабад съехались участники переговоров, наблюдатели и международные эксперты. Это были судьбоносные для нашего народа и государства переговоры, которые сыграли впоследствии огромную позитивную роль в урегулировании межта-

джикского конфликта... [3, с.133]. 1 декабря Президент Туркменистана встретился с представителями правительственной делегации Таджикистана официального Душанбе. Сапармурат Туркменбаши отметил, что «народ его страны всегда рад встречать гостей, в особенности если ими движет стремление к миру. "Таджикский народ – наш добрый вековой сосед, мы близки духом, характером. Поэтому ваша беда – наша беда, и мы будем стремиться, исходя из принципа нейтралитета, делать все, что в наших силах, чтобы способствовать урегулированию конфликта" [3, с.134].

22 декабря в туркменской столице состоялось последнее в 1995 г. пленарное заседание межтаджикских переговоров. Решено было объявить перерыв примерно на месяц. За это время Р.Пирис-Бальон намерен был провести консультации в центральных учреждениях ООН в Нью-Йорке. Он отметил конструктивность ашхабадского раунда, в ходе которого стороны приступили к обсуждению наиболее сложного политического блока вопросов, и выразил надежду, что после перерыва удастся вывести межтаджикский диалог на более продуктивный этап [3, с.139-140].

29 января состоялось первое в 1996 г пленарное заседание в рамках непрерывного раунда межтаджикских переговоров в Ашхабаде. В повестку дня ашхабадского раунда был вынесен также блок политических вопросов, который признан приоритетным. Предстояло также рассмотреть и принять компромиссный план мирного урегулирования конфликта, разработанный ООН на основе Соглашения о прекращении огня от 17 августа 1995 г. [3, с.14].

В 1996 г. устойчивый характер имели таджикско-туркменские отношения в двустороннем формате. В связи с участием в церемонии открытия железной дороги Мешхед-Сарахс-Теджен и в саммите государств-участников ЭКО Туркменистан посетил Президент Республики Таджикистан Э.Рахмонов. С рабочим визитом в Республике Таджикистан побывал вице-премьер, министр иностранных дел Туркменистана Борис Шохмурадов [6, с.17].

Отсутствие по состоянию на 1997 г. основополагающего документа, об основных межгосударственных отношениях ограничивало возможности развития взаимовыгодного сотрудничества между Таджикистаном и Туркменистаном. Подписанный ранее Договор о дружбе и сотрудничестве между Таджикской ССР и Туркменской ССР в связи с распадом Советского Союза в свое время так и не

был ратифицирован. Двусторонние таджикско-туркменские связи в политической сфере в этот период регулировались Протоколом о сотрудничестве между МИД Таджикистана и МИД Туркменистана, Протоколом о консультациях между МИД Таджикистана и МИД Туркменистана, Меморандумом о функционировании Посольства Республики Таджикистан в Ашхабаде и посольства Туркменистана в Душанбе. Сравнительно хорошие контакты между внешнеполитическими ведомствами двух стран были налажены именно на основе упомянутых документов. Таджикистан и Туркменистан успешно взаимодействовали в рамках уставных и отраслевых органов СНГ, в ряде международных и региональных организаций, в вопросах обеспечения безопасности в Центральной Азии, мирного урегулирования межтаджикского конфликта, возвращения таджикских беженцев на Родину и в других сферах. В этот период для руководства Республики Таджикистан приоритетными направлениями таджикско-туркменских отношений в двустороннем формате представлялось взаимодействие в рамках СНГ, в региональных и международных организациях по афганской проблематике, сотрудничество в сфере транзитного транспорта, торговли, топливно-энергетического комплекса и других областях. К началу 1998 г. в стадии разработки находились проекты Договора о дружбе и сотрудничестве и около 20 соглашений по экономическому блоку таджикско-туркменского сотрудничества [6, с.26].

В июле 1997 г. в г. Ашхабаде было открыто представительство международной организации по миграции (МОМ). Это представительство совместно с Посольством Республики Таджикистан в Туркменистане, УВКБ ООН, Национальным обществом Красного полумесяца при активном участии Правительства и хакимликов на местах составляло программу возвращения оставшихся беженцев из Таджикистана.

С января 1998 г., согласно этой программе, началась организационная отправка наших соотечественников поездом на родину. Раз в две недели в Таджикистан отправился конвой, состоящий из четырёх вагонов по 200-250 человек. За полтора года, таким образом, было отправлено 28 конвоев, и домой возвращено свыше 5 тыс. человек. В Туркменистане осталось около 9 тыс. граждан Таджикистана, из которых 3 тыс. изъявили желание вернуться на родину и ждут возобновления отправки железнодорожных конвоев со

стороны МОМ. Остальные прижились в Туркменистане, имеют свои дома или квартиры, получили в аренду землю или нашли постоянную работу и хотят остаться жить здесь. Состоялось 150 смешанных браков. Браки наших граждан регистрируются и в посольстве, и в хякимликах. К слову, в Таджикистан вернулось большинство этнических туркмен, которые постоянно жили там до гражданской войны. Они считают, что это место их постоянной жизни, где они пустили глубокие корни, где остались могилы их предков и растут дети. В то время как многие таджики решили навсегда остаться в Туркменистане. Это пример свободы, полученной при независимости [1, с.75].

По словам Зафара Саидзода, в 1998 г. в таджикско-туркменских двусторонних отношениях существенных сдвигов в плане активизации не произошло. В этот период была проведена работа по возвращению из Туркменистана на родину к местам постоянного проживания около 400 таджикских беженцев. В целях активизации двусторонних отношений основное внимание уделялось вопросам укрепления договорно-правовой базы для взаимовыгодного сотрудничества между двумя странами. Прорабатывался вопрос о подготовке условий для организации встречи на высшем или высоком уровне и подписании важнейших документов. В частности, Договора об основах отношений двух государств. Обмен мнениями о состоянии и перспективах таджикско-туркменских отношений, а также по региональной и международной проблематике состоялся в ходе беседы Президента Республики Таджикистана Э.Рахмона с Президентом Туркменистана С.Ниязовым в январе 1998 г. в Ашхабаде в рамках встречи глав государств Центральной Азии. В сентябре 1998 г. в столице Туркменистана состоялось переговоры правительственных делегаций двух стран, по результатам которых был составлен итоговый акт выверки задолженности хозяйствующих субъектов Таджикистана и Туркменистана и подписан соответствующий меморандум [6, с.38].

В апреле 1999 г. Президент Республики Таджикистан Эмомали Рахмон нанес рабочий визит в Туркменистан, где он принял участие в работе заседания Глав государств Центральной Азии. Целью встречи «Ашхабадского саммита на высшем уровне» стало определение задач дальнейшего сотрудничества, направленного на интеграцию стран Центральной Азии [9].

Далее, по итогам таджикско-туркменских переговоров на высшем уровне, которые состоялись 18 марта 2000 г. в Душанбе было подписано 7 документов [9]. Президенты Э.Рахмон и Г.Бердимухаммедов поставили свои подписи под совместным заявлением. Также были подписаны: Соглашение между правительствами Туркменистана и Таджикистана о сотрудничестве в области стандартизации, метрологии, сертификации и аккредитации. Соглашение о сотрудничестве между министерствами юстиции РТ и Туркменистана; Программа сотрудничества между МИД Таджикистана и Туркменистан на 2010-2011 гг.; Протокол о сотрудничестве между государственной национальной авиакомпанией «Туркменхавоёллари» и министерством транспорта и коммуникации РТ и договор о сотрудничестве между Национальными олимпийскими комитетами двух стран. В ходе переговоров также были обсуждены вопросы проведения Дней культуры Таджикистана в Туркменистане и Туркменистана в Таджикистане, а также вопросы достижения мира и стабильности в соседнем Афганистане. «Я довел до сведения туркменской стороны твёрдую и принципиальную позицию Таджикистана в использовании водно-энергетических ресурсов в нашей стране, которая никоим образом не направлена в ущерб другим странам региона», - подчеркнул Президент Таджикистана Эмомали Рахмон. «Наши отношения развивается динамично во всех сферах», - подчеркнул Президент Туркменистана. Президент Республики Таджикистан наградил туркменского коллегу за выдающиеся заслуги в развитии таджикско-туркменских отношений орденом Исмоила Сомони 1 степени [9].

На таджикско-туркменские отношения 1991-2000 гг., можно смотреть с оптимизмом. Об этом говорят и учёные, и отдельные эксперты. Например, по словам эксперта Шоди Шабдолова, «...несмотря на то, что у нас с Туркменистаном нет общих границ, мы всегда ощущаем помощь братского народа. В годы гражданского противостояния в Таджикистане многие наши граждане уехали в Туркменистан, где нашли понимание и хлеб. Никто тогда не просил покинуть эту страну. Встретили, как братьев. Я всегда отслеживаю, какие договоренности достигаются между двумя странами. Девять соглашений, подписанные на днях в Душанбе на высшем уровне, очень важны для обеих сторон. Здесь соглашения в сфере энергетиче-

ки, железных дорог. Туркменистан может обеспечить нас газом, электричеством, и, конечно, это позитивный фактор» [10].

Журналист Рустам Маджидов, в свою очередь, отмечая позитивность экономических соглашений между Туркменистаном и Таджикистаном, утверждает, "В нынешних условиях любые инвестиции, любая возможность выйти на новый рынок для Таджикистана важны... При налаживании экономических отношений, Таджикистан сможет частично обеспечить себя альтернативным рынком и при необходимости отказаться от старых рынков. Важным ключом являются также энергоресурсы, которые Туркменистан сможет поставить в Таджикистан по невысокой цене" [10].

Вопросы улучшения взаимосвязей двух соседних государств в экономических, политических и культурных отношениях отражены в выводах и заключениях кандидатской диссертации А.Искандарова «Интеграционные процессы в государствах Центральной Азии: на примере Республики Таджикистан и Туркменистан» (2000 г.), коллективной монографии «Таджикистан – Туркменистан: развитие и укрепление партнёрства за 20 лет дипломатических отношений» (2013) и другой новейшей литературе.

Таким образом, хотя в наших отношениях с 1991 по 1999 гг., существовало много нерешённых вопросов, которые перешли в 2000-е гг., итог утешительный и у политологов, и международных экспертов в различных сферах. Изначально фундамент двусторонних отношений основывался на взаимовыгодном сотрудничестве с учетом интересов обоих государств, и сегодня связи двух стран успешно развиваются в политической, торгово-экономической, научно-технической, культурной и иных сферах. Сложилось так, что Таджикистан и Туркменистан в годы независимости связывают доверительные отношения, основанные на двусторонних соглашениях и договорах и просто на теплых человеческих чувствах.

Литература

1. Искандаров А. Выбери соседа (зарождение национальной дипломатии) // Туркменистан глазами зарубежных дипломатов, ученых и журналистов. – Ашгабад, 2000. –С.74-75.

2. Искандаров А.И. Интеграционные процессы в государствах Центральной Азии: На примере Республики Таджикистан и Туркменистана: дис...канд. полит. наук. –М., 2002. – 172 с.
3. Искандаров А.И. Родники дружбы. Записки посла. –М.: Международ. отношения, 2000. – 296 с.
4. Политическая система Туркменистана: долгий путь к нормальной диктатуре. Аналитическая служба Ла ТУК // Большая игра: Политика, бизнес, безопасность в Центральной Азии. – М., 2014. – №5. –С.6-15.
5. Рахматуллаев Э. Превентивная дипломатия: панацея или мираж: монография. – М.: Университет, 2007. – 407 с.
6. Саидов З.Ш. Внешняя политика Республики Таджикистан на современном этапе (1992-2005 гг.). –Душанбе: Авесто, 2006. – 560 с.
7. Саидов З.Ш. Таджикистан на рубеже тысячелетий: реализация национальных интересов на международной арене / З.Ш.Саидов, А.З.Сабуров. –Душанбе: Деваштич, 2005. – 412 с.
8. Таджикистан – Туркменистан развитие и укрепление партнёрства за 20 лет дипломатических отношений. –Душанбе, 2013. – 163 с.
9. Тураева М.О. Туркменистан: итоги суверенного развития и приоритеты дальнейшей трансформации // Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет). – Душанбе, 2016. – №1(52). – С.42-47.
10. Юлдашев А. Таджикистан и Туркменистан подписали семь документов // Азия Плюс. – 2000. – 21 янв. – С.А2.
11. <http://www.avesta.tj/sociaty/24877-eksperty-o-tadzhikskoturkmenskih-otnosheniyah.html>
12. wiki2.org/wiki//Туркмено-таджикские_отношения
13. <http://news.tj>

МИГРАЦИОННАЯ ФИЛОСОФИЯ ТРАМПА

Ульмасов Р.

**Доктор экономических наук,
профессор кафедры международных отношений и дипломатии
Российско-Таджикский (Славянский) университет**

Через неделю после вступления на пост президента Трамп подписал ряд указов, поручив Госдепартаменту и Министерству национальной безопасности на 120 дней приостановить размещение в США беженцев со всего мира. Он также решил сократить квоту на их прием в 2017-м финансовом году примерно в два раза – до 50 тысяч человек. Кроме того, было введено ограничение сроком на 90 дней на въезд в США граждан Ирака, Ирана, Йемена, Ливии, Сирии, Сомали и Судана.

Администрация Трампа ужесточает подход к нелегальным иммигрантам, а также к допуску в страну людей из ряда зарубежных государств. Белый дом мотивирует это соображениями национальной безопасности.

В ходе исследования, проведенного социологической службой Харриса по заказу Гарвардского университета, 80% респондентов заявили, что власти на местах обязаны подчиняться закону и отчитываться перед федеральными властями США о всех нелегальных иммигрантах, попадающих в поле их зрения [4]. Критики администрации, особенно в оппозиционной Демократической партии США и близких к ней СМИ, используют эту тему для нападок на политику действующего президента. По словам той же TheHill, "в сотнях городов по всей стране, в том числе во многих с мэрами-демократами или демократическими горсоветами" власти "отказываются подчиняться" распоряжениям федерального правительства, а по существу – требованиям закона. Со своей стороны Белый дом дал указание министру национальной безопасности США Джону Келли "изыскать пути к тому, чтобы лишить эти города-убежища федерального финансирования", - указывается в публикации.

Актриса Анджелина Джоли, которая уже более 15 лет является послом доброй воли ООН, осудила действия, предпринимаемые администрацией Д.Трампа для ограничения масштабов иммиграции как "политику, основанную на страхе" [1]. 3 февраля с.г. федеральный суд в Сиэтле, рассматривающий иск властей штатов Вашингтон и Миннесота, направленный против иммиграционного указа, ввел временный запрет на его выполнение. Решение суда первой инстанции поддержал Апелляционный суд девятого округа в Сан-Франциско. После этого Министерство юстиции США объявило о том, что президент намерен подписать новый указ об ограничении иммиграционной политики.

Мировой миграционный порядок необратимо меняется. Запад и США погрязли в противоречиях, а новая реальность требует коренного изменения подходов и установления новых правил игры. США, к сожалению, больше не подходят на роль символической страны мигрантов. Приход Трампа означает конец старым правилам и начало новой миграционной эпохи. Начиная с конца 20 века и в начале 21 века, миграция еще не видела такого уровня нестабильности. До кровавых событий на Ближнем Востоке решение миграционных вопросов представляло собой достаточно предсказуемую деятельность с жесткими правилами. В настоящее время мы столкнулись с максимально непредсказуемыми обстоятельствами, исключительно опасной для мигрантов. Гражданская война в Сирии, Ливии, Ираке привела к глубокому кризису миропорядка, к негативным тенденциям, особенно в миграционной плоскости. Основная проблема: Запад не хочет признать свою вину в миграционном коллапсе. При этом миграционная ситуация деградирует все быстрее и осложняется поставленными на поток фейковыми новостями, из-за которых обыватели теряют связь с реальностью. К власти в Соединенных Штатах пришел человек, «считающий решение внутренних проблем задачей более важной, чем насаждение американской модели демократии по всему миру». Это означает, что к мигрантам и к миграции будут относиться совсем по-другому. Судьба мигранта, успехи мигранта – переплетены не только экономическим кризисом или миграционным коллапсом. СМИ создали в лице мигранта самого страшного монстра и все проблемы перекладывают на бедных мигрантов. Мы видим, что общность наших трудовых мигрантов подвергается опасности из-за дуги нестабильно-

сти в мире. Дуга нестабильности в миграционном поле будет длиться долго, так как мира на Ближнем Востоке, в Афганистане придется ждать еще долго. Надо закончить войну в странах пребывания мигрантов. Очаг и корень всех европейской проблемы находится на Ближнем Востоке. Используя любые средства, методы посадить за стол переговоров все конфликтующие стороны, назначить выборы, принять Конституцию и начать восстановление разрушенных городов. Если Европа будет жалеть денег на восстановление, то это означает то, что волна беженцев и мигрантов захлестнет Европу. Или восстановите разрушенные страны, или попадете в бездонную яму вместе с мигрантами. Европейские страны должны коренным образом реформировать все свои правоохранительные органы, разведслужбы. Методы работы этих органов отстают от «кустарной» работы террористов. Все эти органы должны работать на опережение, читать замыслы террористов, разрабатывать преждевременные ходы. А сейчас все разведслужбы работают после завершения терактов.

Анализируя миграционную ситуацию, надо прибиться к какому-то берегу и отталкиваться от него. Изучить истинные возможности миграции.

Но сотрудничество в области миграции не может и не должно даже теоретически становиться предметом торга. Нужно лишь координировать свои действия. Так же нельзя обсуждать в категориях «сделки» вопрос об «амнистии». Так что амнистия – это тоже неинтересный актив. Борьба против миграции – это означает лишить Европу и Россию возможности решить проблемы рынка труда и, соответственно, демографии. Более того, жесткий режим против миграции автоматически приведет к тому, что мигранты будут участвовать в террористических, радикальных, националистических группах с необратимыми для всей системы международной безопасности последствиями. Так что пока не просматривается ни одной объективной причины для нормализации миграционной ситуации. Решение проблем миграции потребует тщательной подготовки и больших усилий дипломатов, ученых, политиков, чиновников.

В последнее время, особенно после избрания Президентом Дональдом Трампа, мы наблюдаем тенденцию политизации миграции. Это кажется парадоксальным – превратить в объект внимания

именно проблему миграции не только в США, но и во всем мире, вывести Президента из игры при помощи средств массовой пропаганды. Президент – миллиардер, обладает смесью решительности и влияния, которое трудно переоценить. Сейчас в США нужен кто-то, лишённый сантиментов, не унаследовавший обязательств и способный навести порядок. Миграционная философия Трампа, зревшая уже давно, превратилась в идею фикс.

Многие считают, что миграционная политика Д.Трампа приведет к неизбежным политическим последствиям. Во многих социальных секторах, находящихся под сильным влиянием националистических настроений, зреют мрачные настроения. Мне думается, что Д.Трамп, реализуя свою миграционную политику, получает два противоядия: одно – универсальное от демократов прежде всего, и второе – он переворачивает последнюю страницу миграционной истории США. В США начинается новая история, не зависящая от мигрантов.

Литература

1. Анджелина Джоли: проблема иммигрантов используется для запугивания американцев. [Электронный ресурс] // Международная панорама. – 2017. – 21 февр. – Режим доступа: Подробнее на: ТАСС: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4042742>
2. ИА «Авеста». – 2017. – 27 янв.
3. Количество таджикских мигрантов, выезжающих в Россию, уменьшилось на 6% // ИА «Авеста». – 2017. – 19 янв.
4. Трамп Д. Американцы – за соблюдение закона по иммигрантам // Международная панорама. – 2017. – 22 февр.

Реализация стратегии импортозамещения в Республике Таджикистан: инновационный механизм

Файзуллоев М.К.

**Доктор экономических наук, профессор кафедры
экономической теории, декан экономического факультета
Российско-Таджикский (Славянский) университет**

В условиях глобализации и обострения международной экономической и политической обстановки, на уровне государственной политики актуализируется необходимость активизации процессов импортозамещения. Под импортозамещением подразумевается экономическая стратегия государства, ориентирующаяся на защиту национальных производителей путем замещения импортных товаров товарами отечественного производства. Результатом реализации стратегии импортозамещения является повышение конкурентоспособности производимой продукции за счет технологической модернизации производств и увеличения их эффективности, освоения принципиально новых видов продукции с высокой долей добавленной стоимости. Стратегия замещения импортных товаров отечественными аналогами в стране должна осуществляться постепенно от стимулирования производства простых товаров к наукоемкой и высокотехнологичной продукции посредством развития производства, технологий и повышения квалификационного уровня персонала. Реализации государственной стратегии импортозамещения повлечет за собой следующие изменения: развитие и внедрение последних достижений научно-технического прогресса, повышение уровня и качества образования; рост занятости населения, снижение безработицы и повышение уровня жизни; укрепление экономической и продовольственной безопасности страны; увеличение спроса на товары отечественного производства и расширение производственных мощностей; сохранение валютной выручки внутри и улучшение торгового баланса страны [4]. Анализ структуры импорта Республики Таджикистан позволяет определить наиболее критичные товарные группы для страны, что должно быть положе-

но в основу выбора приоритетных направлений концепции стратегии импортозамещения. Цели государственной стратегии импортозамещения: достижение технологической независимости в критических областях; формирование потенциала для освоения глобальных рынков; обеспечение положительного сальдо торгового баланса; обеспечение экономической и продовольственной безопасности страны [1]. Таким образом, модернизация и трансформация национальной экономики Таджикистана на базе стратегии импортозамещения должны обеспечить максимальную самодостаточность и антикризисную устойчивость отечественной модели инновационного экономического роста.

Учитывая стратегические цели государства, стратегия импортозамещения важна в экономическом и технологическом плане в контексте обеспечения национальной безопасности и решения социальных проблем [7]. В настоящей ситуации деятельность Правительства Республики Таджикистан должна быть направлена на выбор ключевых ниш, перспективных для развития импортозамещающих производств. Причем такая деятельность должна выражаться, в первую очередь, не в оперативном замещении импортных товаров, ушедших с рынка либо сокративших объемы предложения, а в обеспечении освоения новейших технологий и процессов, модернизации существующих производств, создании принципиально новой продукции глубокой переработки [1]. Таким образом, стратегия импортозамещения должна быть подкреплена, главным образом, инновационным развитием страны.

Стратегия импортозамещения, как правило, реализуется для снижения зависимости экономики от импорта, а также в целях обеспечения условий развития в стране высокотехнологичных и конкурентоспособных производств.

В Республике Таджикистан за последние годы довольно много сделано для развития и поддержки отечественных производств: реформирована законодательная база, разработаны механизмы частно-государственного партнерства, финансируются перспективные НИОКР, субсидируются процентные ставки по заемным средствам, существуют налоговые стимулы для новых производств и т.д. Однако, на практике существующих мер оказывается недостаточно. Сформировавшаяся на протяжении последних десятилетий про-

блема технологического отставания свидетельствует о крайней зависимости производства от импорта из зарубежных стран.

Усиление конкуренции и ограничение доступа Таджикистана к мировым рынкам, технологиям, финансовым ресурсам могут привести к тому, что технологическое отставание Республики Таджикистан от развитых стран будет нарастать. Для преодоления этих тенденций предстоит создать новые механизмы наращивания инвестиций, модернизации технологий, повышения уровня человеческого капитала и качества институтов.

Проблема реализуемости и целесообразности замещения импортной продукции отечественными товарами достаточно сложна и носит многоаспектный характер, включающий вопросы обеспечения надлежащего уровня качества товаров, освоения рынков сбыта, разработки механизмов защиты от конкуренции и т.д. [9].

Реализация стратегии импортозамещения должна осуществляться постепенно – от стимулирования производства простых товаров к наукоемкой и высокотехнологичной продукции посредством развития производства, технологий и повышения квалификационного уровня персонала [5]. В основу данной стратегии должно быть положено повышение качества производимого товара, новых технологий, применяемых на предприятиях, развитие инноваций. Поэтапный процесс реализации стратегии импортозамещения включает: развитие и внедрение последних достижений научно-технического прогресса, повышение уровня и качества образования; рост занятости населения, снижение безработицы и повышение уровня жизни; укрепление экономической и продовольственной безопасности регионов и страны в целом; увеличение спроса на товары отечественного производства и расширение производственных мощностей; сохранение валютной выручки внутри и улучшение торгового баланса страны [6].

Применительно к Республике Таджикистан можно выделить следующие стратегии импортозамещения: а) стратегия внешнеориентированного импортозамещения – курс продвижения отечественной продукции на мировой рынок; б) стратегия смешанного импортозамещения – это стратегия присутствия отечественной продукции на внутреннем и внешнем рынках в различных пропорциональных соотношениях [8].

Спецификой реализации на практике стратегии импортозамещения является развитие производств, ориентированных на импортозамещение, с целью покрытия потребностей внутреннего и внешнего рынков. Отсутствие необходимости учета тенденций зарубежных рынков по качеству продукции может привести к падению доли инновационной деятельности и НИОКР; такой тип стратегии может привести к консервации отставания в сфере технологического и научно-технического сотрудничества; большим потерям национальной экономики за счет структурной распыленности и диверсификации.

Внешнеориентированная стратегия импортозамещения предусматривает замещение импортных комплектующих и деталей в экспортных изделиях [2].

Следовательно, появляется необходимость учета прогрессивных общемировых тенденций, реализации НИОКР и инноваций в соответствии с требованиями зарубежных рынков с целью поддержания конкурентных преимуществ и постоянного роста конкурентоспособности национальных отраслей на внутреннем рынке с постепенным продвижением отечественных товаров на международный рынок.

Стратегия импортозамещения должна включать комплекс приоритетных направлений деятельности: внедрение на предприятиях современных инструментов управления для создания инновационной продукции в целях реализации национальной технологической инициативы; вовлечение в проекты по импортозамещению продукции других государств, делая упор на страны СНГ и ШОС, что будет способствовать развитию и укреплению позиций Таджикистана как одного из участников глобального рынка.

Вместе с тем, модернизация и трансформация национальной экономики на базе стратегии должны обеспечить максимальную самодостаточность и антикризисную устойчивость модели инновационного экономического роста.

Таким образом, стратегия импортозамещения в Республике Таджикистан может быть эффективно реализована с учетом долгосрочной государственной протекционистской политики по поддержке отечественных товаропроизводителей, обеспечивающих приоритетное импортозамещение по наиболее очень важным для национального рынка импортным товарам, услугам и технологиям.

Литература

1. Бурко Р.А. Роль импортозамещения в экономике России // Молодой ученый. – 2013. – №11. – С.301-303.
2. Лапаев С.П. Управление формированием региональной инновационной системы: монография. –Оренбург: Университет, 2014. – 474 с.
3. Мельникова Л. Долгосрочные стратегии регионального развития: перспективы роста и ограничения // Проблемы теории и практики управления. – 2013. – №1. –С.79-88.
4. Павлов К. Импортозамещающая модель модернизации российской экономики // Проблемы теории и практики управления. – 2015. – №1. –С. 88-97.
5. Сергушко С.В. Модернизация институциональной системы государственного управления инновационным развитием региона / С.В.Сергушко, А.С.Славянов // Региональная экономика: теория и практика. – 2014. – №30 (357). –С.10-17.
6. Татаркин А. Инструменты импортозамещения: перспективы российских регионов / А.Татаркин, Е.Андреева, А.Ратнер // Проблемы теории и практики управления. – 2015. – №6. –С.45-53.
7. Трофимов Г. Механизмы импортозамещения на уровне отраслей [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ifs.ru/>
8. Ушаков О.А. Стратегическое планирование импортозамещения в регионе // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2015. – №8(183). –С.148-153
9. Щанкин С.А. Основные приоритеты промышленной политики // Региональная экономика: теория и практика. – 2015. – №13. – С.47-59.

ШОС И ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПОЯС ШЕЛКОВОГО ПУТИ: ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ УЧАСТНИКОВ

Кулинцев Ю.В.

**Научный сотрудник
Институт Дальнего Востока РАН**

За 15 лет своего существования Шанхайская организация сотрудничества превратилась в одного из основных региональных игроков, который обретает все больший вес в динамичном развитии современного мира. Резкое усиление ШОС продемонстрировала на Уфимском саммите в июле 2015 году, где было объявлено о запуске процедуры приема новых членов в организацию. В 2016 г. на Ташкентском саммите был утвержден *План действий на 2016-2020 гг. по реализации Стратегии развития ШОС до 2025 г.*, подписаны два меморандума об обязательствах более миллиардной Индии и почти 200-миллионного Пакистана в целях получения статуса государства – члена ШОС, что позволило объединить в рамках одной организации около 40% населения Земли.

В результате образовавшейся структуры ШОС может приобрести неофициальный статус объединения стран, которые станут своеобразной альтернативой традиционным международным институтам, превратившись, наряду с БРИКС, в один из полюсов «незападного мира».

Изначально ШОС создавалась для решения проблем безопасности, для ослабления пограничной напряженности, решения пограничных споров, борьбы с контрабандой, терроризмом, экстремизмом, сепаратизмом. Постепенно Организация перешла к решению политических вопросов и экономическому сотрудничеству. Входящие в различных статусах в ШОС страны демонстрируют активное желание изменить конфигурацию существующего миропорядка. Евразийские государства объединяются, чтобы построить новую систему международных отношений, сделать их более справедливыми.

На разных этапах перед организацией стояла проблема само-

определения и нахождения ориентира дальнейшего развития. В экспертных кругах задавались вопросом, станет ли ШОС военно-политическим блоком либо в ней возобладает экономическая направленность. Позиция Москвы в большей мере тяготела к формированию модели, где политическая составляющая и проблемы безопасности будут превалировать над экономическим сектором. Пекин же всегда был заинтересован в развитии экономического сотрудничества, что позволило бы ему использовать свое превосходство и при помощи механизмов ШОС реализовать стратегию экономической интеграции в Центральной Азии. Другие игроки имели возможность лавировать между интересами России и Китая и строить на этом свою внешнюю политику. Подобное положение дел не способствовало активному развитию Организации, а побуждало к введению моратория на прием новых членов и созданию новых форматов участия – наблюдателей, гостей, партнеров по диалогу.

Но сложившаяся в последние несколько лет международная обстановка привела к возникновению проблем в азиатском регионе, которые вышли за пределы государств-членов ШОС. Участникам организации стало сложно находить пути решения проблем в рамках сотрудничества, ограниченного только шестью странами-членами. Отвечая на новые вызовы, ШОС начала расширять членство в организации и модернизировать механизм работы для того, чтобы играть более серьезную роль в региональном сотрудничестве в области безопасности. Наличие террористической угрозы, распространяющейся с Ближнего Востока на Центральную и Южную Азию, послужило катализатором и стало одним из основных мотивов принятия окончательного решения о расширении [10].

С экономической точки зрения общим привлекательным аспектом для всех стран-претендентов на членство в ШОС является стремление развивать и укреплять сотрудничество в области энергетики. В частности, многие азиатские страны выражают заинтересованность в работе энергетического клуба ШОС, создание которого неоднократно анонсировалось на протяжении последних нескольких лет и который, как ожидается, должен стать важным элементом формируемой в рамках Шанхайской организации системы безопасности, касающейся энергетической сферы.

Нельзя сбрасывать со счетов и геополитические мотивы расширения организации. Обновленная ШОС становится крупной

евразийской организацией, членами которой являются четыре ядерные державы, что придает ей дополнительный политический вес на международной арене [2]. Присоединение новых крупных игроков имеет историческое значение, знаменуя собой важный этап превращения однополярного мира в многополярный. Фактически в рамках ШОС происходит формирование альтернативы предложенного Западом миропорядка с предоставлением странам Востока возможностей отстаивания собственных интересов в мире.

Политика и программы ШОС созвучны долговременным целям Индии и Пакистана по продвижению мира и стабильности в регионе, по сдерживанию и устранению террористической угрозы, по взаимодействию с членами организации в деле строительства более прочных и продуктивных отношений с заделом на будущее.

Можно выделить несколько причин, по которым Индия и Пакистан могут надеяться на выгоду от членства в ШОС. Они представлены не менее чем шестью различными направлениями:

1. Индия и Пакистан получают возможность участвовать в «региональных отношениях» через механизмы ШОС.

2. Они могут рассчитывать на механизмы ШОС для защиты своих интересов в сфере безопасности.

3. ШОС может способствовать экономическому росту в обеих странах.

4. Индия и Пакистан получают возможность расширить каналы взаимодействия, которые открываются в связи с реализацией китайской инициативы ЭПШП.

5. Как быстро растущая экономика, Индия может использовать членство в ШОС, чтобы углубить энергетическое сотрудничество с Россией и странами Центральной Азии.

6. ШОС может послужить площадкой для диалога для двух стран, учитывая нерешенные территориальные споры между Индией и Пакистаном, что позволит облегчить напряженную обстановку на границе и улучшить отношения в многостороннем формате [1].

Пакистан в свою очередь сможет стать своеобразными воротами в океан для евразийских стран-членов, не имеющих выхода в море. ШОС важна для Пакистана и как инструмент формирования многополярного мира и укрепления безопасности.

Экономическая заинтересованность Пакистана проявляется в возможности обеспечить энергетический и торговый коридор для

стран ШОС через порт Гвадар. Пакистан может рассчитывать на финансовую помощь Китая в строительстве транспортной инфраструктуры и модернизации Каракорумского шоссе, посредством которого будут связаны Гвадар, Кашгар и Центральная Азия. Налаживанию трансконтинентального сухопутного сообщения способствует Соглашение о создании благоприятных условий для международных автомобильных перевозок внутри стран-членов ШОС [11].

О своем желании вхождения в Организацию на правах полноценного члена Индия заявила сразу после снятия в июне 2010 г. на саммите в Ташкенте моратория на прием новых членов [14].

Как известно, в ШОС собрались как крупнейшие в мире производители энергоресурсов, такие как Россия и Казахстан, так и крупнейшие их потребители, такие как Индия и Китай. Учитывая потребность в энергоносителях, Индия заинтересована в развитии научно-технического и торгово-экономического сотрудничества со странами Центральной Азии.

Индийские аналитики Камал Митра Ченой и Ануранда М.Ченой констатируют, что на современном этапе индийская внешняя политика характеризуется переходом от активного участия в крупных объединениях глобального уровня к политике создания альянсов и объединений небольшого числа стран, находящихся в сфере ее жизненно важных интересов. Развитие сотрудничества Индии со странами БРИКС и ШОС может расцениваться как еще одно свидетельство стремления Индии выйти за рамки региона и добиваться признания ее в качестве великой мировой державы [17].

В сентябре 2014 года индийский премьер Н.Моди объявил о запуске программы «Make in India», направленной на привлечение в страну инвестиций и самых современных технологий, создание рабочих мест, ускорение экономики и превращение Индии в хайтек-сверхдержаву. Бывший посол Индии в России Канвал Сибал, отмечая заинтересованность Индии в развитии отношений с ШОС, можно выделить такие сферы сотрудничества, как энергетика и коммуникации, информационные технологии и фармацевтика [5].

Особое внимание Индия будет уделять созданию транспортного коридора «Север-Юг», который обеспечил бы короткий и эффективный торговый путь в Россию и Центральную Азию.

Кроме того, осуществление совместных экономических проек-

тов в рамках ШОС, таких, например, как нефте- и газопроводы из Ирана, Узбекистана, Туркмении через территории Индии и Пакистана может стать одним из факторов нормализации отношений и развития сотрудничества между Индией и Пакистаном [16].

Официальная позиция Китая относительно приема новых членов заключается в признании значимости вступления Индии и Пакистана в Организацию и важности той роли, которую они сыграют в ее развитии [9]. Пекин надеется, что это поможет нормализовать индийско-пакистанские отношения и позволит оказать позитивное влияние на ситуации в Азии с учетом вывода международных сил из Афганистана. Интерес Пекина к Афганистану объясняется стремлением к стабильности в западном Китае, особенно в Синьцзян-Уйгурском автономном округе, который очень сильно зависит от безопасности и стабильности в Афганистане.

На деле же китайская сторона до последнего блокировала идею вступления Индии в ШОС. Пекин был обеспокоен ростом статуса Индии в плане регионального и глобального влияния. Китайские эксперты-международники отмечают, пассивную позицию Индии в международных организациях, утверждая, что Индия предпочитает дистанцироваться от обсуждения важных военных, стратегических и политических проблем и что подобный подход может сохраняться и в рамках ШОС [6].

Российские эксперты отмечают, что расширение Организации за счет присоединения Индии и Пакистана, а также увеличение количества стран-наблюдателей позволило превратиться ей в полноценную евразийскую структуру. За счет сопряжения Экономического пояса Шелкового пути и Евразийского экономического союза происходит формирование единого евразийского пространства, на огромной территории идет процесс формирования «незападного мира» [4].

Кроме того, присоединение Индии и Пакистана к ШОС является очередным шагом на пути к созданию новой системы коллективной безопасности в Азии. Основные азиатские игроки, которые де-факто обладают ядерным оружием, будут находиться в составе одной организации, которая таким образом повышает свой авторитет и расширяет зону ответственности до Южноазиатского региона и Среднего Востока.

В российской экспертной среде также высказывается мнение,

что территориальные разногласия между Индией и Пакистаном не будут мешать диалогу внутри организации, наоборот – их членство будет способствовать улаживанию проблем. Имеющийся у России и Китая опыт в ШОС, может стать примером их урегулирования и выхода на стратегическое партнерство [15].

В период своего становления в центре внимания ШОС находилась Центральная Азия. С ростом значимости Организации на мировой арене стало возможным изменение вектора географических интересов ШОС. Прием новых членов позволяет переориентировать фокус международного объединения в сторону Южной Азии и региона Персидского залива. Такой вариант развития событий может не устраивать среднеазиатские государства. Кроме того, расширение ШОС ведет к снижению личного веса в рамках более значительной группы стран, так как им придется делиться возможными инвестициями, фондами развития, постами в ШОС и другими конкретными институциональными выгодами с новыми членами, что ведет к сокращению возможностей отстаивать свои интересы на международной арене.

В настоящее время в экспертном сообществе идут дискуссии относительно необходимости формирования иных, более комплексных механизмов, способных прийти на смену принципу консенсуса в рамках ШОС. В качестве одного из решений предлагается ввести в использование статуса члена-учредителя ШОС по аналогии со статусом постоянного члена СБ ООН, который позволял бы использовать право вето.

В то же время необходимо отметить, что после выдвижения китайской инициативы Экономического пояса Шелкового пути у Пекина наблюдается некоторое снижение интереса к проектам в рамках ШОС. Например, выступая на Всемирном экономическом форуме в швейцарском Давосе в январе 2017 года, Си Цзиньпин в ходе 49 минутного выступления ни разу не упомянул эту организацию [3].

При этом становится все более очевидной конкуренция в Центральной Азии между Россией и Китаем. Нельзя не признать тот факт, что постепенно Китай занимает все больше и больше ниш, в которых ранее доминирующее положение занимала Россия. Но это – не проблема Китая, а проблема России, которая не столь активна в регионе, как того хотелось бы.

Концепция ЭПШП показывает, что Китай рассматривает регион Центральной Азии значительно шире в экономическом и интеграционном плане, чем остальные региональные участники. Фактически предлагается мегапроект экономического соразвития от Восточной Азии до Европы, который объединит более 20 государств. Китай выступает как главный исполнитель и вдохновитель этого проекта. Речь идет не о создании некоей евразийской зоны свободной торговли, а скорее о развитии экономик и транспортных/инфраструктурных проектов при помощи КНР в Евразии [8].

В этом свете приобретает особую актуальность *Совместное заявление о сотрудничестве по сопряжению ЕАЭС и ЭПШП*, подписанное лидерами России и Китая в мае 2015 года. В одном из пунктов Заявления перечисляются шаги, которые необходимо предпринять с целью наращивания регионального сотрудничества. Список охватывает широкий спектр вопросов – от создания промышленных парков и трансграничных зон экономического сотрудничества до обеспечения благоприятной среды для роста малых и средних предприятий.

Значительным событием для стран региона стало выдвижение инициативы Президента России о расширении сотрудничества между ШОС и ЕАЭС с привлечением к этому взаимодействию стран АСЕАН. В настоящее время страны ШОС и ЕАЭС готовят соглашение об экономическом континентальном партнерстве, которое должно отразить свободу движения товаров, капиталов, инвестиций, содействовать росту товарооборота и созданию комфортной среды для увеличения доли расчетов в национальных валютах [7].

Буквально на днях, 1 марта 2017 г., Евразийская экономическая комиссия (это постоянно действующий наднациональный регулирующий орган ЕАЭС) объявила о подготовке перечня приоритетных проектов, которые будут реализованы странами ЕАЭС в рамках формирования Экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП). В перечень вошли 39 проектов по строительству новых и модернизации существующих дорог, созданию транспортно-логистических центров, развитию ключевых транспортных узлов [12].

В частности, речь идет о реализации масштабного проекта международного транспортного маршрута «Западная Европа – Западный Китай» протяженностью 8445 км. Кроме того, должна быть

построена высокоскоростная железнодорожная магистраль Москва-Казань, поезда по ней должны следовать со скоростью до 400 км.в час; время в пути от Москвы до Казани составит 3,5 часа [13]. В настоящее время прорабатывается вопрос механизмов привлечения китайских инвестиций в этот проект.

Помимо этого, предполагается проложить железную дорогу Китай – Кыргызстан – Узбекистан, которая откроет доступ для товаров на рынки Западной Азии и страны Ближнего Востока. Развитие железнодорожной ветки Армения-Иран соединит действующую железнодорожную систему двух стран, позволив тем самым Армении выйти через Иран в Казахстан и Китай. Благодаря этому станет реальной не только прямая железнодорожная связь между Ираном и другими странами Персидского залива, но и будет обеспечена возможность сухопутных перевозок из этих государств в другие государства, входящие в ЭПШП.

В середине мая 2017 г.в Пекине пройдет форум по международному сотрудничеству в рамках стратегии «Один пояс – один путь». Проведение форума было анонсировано председателем КНР Си Цзиньпином в ходе выступления на Всемирном экономическом форуме в Давосе. Его главными целями было заявлено создание площадки для поиска решений вопросов современной глобальной и региональной экономики, а также обсуждение планов международного сотрудничества. К настоящему моменту уже более 20 глав государств подтвердили свое участие. Очевидно, что в ходе форума будут обсуждаться общие рамки экономического развития региона ЭПШП, подкрепленного значительными материальными ресурсами Пекина.

Китайские интересы по большей части совпадают с интересами России и Центральной Азии. Все страны региона заинтересованы в собственном экономическом развитии, политической стабильности. Кроме того, Китай, не навязывающий политических условий при осуществлении торгово-экономического сотрудничества, представляет собой важнейшую опору в противостоянии попыткам Запада вести политику «смены режимов», подрывающей региональную безопасность и политическую стабильность. У России и государств Центральной Азии есть возможность воспользоваться созданным положением, заинтересованностью мощного Китая в сотрудничестве, использовать его потенциал в интересах собственного развития.

Литература

1. Бхадракумар М.К. Как Китай относится к членству Индии в ШОС. [Электронный ресурс] // ПолиСМИ. – 2015. – 21 июля. – Режим доступа: <http://polismi.ru/politika/kontury-novogo-mira/1187-kak-kitaj-otnositsya-k-chlenstvu-indii-v-shos.html>
2. Воробьев В.Я. Куда будет двигаться Шанхайская организация сотрудничества? // Проблемы Дальнего Востока. – 2016. – №5. – С.4-10.
3. Выступление Си Цзиньпина. [Электронный ресурс] // Всемирный экономический форум в Давосе. – 2017. – янв. – Режим доступа: <https://www.weforum.org/agenda/2017/01/full-text-of-xi-jinping-keynote-at-the-world-economic-forum>
4. Запад с опаской реагирует на расширение ШОС. [Электронный ресурс] // Деловая газета «ВЗГЛЯД». – 2015. – 10 июля. – Режим доступа: <http://vz.ru/politics/2015/7/10/755521.print.html>
5. Интервью Чрезвычайного и Полномочного Посла Индии в России Его Превосходительства г-на Канвала Сибала информационному агентству «ИнфоРос» (8 июня 2007 года). [Электронный ресурс] // Информационное агентство Инфорос. – Режим доступа: <http://www.inforos.ru/ru/?module=news&action=view&id=18747>
6. Конференция «Российско-китайский диалог: модель 2016». [Электронный ресурс] – Шанхай, Фуданьский университет (21-22.12.2016). – Режим доступа: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=7059#top-content
7. Лавров: либерализация торговли между ЕАЭС и ШОС поможет росту экономики стран-участниц // ТАСС. – 2016. – 12 апр.
8. Лузянин С.Г., Сазонов С.Л. Экономический пояс Шелкового пути: модель 2015 года // Обозреватель / Observer. – 2015. – № 5. – С. 37.
9. МИД КНР: расширение ШОС подтвердило, что организация следует принципу открытости. [Электронный ресурс] // Информационное агентство России ТАСС. – Режим доступа: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/2110879>
10. Российско-китайский диалог: модель 2016: доклад № 25/2016 / [С.Г. Лузянин (рук.) и др.; Х. Чжао (рук.) и др.]; [гл. ред. И.С.

- Иванов]; Российский совет по международным делам (РСМД). – М.: НП РСМД, 2016. – С.32-44.
11. Соглашение между правительствами государств-членов ШОС о создании благоприятных условий для международных автомобильных перевозок. [Электронный ресурс] // Информационное сообщение по итогам заседания Совета глав государств-членов ШОС. – Официальный сайт ШОС.– Режим доступа: <http://www.sectesco.org/RU123/show.asp?id=894>
 12. Сопряжение ЕАЭС и ЭПШП приобретает реальные очертания. [Электронный ресурс] // Официальный сайт «Евразийской экономической комиссии». – Режим доступа: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/2-03-2017-1.aspx>
 13. Хейфец Б.А. Экономический пояс Шелкового пути – новая модель привлекательного экономического партнерства для ЕАЭС // Проблемы Дальнего Востока. – 2016. – №5. – С.39-49.
 14. Шаумян Т.Л. Индия, ШОС и БРИКС в современной геополитике // Сравнительная политика. – 2013. – №3(13). –С.44-64.
 15. ШОС на пути к превращению в глобальную структуру. [Электронный ресурс] // РИА Новости. – 015. – 06.07. – Режим доступа: <https://ria.ru/politics/20150706/1116136007.html>
 16. Bhadrakumar M.K. Why India is sleeping on foreign policy?[Электронный ресурс] // RediffIndia Abroad. – Режим доступа: <http://www.rediff.com/news/2007/aug/07guest.htm>
 17. Chenoy K.M., Chenoy A.M. India's Foreign Policy Shifts and the Calculus of Power // Economic and Political Weekly. – 2007. – 01.09. –Р.3547–3554.

КРИСТАЛЛИЗАЦИЯ «РЕГИОНАЛЬНОГО ЛИЦА» ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ.

Мамадазимов А.

**Кандидат политических наук, доцент
Таджикский национальный университет**

Появление нового региона мира – Центральной Азии после приобретения независимости пяти постсоветскими республиками (Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан) кардинально изменило геополитическое и геоэкономическое положение не только центра, но и всей Евразии. Формирование нового региона в центре обширного евразийского континента, через который, в основном, связаны между собой все его регионы по суше, привело к постепенному переформатированию функционирующих геополитических концепций.

Многоуровневый и многоплановый характер становления и дальнейшего развития региона Центральной Азии актуализировал появление ряда теоретических концепций международных отношений, анализирующих различные аспекты их проявления:

1. Реалисты (как и неореалисты) усматривали в нем, среди прочего, возрождение закономерностей и характеристику новой «Большой игры»;

2. Либералы занялись вопросами модернизации в регионе вкупе с вопросами сохранения безопасности и стабильности в нем;

3. Специалисты–сторонники концепции «Международное сообщество» (Internationalsocietyscholars), как промежуточное звено между реализмом и либерализмом, сосредотачивают свое внимание на специфике интеграции региона в международное сообщество, его превращении из объекта международных отношений в один из их субъектов;

4. Сторонники теории «конструктивизма» с использованием западной теории международных отношений выделяют отход региона от советских (формационных) ценностей и описывают попытки региона возродить ценности национальной, региональной

и цивилизационной идентичности и т.д.

Эти теоретические концепции, наслоившись друг на друга, создают общий фон кардинальных трансформаций в нашем регионе. Рассмотрим их подробнее.

Первый слой (подход неореализма) – военно-политическое соперничество сверхдержав в регионе.

Вскоре после стремительного вхождения США и НАТО в регион и создания военно-технической и логистической инфраструктуры на территории большинства стран региона в России изменились настроения политической элиты. Руководство России первоначально думало, что получило уникальную возможность уничтожить своего противника «чужими руками» [Казанцев 2008: 145]. Однако вопреки их ожиданиям, после окончания антитеррористической операции в Афганистане (декабрь 2001 г.) США и их союзники не ушли из региона. По решению СБ ООН в Афганистане была развернута военная миссия НАТО, получившая название Международные силы по содействию безопасности (МССБ-ISAF), что означало, среди прочего, долгосрочный характер пребывания в регионе США и их военных союзников [Соболев 2002: 8-9].

Создание военной миссии НАТО в Афганистане, опирающейся на военно-логистические инфраструктуры и транспортные сети почти всех стран Центральной Азии, все суждения стали сводить к основному выводу: «США вновь взяли на вооружение принцип окружения России базами и вовлечения в военные союзы» [Казанцев 2008: 146].

Данное обстоятельство привело к реанимации позиций сторонников политического реализма, находящихся в кризисе из-за их неподготовленности к концу биполярного мира после распада социалистического лагеря и его бастиона – Советского Союза. Общеизвестно, что реалисты (как и неореалисты) рассматривают явления в международных отношениях через призму обеспечения национальной безопасности и международного порядка [Jackson, Sorenson 2012:Ch 03]. Как подчеркивает один из ведущих представителей современного неореализма Кеннет Уолтц: «Точно так страна действует в соответствии с её национальными интересами, что означает: изучив свои требования к безопасности, она пытается следовать им. Это просто и очень важно. Следовать концепции национальных интересов означает то, что дипломатические и военные ходы долж-

ны быть соответственно тщательно запланированы для выживания государства, находящегося под угрозой. Соответствующее действие рассчитывается в зависимости от ситуации, в которой находит себя государство» [Waltz 1979: 134]. Этот яркий представитель школы реализма (и неореализма), как и его предшественники, считает, что мир находится в состоянии анархии: «Анархия влечет за собой отношения координации между союзами систем, а это подразумевает их одинаковость» [Waltz 1979: 93].

Центральная Азия после десятилетия безраздельного доминирования России (1991-2001 гг.) стала возвращаться к временам биполярного мира. Данное состояние (соперничество сверхдержав и их структур) продолжилась до конца 2014 г., когда завершился вывод основного контингента войск США и их союзников.

Данное обстоятельство выдвинуло в первые ряды теоретико-идеологической борьбы сторонников жесткого противостояния с США в российских исследовательско-аналитических кругах и центрах принятия решения.

Необходимо подчеркнуть, что к моменту стремительного вхождения США и их военных союзников в регион Россия стала предпринимать ряд шагов по активизации своего присутствия в Центральной Азии, что было связано со сменой власти в Кремле и улучшением ценообразования на углеводороды и другие полезные ископаемые на мировом рынке.

Одним из первых позицию военного сообщества России о сложившейся ситуации изложил директор российской Федеральной пограничной службы Константин Тоцкий, который заявил: «Мы не можем согласиться с постоянным присутствием США и других стран здесь [подразумевается в Центральной Азии]» [2]. Вскоре данное мнение военных было подхвачено и представителями высшего руководства страны [2].

В это время НАТО, расширившись за счет новых государств Восточной Европы, вплотную приблизилась к границам СНГ. Одновременно в рамках программы ISAF в Афганистане она была вынуждена поддерживать сотрудничество со странами региона. Поэтому на Стамбульском саммите НАТО (июнь 2004) было объявлено о важности сотрудничества альянса со странами Южного Кавказа и Центральной Азии [3].

Однако вскоре обнаружилась неготовность руководства НАТО к налаживанию диалога или партнерства с новой организацией (ОДКБ), где предпочли сотрудничество с отдельными членами данной организации на двусторонней основе. Данное обстоятельство привело к конкуренции между этими военно-политическими организациями, продолжавшейся до вывода вооруженных сил НАТО из Афганистана (декабрь 2014).

Второй слой (либеральный подход) – инфраструктурно-логистическая модернизация региона.

Необходимо отметить, что постепенное усиление военно-блокового противостояния по линии «НАТО-ОДКБ» не привело к свертыванию проектируемых и реализуемых транспортных маршрутов в Центральной Азии, которые можно рассмотреть в общих рамках возрождения Великого Шелкового пути, а наоборот, подстегнуло их.

Для лучшего понимания данного феномена обратимся к теоретическим изысканиям либерализма. Как подчеркнули Джексон и Соренсон во «Введении в международные отношения», «к настоящему времени мы знакомы с основными либеральными предположениями о процессе модернизации, развития современного либерального государства и вере в человеческий разум и прогресс человечества» [Jackson, Sorenson 2012:Ch 04]. Поэтому мы также будем рассматривать данные трансформации как стремление к модернизации и прогрессу, когда страны региона стали проектировать и реализовывать крупные разнонаправленные инфраструктурные и логистические проекты, невзирая на позиции сверхдержав. Сверхдержавы, в свою очередь, так же стали предлагать региону альтернативные проекты и программы.

США, воспользовавшись своим военно-политическим присутствием в регионе, стали инициировать и продвигать идею «Большая Центральная Азия» [Старр 2005]. Эта идея, впервые озвученная известным американским исследователем Фредериком Старром, вытекающая из первоначальной идеи строительства трансафганского газопровода из Туркменистана (середина 1990-х годов), была призвана твердо прикрепить Афганистан к (постсоветской) Центральной Азии. В рамках данной идеи был построен крупный автомобильный мост из Афганистана в Таджикистан через реку Пяндж американскими военными инженерами и т.д.

К концу первого десятилетия нового столетия наблюдались неудачи США и их союзников в рамках ISAF, среди прочего стала снижаться актуальность проекта «Большая Центральная Азия». Встреча госсекретаря США Дж. Керри с главами МИД пяти государств Центральной Азии в рамках саммита Генеральной Ассамблеи ООН (27 сентября 2015 г. в Нью-Йорке) и позднее в Самарканде во время его последнего визита в регион (октябрь 2015 г.) свидетельствует, по сути, о создании нового формата дискуссий между США и странами региона (5+1). Это означает, что США в своем конструировании региона вернулись от концепции «Большой Центральной Азии» к искомой Центральной Азии.

Однако, на наш взгляд, США не отказались полностью от естественной идеи тесно связать Центральную и Южную Азию между собой. Ярким подтверждением данной мысли является проект «CASA-1000», строительство региональной ЛЭП из Таджикистана и Кыргызстана в Афганистан и Пакистан, продвигаемый администрацией США и международными финансовыми институтами [4]. 11 мая 2016 г. стал началом этапа практической реализации данного проекта.

Несомненно, Россия так же предлагала новые маршруты транспортировки углеводородов и других товаров, однако из-за отсутствия необходимых финансовых ресурсов или из-за «трубопроводного чванства» [Яценко 2007] она стала терять региональных партнеров. Ярким свидетельством данной мысли является постепенная переориентация туркменского газа от европейского потребителя (через российский транзит) к китайскому потребителю.

В Европе разработали концепцию «Центральная Азия и Кавказ», связывающую два региона в один геополитический проект, предусматривающий транспортное и трубопроводное соединение Европы с Азией в обход территории России. Выражением и воплощением этой концепции стала программа ТРАСЕКА (TRASECA), начало которой было положено в 1993 году.

Китай, не обремененный никакими блоковыми обязательствами, максимально воспользовался сложившейся ситуацией. К концу первого десятилетия Китай завершил строительство нефтепровода «Атырау-Алашанькоу» для перекачки казахстанской нефти и три ветки газопровода «Туркменистан-Китай» через Узбекистан и Казахстан. В настоящее время идет строительство четвертой ветки га-

зопровода «Туркменистан-Китай» через Узбекистан, Таджикистан и Кыргызстан. Кроме того, в регионе реализуются десятки проектов по модернизации автодорожных и других инфраструктурных проектов (включая ЛЭП) с активным участием китайского капитала и китайских компаний.

Как стало известно, новое китайское руководство не только взяло курс на комплексное возрождение Великого шелкового пути (как сухопутных, так и морских маршрутов), но и занялось созданием нового финансового института (АБИИ) для успешной реализации данного китайского мегапроекта, принявшего окончательное название «Один пояс, один путь».

Необходимо подчеркнуть, что в отличие от времен «Большой игры» (вт. пол. XIX- нач. XX вв.), когда регион в геополитическом и дипломатическом измерении выступал «пустым пространством» [Казанцев 2018: 103], после приобретения независимости, особенно к началу первого десятилетия нового (XXI) столетия, новые государства региона вели активную самостоятельную политику по вхождению в мировое сообщество, включая мировые коммуникационные системы.

Третий слой (подход школы «Международное сообщество») – усиление многовекторного внешнеполитического ориентира стран региона.

Военно-политическое присутствие и соперничество сверхдержав, с одной стороны, и с другой – создание новых альтернативных инфраструктурно-логистических маршрутов, в свою очередь, привело к формированию и усилению многовекторного внешнеполитического курса стран региона. Для лучшего понимания данных процессов обратим внимание на теоретические подходы специалистов – сторонников школы «международное сообщество» (International Society Scholars), которые подчеркивают: «Они берут за основу исторические и институциональные точки зрения мировой политики. Они отмечают в паре конфликт и сотрудничество, как системы и общества, как порядок и справедливость в отношениях государств. Они пытаются понять разницу между международной системой и международным сообществом, а также способы, которыми международная система может быть преобразована в международное сообщество, и наоборот. Они замечают институциональный аспект в мировых делах, таких как дипломатическая практика, до-

говорные отношения, а также международные организации» [Jackson, Sorenson 2012:Ch 05].

До вхождения США и их союзников в регион самыми молодыми государствами региона было инициировано создание региональной организации «Центрально-азиатский союз» (ЦАС, 1994 г.), которая позднее была переименована в «Центральноазиатское экономическое сообщество» (ЦАЭС, 1998 г.). Однако на Душанбинском саммите ОЦАС (октябрь 2004 г.) к организации присоединилась Россия, а через год на саммите ОЦАС в Санкт-Петербурге (октябрь 2005 г.) было принято решение о ее объединении с Евразийским Экономическим Союзом (ЕврАзЭС) [Сайидзода 2010]. Таким образом, России удалось сопрягать региональной организации в Центральной Азии с более крупной межрегиональной организацией. Здесь, на наш взгляд, главную роль играла не только российская политика блокирования внутрирегиональной структуры, но и незавершенность процесса нациостроительства внутри стран региона, когда усиливаются центробежные процессы.

Хотя создание сугубо региональной организации до настоящего время не увенчалось успехом, однако переход от политики ориентации на Россию в большинстве государств региона, включая Республику Таджикистан, к политике «многовекторности» стал реальностью [Саидов 2008].

Идея о многовекторности, впервые озвученная в регионе лидером Казахстана, постепенно стала феноменом всей Центральной Азии.

Четвертый слой (школа «конструктивизма» с использованием западной теории международных отношений) – ценностно-цивилизационное соперничество в регионе.

После распада Советского Союза и социалистического лагеря, воспринятого европейцами как победа западного мира, страны НАТО стали продвигаться на Восток через Восточную Европу и постсоветские страны. Эти (по сути, неоколониальные) устремления были завуалированы благими намерениями, такими как продвижение идей демократии, прав человека, верховенства закона и т.д. Ярким свидетельством данной мысли является содержание книги французского врача и дипломата Бернара Кушнера «Обязанность вмешиваться» (1987), где он утверждает, что демократические государства не только имеют право, но и обязаны для защиты

прав человека вмешиваться в дела иностранных государств, невзирая на их суверенитет [1].

«Цветные революции» в ряде постсоветских республик (Грузия, 2003, Украина, 2004, Кыргызстан, 2005) и особенно трагические Андижанские события (май 2005) подтолкнули страны Востока, особенно государства постсоветского пространства, перейти от слепого следования западным идеям о «правах человека» к сравнительному анализу данной концепции с известными «пять принципами мирного сосуществования».

Вскоре после создания ISAF в Афганистане Центральная Азия стала постепенно территорией соперничества двух мировых конкурирующих концепций: западной концепции «прав человека» и восточной «панча шила» («пять принципов мирного сосуществования»), или «суверенитета наций».

Авторы научного труда «Незападная теория международных отношений» («Non-Western International Relations Theory») Ачарья и Бузан перечисляют четыре типа западных теорий международных отношений:

1. Классические традиции и мышление Азии в лице таких религиозных, политических и военных фигур, как Сун Цзи, Конфуций, Каутилья;

2. Мышление и внешнеполитические подходы азиатских лидеров (Неру, Мао, Аунг Сан, Рицаль и Сукарно);

3. Применение западной теории к местным условиям и оценка их актуальности;

4. Изучение азиатских событий и опыта и разработка концепций в качестве инструмента анализа закономерностей в международных отношениях [Acharya, Buzan 2010: 10-14].

С 2005 г. началось переосмысление среди политического руководства стран Центральной Азии мотивации пребывания западных стран в регионе, когда положение дел с их «гуманитарной интервенцией» в Афганистане не улучшилось, а наоборот, ухудшилось. Поэтому они обратили свое внимание на западные ценности и концепции. Они стали поступать согласно известному высказыванию яркого представителя теоретической школы «конструктивизма» Александра Вендта: «Анархия – это то, что из нее делают государства» [Wendt 1992], когда не западные ценности, а западная концепция «пять принципов мирного сосуществования» стала тем

идеологическим инструментом, посредством которого они стали налаживать межгосударственные отношения между собой и внешним миром.

Внутриполитические элементы возвращения к восточным традициям и ценностям в Республике Таджикистан можно наблюдать в возвращении к традиционным именам, отказе от русифицированных фамилий («-ов», «-ович» и т.д.), что является неотъемлемой частью возрождения национальных традиций и ценностей [6].

В контексте кардинальных трансформаций начала XXI века для государств относительного молодого региона мира – Центральной Азии – вопрос их объектности или субъектности в международной системе является, очевидно, определяющим при выборе стратегических перспектив и модели дальнейшего развития как наций и народов и как единого региона. С теоретической точки зрения, как видим, «регионализация Центральной Азии» – это вопрос в котором переплелись как внутренние, так и внешние факторы влияния, усложняющие этот выбор.

Литература

1. Искендеров П. Гуманитарные интервенции в контексте геополитики. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=967#top-content
2. Торбаков И. Политика Путина в Центральной Азии вызывает критику в России. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.eurasianet.org/russian/departments/right/articles/eav021302aru.shtml
3. NATO «Istanbul Summit Communiqué». [Electronic resource]. – Istanbul, 2004. – June 28. – Access mode: <http://www.natoint/docu/pr/2004/p04-096e.htm>
4. <http://casa-1000.org/page21.htm>
5. http://energyprojects.tj/index.php?option=com_content&view=article&id=722:
6. http://www.bbc.com/russian/.../2010/.../101221_tajikistan_anora_names.shtml

ВОДНЫЕ РЕСУРСЫ И ВОДНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТАДЖИКИСТАНА

Мухаббатов Х.М.

**Доктор географических наук, профессор кафедры
туризм и методики преподавания географии**

Таджикский государственный педагогический университет им.С.Айни

Высокогорный, резко пересеченный рельеф, как фактор климатогидрологических процессов и, в первую очередь, мощный конденсатор влаги обуславливает развитие на территории Таджикистана густой гидрографической сети. Здесь насчитывается 947 рек длиной более 10 км, из них 4 имеют протяженность более 500 км, 16 – длину 100-500 км, и более 10 тысяч малых рек имеют длину менее 10 км.

Все реки Таджикистана относятся к двум крупным речным системам: Сырдарья и Амударья. К системе Амударья относится также и бассейн не доходящей до нее р. Зеравшан.

По абсолютной водоносности самыми крупными реками Таджикистана являются рр. Вахш, Зеравшан, Кафирниган и, конечно же, Пяндж, воды которого в пределах протекания в пограничной зоне Таджикистан-Афганистан относятся к территории обоих государств. Удельная водоносность рек Таджикистана, как уже подчеркивалось, определяется орографическим и высотным положением водосборов и меняется в широких пределах. Наибольшей удельной водоносностью отличаются водотоки, область питания которых расположена на южных склонах Гиссарского, Зеравшанского и восточной части Туркестанского хребтов.

Отметим и еще одну характерную особенность режима многих рек Таджикистана. Практически на всех водотоках среднего и нижнего яруса гор наблюдаются селевые явления, обусловленные наличием в бассейнах рек легкорастворимых почвогрунтов, большими уклонами русел и значительным количеством в руслах и на склонах рыхлообразного материала, интенсивным снеготаянием и ливневыми дождями в весенне-летний период.

Продолжительность селеопасного периода внутри года в среднем составляет 4-5 месяцев, наибольшая селеактивность наблюдается в апреле-июне. Общеизвестно, что селевые потоки могут выносить из гор сотни и тысячи (иногда и миллионы) куб.м. горных пород, сметая и разрушая все по пути следования. Такими были, например, селевой поток, прошедший по руслу руч. Зебон (левый приток р. Зеравшан) в 1871 г. и покрывший г. Пенджикент грязекаменной массой на 1,5 км; селевые потоки, прошедшие почти по всем притокам р. Варзоб в 1961 и 1981 гг.; селевые потоки на всей территории Таджикистана в 1969 г., 2014 г., 2016 г., вызвавшие разрушение дорог, мостов, населенных пунктов и т.д. Таковы в общих чертах условия формирования, режим и характерные особенности речных водных ресурсов Таджикистана. Рассмотрим их количественные показатели.

В таблице 1 показан средний многолетний сток наиболее крупных рек на территории Таджикистана.

Таблица 1

Водные ресурсы наиболее крупных рек (км³)

Бассейн реки	Средний многолетний объем годового стока	в т.ч. формируется в пределах Таджикистана	Водозабор	Использованный объем	Потери
Пяндж	33,4	17,1	1,97	1,5	0,47
Вахш	20,2	18,3	4,6	3,5	1,1
Кафирниган	5,1	5,1	2,5	1,95	0,55
Каратаг	1,0	1,0	0,64	0,38	0,26
Зеравшан	5,3	5,1	0,43	0,4	0,03
Сырдарья	15	0,8	2,96	2,6	0,36

По данным института «Таджикгипроводхоз», общий сток, проходящий по территории республики, составляет 65,1 куб. км, из этого объема в пределах Таджикистана формируется 64,0 куб. км, в том числе в бассейнах рек Амударья – 50,5 куб. км, Сырдарья – 0,8 куб.км. Основной сток дают реки Пяндж, Вахш, Кафирниган и Зеравшан.

Кроме богатых речных ресурсов, на территории Таджикистана сосредоточено около 72% всех озер бассейна Амударьи. Озера Таджикистана размещены неравномерно, и условия для их образова-

ния наиболее благоприятны в высокогорных районах, характеризующихся замедленным стоком, наличием многолетней мерзлоты. По происхождению котловин озера делятся на тектонические, ледниковые, завальные, карстовые и пойменные. В горах большинство озерных котловин возникло в результате тектонических процессов, деятельности ледников или обвалов. Наиболее крупные озера, особенно завального и тектонического происхождения (Сарезское, Зоркуль, Каракуль, Яшилкуль и т.д.), распространены в основном на Восточном Памире в бассейнах Бартанга, Памира, Гунта. Общая площадь водного зеркала этих озер равна 634,42 км², т.е. 90,7% площади всех озер Памира и Памиро-Алая.

Всего по Таджикистану насчитывается 1449 озер общей площадью зеркала 716 кв. км. (0,5% территории республики) и общим объемом воды 46,5 куб. м. В большей части они имеют площадь не более 1 км². 78% озер расположено в горных областях на высоте 3500-5000 м.

До последнего времени озера из-за их труднодоступности изучены весьма слабо. Всего в горах на высоте свыше 1000 м насчитывается 1435 озер общей площадью 702,0 кв. км. Больше всего озер, как по количеству (585), так и по занимаемой ими площади (640 кв. км.), расположено на высоких плоскогорьях и в речных долинах Восточного Памира. Наиболее крупное из них - бессточное горько-соленое озеро Каракуль площадью 364 кв. км и глубиной до 236 м. По мнению специалистов, вода озера первоначально была пресной, а затем начала осолоняться за счет растворения соленосных пород.

В ней содержатся соли хлористого натрия, калия, сернокислого натрия, сернокислого магния и др. Кроме Каракуля, к ледниковым озерам можно отнести многие озера Памира: Чапдара – на высоте 4529 м., Зоркуль – 4126 м., Турамтайкуль – 4213 м., и т.д. На Шугнанском хребте имеется так называемое озерное плато, на котором на высоте 4100-4200 м находятся сотни мелких и средних по размеру глубоких озер, оставшихся в котловинах после ухода ледников. Широко известное своей красотой озеро Искандеркуль в бассейне Зеравшана так же имеет ледниковое происхождение; оно расположено в лесистой местности среди гор на высоте 2200 м, его площадь составляет около 3,5 кв. км и максимальная глубина – до 72 м. Завальные озера широко распространены в высокогорьях

Центральной и Восточной части Таджикистана. К этому типу относятся также крупные озера Памира – Сарезское и Яшилькуль.

В последние годы широкую мировую известность приобрело Сарезское озеро, образовавшееся в узкой горной котловине после грандиозного обвала, вызванного девятибалльным землетрясением в долине р.Мургаб в феврале 1911 года. В октябре 1997 г. в г.Душанбе прошла международная конференция по проблемам Сареза с участием ученых из стран ближнего и дальнего зарубежья, на которой было признано, что по масштабам возможных последствий катастрофическое опорожнение озера можно отнести к экологическим проблемам мирового сообщества. Наиболее перспективны предложения по использованию Сарезского озера как рекреационной зоны, т.е. зоны для отдыха, туризма, охоты. Но прежде всего должна быть решена проблема безопасности озера, а эта задача и экономически, и технически крайне сложная и без помощи других государств Центральной Азии практически неразрешима.

Генеральным направлением использования водных ресурсов Таджикистана до 90-х годов была гидроэнергетика и прежде всего использование колоссальных гидроресурсов.

Общие потенциальные гидроресурсы республики оцениваются в 527 млрд. кВт.ч., а в удельном отношении это 2100 тыс. кВт. ч. на 1 кв. км. территории.

Наиболее крупным гидроэнергетическим объектом Таджикистана является Нурекская ГЭС на р.Вахш установленной мощностью 2,7 млн. кВт. Ранее, в 60-80-х годах, перспективными планами предполагалось сооружение на р.Вахш каскада из восьми ГЭС общей установленной мощностью 8 млн. кВт., а на р. Пяндж от г.Хорога до устья каскада также из восьми ГЭС общей установленной мощности 16,6 млн. кВт. Всего же предполагалось довести суммарную мощность каскадов крупных ГЭС комплексного энергоиригационного назначения до 550-600 млн. кВт.

Водоохранилища сыграли огромную роль в жизни человеческого общества. Первые водоохранилища были созданы еще 4 тыс. лет назад для орошения земель в Египте, Месопотамии и Китае. Два-три количества больших плотин приходится на развивающиеся страны, где более 50% построено исключительно для орошения. В Китае построено более 22 тыс. больших плотин, что составляет 45% таких плотин в мире. В США их 6575 (14%), в Индии – 4291

(9%), в Японии – 2675 (6%), в Испании – 1196 (3%), в Канаде – 793 (2%), в Южной Корее – 765 (2%), в Турции – 625 (1%), в Бразилии – 594 (1%), во Франции – 569 (1%).

Водохранилища по праву можно назвать символом XX века. За прошлое столетие число водохранилищ объемом, превышающим 100 млн. м³, увеличилось - в 74 раза, а суммарный объем вырос в 459 раз [1].

В условиях Таджикистана рациональное использование водохранилищ позволит повысить окупаемость затрат и обеспечить социально-экономические требования времени. Суммарный полный объем 11-ти действующих водохранилищ республики в настоящее время составляет 15,68 куб. км, полезный - 7,605 куб. км, а общая площадь зеркала водохранилищ равна 706,7 кв.км.

В период интенсивного ирригационного полива действующие водохранилища работают по ирригационному режиму, регулируя естественный гидрологический режим рек.

Главным недостатком в процессе эксплуатации водохранилищ нашей республики является интенсивное заиление чаш водохранилищ, превышающее и опережающее проектные объемы и сроки в 2-3 раза, что объясняется повышенной мутностью рек, большим количеством в потоке движущейся воды взвешенных частиц и т.д.

Теперь хочу обратить внимание на проблему использования водных ресурсов в Центральной Азии.

С распадом Советского Союза и образованием на территории Центральной Азии независимых государств проблемы вододеления перешли из разряда внутригосударственных и межхозяйственных в разряд межгосударственных экономических и политических. К этому следует добавить, что демографический рост, увеличивающееся антропогенное давление на природную среду, активизация процессов опустынивания, потепление климата и общая аридизация региона придают особую актуальность проблеме справедливого перераспределения водных ресурсов как ценнейшего экономического сырья.

По мнению специалистов, в результате изменения климата водные ресурсы северной равнинной части Центральной Азии в первой половине XXI века будут уменьшаться до 2030 года от 6% до 10%, а до 2050 года – 4-8%. В горных районах сток до 2030 года будет изменяться в пределах естественной изменчивости, а к 2050

году возможно сокращение стока до 7-17% [4]. В дальнейшем, по мере сокращения запасов воды в ледниках и увеличения потерь на освободившихся ото льда поверхностях речных бассейнов, поступление воды в реку за счет деградации горного оледенения будет сокращаться. В результате практически полной деградации горного оледенения, ожидаемого в последние десятилетия XXI века, водные ресурсы горных районов сократятся на 10-12% [4].

Хотя еще во второй половине XX века некоторые ученые били тревогу по поводу деградации ледников в горных регионах Центральной Азии, тогда главное внимание было сосредоточено на освоении новых земель. При распределении водных ресурсов между республиками была учтена, в основном, специализация каждого региона в условиях плановой системы хозяйствования.

Несмотря на то, что Таджикистан богат водой, ее потребление здесь сравнительно скромно: из всего стока, формируемого в стране, потребляется только 18%, или всего 11,3% объема стока вод бассейна Аральского моря. Из этого объема более 83% приходится на орошаемое земледелие, на нужды промышленности – лишь 4,5%, на хозяйственно-питьевое водоснабжение – 3,5%, на другие нужды – 8,2% [3].

Как уже отмечалось, Таджикистан расположен на территории двух крупнейших речных систем Центральной Азии: Сырдарьи и Амударьи. Север республики занимает часть р. Сырдарьи площадью 13,4 тыс. км кв. Вся остальная территория республики (129,7 тыс. кв. км) расположена в бассейне р. Амударья и, за исключением южных регионов бессточных областей Восточного Памира, является основной стокообразующей зоной р. Амударья. Часть речного стока поступает на территорию Таджикистана из сопредельных государств.

На сопредельной с Таджикистаном территории Афганистана только р. Кокча со среднегодовым объемом стока 6,6 км³/год (из которых значительная часть забирается на орошение и хозяйственно-питьевые нужды) доходит до р. Пяндж. Другие водотоки малы и разбираются, не достигая р. Пяндж. По различным оценкам, суммарный сток левобережных притоков р. Пяндж составляет всего 15% общего стока этой реки, что связано с крайне малыми атмосферными осадками на левобережной части бассейна и слабой развитостью гидрографической сети. Сток рек Зеравшан, Кафирниган,

Каратаг - Ширкент в бассейне реки Сурхандарья, Вахш без стока р. Кызылсу и правобережные притоки р. Пяндж полностью формируются на территории Таджикистана.

Здесь необходимо указать, что, несмотря на очень высокие показатели (1-ое место в регионе и 2-ое место в СНГ после России), Таджикистан испытывает достаточно серьезные проблемы с водобеспеченностью, связанные с крайне неравномерным распределением речного стока как по территории, так и по сезонам года. Наиболее острый дефицит воды приходится на северные и южные районы республики, где сосредоточены основные орошаемые площади и основной объем сельскохозяйственного производства. Положение усугубляется тем, что иногда достаточно богатые запасы подземных вод здесь имеют ограниченное использование вследствие загрязненности, повышенной минерализации и непригодности для орошения и хозяйственно-питьевого использования. Но если в Таджикистане (и Кыргызстане) проблемы накопления и транспортирования стока в районы с дефицитом водных ресурсов ограничиваются только техническими и экономическими трудностями, то в государствах нижнего течения Сырдарьи и Амударьи дефицит воды связан с нехваткой собственных водных ресурсов. В период единой государственной планово-экономической системы вопрос распределения водных ресурсов между республиками региона был решен Протоколами Минводхоза СССР по принципу «выделения лимитов водозабора» из ствола рек в определенном количестве от общего объема речного стока, при этом предпочтение отдавалось основным производителям хлопка. В итоге Таджикистан и Кыргызстан «получили» лишь по 25% от объема собственного стока, а Казахстан, Узбекистан, и Туркменистан, соответственно, в 3,5; 5; и 12 раз больше, чем объем их собственных водных ресурсов.

Такое вододеление сдерживало ввод новых орошаемых площадей и развитие сельского хозяйства в Таджикистане и Кыргызстане, но это компенсировалось различными поставками и союзным строительством крупных каскадов гидроузлов на рр. Вахш и Нарын.

Но после распада Советского Союза, когда все государства региона обрели независимость и в своих конституционных актах закрепили право на монопольное владение собственными природными ресурсами, а водные ресурсы приобрели статус ценнейшего экономического товара в аридных условиях Центральной Азии,

устаревшая политически и экономически схема лимитирования вододеления продолжает действовать, но уже, конечно, без участия в затратах, связанных с формированием водных ресурсов. Все затраты, связанные с охраной ландшафта водосборов, предотвращением оврагообразования, укреплением берегов рек, стихийными бедствиями, связанными с водой, эксплуатационными затратами по сезонному, месячному и оперативному регулированию стока Кайракумским и Нурекским водохранилищами и многими другими, осуществляются странами зоны формирования стока самостоятельно.

Правда, между Казахстаном, Кыргызстаном, Таджикистаном и Узбекистаном заключено рамочное соглашение о совместном использовании водно-энергетических ресурсов бассейна реки Сырдарья (1998), которое должно было регулировать обмен энергоносителями в осенне-зимний и весенне-летний сезоны и компенсационные мероприятия. Однако это соглашение почти не работает.

Рычаги, благодаря которым удастся сохранять несправедливую систему вододеления, достаточно известны. Государства, испытывающие острый дефицит водных ресурсов, но имеющие богатые запасы нефти и газа, используя дефицит углеводородных энергоносителей в Таджикистане и Кыргызстане и применяя различные приемы политического и экономического воздействия, вынуждают их осуществлять использование собственных водных ресурсов в режимах, благоприятных для ирригационных потребностей своих нижерасположенных соседей в ущерб собственным же экономическим интересам.

Еще в 60-е годы прошлого столетия был определен громадный гидроэнергетический потенциал Таджикистана – 527 млрд. кВт час, из которых не менее 300 млрд. кВт час являются экономически высокоэффективными для освоения. В настоящее время фактически используется только 3% этого потенциала. Ряд технико-экономических обоснований и проектных предложений, выполненных в 70-80-е годы показал, что даже частичное освоение гидроэнергетического потенциала республики путем строительства комплекса крупных гидроузлов на реках Пяндж, Вахш, Кафирниган и Зеравшан позволит обеспечить дешевой электроэнергией не только собственные потребности, но и потребности всего Центральноазиатского региона и стать главной бюджетоформирующей отраслью экономики.

Анализ проблемы энергообеспечения Таджикистана показывает, что весомой альтернативы гидроэнергетике в республике нет. Месторождения нефти и газа здесь, в основном, маломощны и разбросаны, а относительно крупные запасы требуют глубокого бурения и пока технически и экономически недоступны. С другой стороны, углеводородное сырье не является возобновляемым видом источника энергии. Малая гидроэнергетика и солнечная энергия могут и должны широко использоваться на бытовом уровне, но основу энергообеспечения Таджикистана могут создать только электростанции, создаваемые на крупных водохранилищах. Кроме выработки больших объемов электроэнергии, такими водохранилищами осуществляются регулирование стока в ирригационных или других целях, а также защита нижележащих территорий от катастрофических наводнений, селевых потоков.

Сегодня водная проблема может являться главным тормозом на пути к урегулированию многочисленных региональных, внутренних и локальных конфликтов, став неразрешимой и перманентной для вовлеченных в них сторон. Можно выделить несколько групп регионов мира, где потенциал возникновения водных конфликтов особенно высок.

Первая группа – страны Ближнего Востока. Это Сирия и Ирак, зависящие от Турции, контролирующей водозабор рек Тигр и Евфрат практически при отсутствии адекватной договорной базы, а также Иордания, Ливан, Палестинская автономия и Израиль, где реки Иордан и Ярмук по-прежнему остаются источниками противоречий.

Вторая группа – страны Африки, где основные узлы противоречий находятся вокруг озера Ньяса (Танзания, Малави), озера Виктория (Кения, Танзания), реки Нил (11 государств), реки Окаванго (Намибия, Ботсвана).

Третья группа – пять центральноазиатских государств (Таджикистан, Киргизия, Туркменистан, Узбекистан, Казахстан), поделенных на страны верховья рек Амударья и Сырдарья, обеспеченные водой (Таджикистан, Киргизия), и низовья (Туркменистан, Узбекистан, Казахстан), испытывающие водный дефицит [2].

В настоящее время в мире насчитывается 263 международных (трансграничных) речных бассейнов, занимающих по совокупной площади своих бассейнов 45,3% суши Земного шара (без Антарк-

тиды). Из них 71 находится в Европе, 53 – в Азии, 39 – в Северной и Центральной Америке, 38 – в Южной Америке и 60 – в Африке.

Одной из важных задач решения экологической и продовольственной безопасности в регионе является строительство крупных гидроэлектростанций.

Строительство крупных ГЭС с водохранилищами, с одной стороны, означает умножение реального энергетического потенциала региона, который отличается своей высокой экономической, социальной и экологической эффективностью, а с другой стороны повышает уровень регулируемости сугубо с точки зрения безопасности и во избежание природных стихийных бедствий, следовательно, и управляемости водных ресурсов в бассейнах рек.

Освоение неиспользованных энергоресурсов реки Вахш и начало строительства каскада Пянджских ГЭС могут стать качественно новым этапом взаимовыгодного сотрудничества Российской Федерации, Таджикистана и других стран Центральной Азии в сфере энергетики.

К сожалению, в настоящее время к понятию регулирования стока воды в нашем регионе подходят односторонне. Ведь регулирование стока означает и осуществление мероприятий по эффективному использованию воды в земельных массивах по всей протяженности речных бассейнов. В странах низовья имеет место перерасход воды в огромных размерах. В одном лишь Узбекистане каждый год имеет место перерасход поливной воды в объеме 7-8 км³ воды.

Строительство крупных ГЭС и водохранилищ в регионе, наоборот, устраняют явление дефицита воды в низовьях при условии бережного использования там поливной воды. А при возведении Рогунской ГЭС и водохранилища ежегодно из стока реки Вахш забирается всего 5% воды в течение всего срока заполнения водохранилища.

Нет никакого сомнения, что все страны Центральной и Южной Азии глубоко заинтересованы в более полном использовании энергетического потенциала для обеспечения потребности миллионов людей этих регионов.

Но причин противодействия некоторых стран кроется в том, что они рассматривают Таджикистан в качестве серьезного конкурента на рынке электроэнергии в Южной Азии.

В будущем, на наш взгляд, страны Центральной Азии вместе с Россией на основе интеграции могли бы решить водно-энергетическую проблему региона, и использование гидроэнергии приведет к заметному сокращению использования энергоносителей, уменьшая объемы выбросов вредных веществ в окружающую среду.

Литература

1. Международная практика сотрудничества и проблемы развития гидронергетики. – Алматы, 2011.
2. Нестерова И.Е. Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития. –СПб., 2013.
3. Салимов Т.О. Таджикистан – страна истоков вод. – Душанбе, 2013.
4. Ясинский В.А. и др. Водные ресурсы трансграничных рек в региональном сотрудничестве стран Центральной Азии. – Алматы, 2010.

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ РЕКРУТИРОВАНИЯ И ФИНАНСИРОВАНИЯ РЕЛИГИОЗНЫХ ЭКСТРЕМИСТСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ НА ПРОСТРАНСТВЕ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: СОВРЕМЕННЫЕ РЕАЛИИ

Рахмонов А.С.

**Кандидат исторических наук,
доцент кафедры международных отношений и дипломатии
Российско-Таджикский (Славянский) университет**

Рахмонов Б.Ш.

Независимый эксперт

В последние годы, несмотря на определенные проблемы и трудности в социально-экономическом развитии страны, население Республики Таджикистан неуклонно начало увеличиваться. Так, по последним данным, население Таджикистана достигло уровня 8,5 млн. человек. Средний возраст населения республики составляет 24 года. Возможно, это один из самых больших показателей среднего молодого возраста не только в государствах Центральной Азии, но и в мире. В этой связи Президент страны, Лидер нации, основоположник национального согласия и мира Эмомали Рахмон отметил, что «большинство населения Таджикистана составляет молодежь, которая является продолжателем дела старшего поколения, созидательной силой и реальным двигателем общества, в целом, будущем нации и государства». Поэтому «вопросы укрепления моральных основ общества, формирования творческого и созидательного мышления народа, почитания ценностей национальной и общечеловеческой культуры занимают главное место в политике государства...» [3, с.17].

Президент страны предложил, «с учетом вклада молодежи в развитие общества и её активного участия в политической и экономической жизни страны 2017 год объявить в Республике Таджикистан Годом молодежи» [3, с.18].

В Послании Президента красной нитью были также выделены некоторые аспекты негативных тенденций и реалий, недостатков в молодёжной политике. «Молодежь должна быть активнее всех слов общества, предлагать созидательные инициативы, защищать государственные символы, национальные святыни и завоевания независимости, искренне и созидательной силой участвовать в социально-политической жизни дорогого Таджикистана, защищать безопасность государства, патриотическую славу и честь, беречь себя от всех нежелательных угроз и вызовов современного мира, быть знаменосцем этой земли, нашей священной страны» [3, с.18].

Президент страны Эмомали Рахмон указал на три современные угрозы и проблемы, влияющие на безопасность и стабильность нашей независимой, суверенной страны: 1. «В последние годы терроризм и экстремизм превратились в глобальную угрозу и беспокоят современный мир. Рост преступлений, имеющих экстремистский и террористический характер, способствует расширению международного терроризма, активизации радикальных элементов, привлечению молодежи в ряды экстремистских и террористических организаций и их участию в вооруженных конфликтах зарубежных государств» [3, с.21].

2. «Другая проблема, мешающая стабильному социально-экономическому развитию страны и беспокоящая граждан, – это совершение коррупционных поступков. В текущем году Агентством по государственному финансовому контролю и борьбе с коррупцией был проведен социологический опрос относительно оценки коррупционной ситуации. Согласно этому опросу коррупция больше всего наблюдается на уровне управленческих структур и органов, низкое правовое знание граждан и желание ими быстрее решать свои проблемы оценены как причина совершения коррупционных действий. Уровень коррупции высок в деятельности правоохранительных органов, судов, сфер землеустройства и здравоохранения, по делам религии, упорядочения традиций, торжеств и национальных обрядов, регистрации актов гражданского состояния и военных комиссариатов» [3, с.22].

3. «Незаконный оборот наркотических средств, по мнению Президента, – «является одним из основных источников финансирования международного терроризма» [3, с.23].

Постараемся в тезисной форме рассмотреть и проанализировать лишь некоторые указанные проблемы и угрозы в современных реалиях Таджикистана и Центральной Азии.

Следует согласиться, что терроризм и экстремизм своим крылом начинают задевать географическое и геополитическое пространство Центральной Азии и Республику Таджикистан. По меткому выражению нашего Президента, мы находимся на переднем крае борьбы с международным терроризмом и на южном фланге обеспечения безопасности стран СНГ и ОДКБ. Только в последние годы на пространстве ЦА и Таджикистана начали действовать такие организации, как «Лашкар-и-Тайба», «Таблиги Джамаат», «Свободный Таджикистан», «Исламская группа (Джамият-е-Ислам-и-Пакистан)», «Созмони Таблигот», «Джундуллах», («Воины Аллаха»), «Джаамат Ансаруллах», "Джунд-уль-Халифат", "Ансоруллох", "Жайшуль Махди" и др.

Главным вопросом для нас является каким образом, какими методами и где происходит рекрутирование-вербовка молодёжи в различные радикальные организации и их финансирование.

Проблема рекрутирования в ряды молодёжи является проблемой номер один во всех государствах Центральной Азии. Как мы отмечали в предыдущих своих исследованиях по вербовке молодёжи в ряды ИГИЛ (ДАИШ), имеются внутренние и внешние факторы, влияющие на общую систему рекрутирования молодёжи в ряды радикальных организаций.

1. Этапы вербовки молодёжи в ряды исламских организаций и партий в Таджикистане восходят к 70-м гг. XX века. Примерно к середине 70-х гг. группа молодёжи в Таджикистане создала общество приверженцев ислама, которая затем в 90-е гг. приобрела структурную модификацию и форму исламской партии возрождения Таджикистана. Под влиянием гласности, общей политики перестройки, бурной демократизации страны в Таджикистане получили развитие местнические культурно-образовательные и национально-культурные движения и диаспоры, которые начали влиять на общую общественно-политическую систему Таджикистана. Некоторые организации и движения, в частности «Растохез», организация «Лаъли Бадахшан» и ПИВТ включились в общее противостояние и борьбу с Правительством, в результате которого республика была втянута в пучину братоубийственной гражданской войны.

2. После выхода Советских вооруженных сил из Афганистана 15 февраля 1989 г. ровно через год, в начале 90-х гг. в Таджикистане в руках отдельных представителей религиозного духовенства уже имелись программные и уставные документы о создании нового Исламского общества Таджикистана, Исламской партии Таджикистана по типу исламских партий в Афганистане. Отдельные эмиссары из Афганистана и Пакистана, а также из Ирана начали обрабатывать общественно-политическое поле, молодёжь и представителей интеллигенции Таджикистана, проводить большую профилактическую и агитационно-пропагандистскую работу по созданию исламских обществ и организаций в стране. В связи с возможной эскалацией выступлений так называемого демократического движения народа против Правительства и Коммунистической партии Таджикистана многие не обратили внимание на эту тенденцию радикализации общественного поля, нарастания диверсионно-подрывной деятельности среди молодёжи. Уже в начале февраля 1990 г., весь период 1991 г., а затем 1992 г. в центре Душанбе происходило скопление большого количества молодёжи, во главе которой стояли так называемые правоверные мусульмане, входившие в вышеуказанные организации и требовавшие кардинальных демократических преобразований и реформ. Партия Исламского возрождения Таджикистана стояла за демократическими организациями и движениями, местными национально-культурными центрами. В эти годы информационное пространство и общественно-политическое поле находилось под влиянием ваххабитского мазхаба и течения, который внёс раздор, хаос, недопонимание среди духовенства. Большим достижением их было внесение серьёзного религиозного раскола в среду духовенства, Казиата, служителей мечетей в различных регионах страны. Финансирование ваххабитов осуществлялось ведущими арабскими странами, неправительственными исламскими организациями, фондами, частными лицами. За небольшой промежуток времени, по сообщениям отдельных их руководителей, им удалось собрать 20 000 молодых людей (ещё не вооруженных), которые маршем проходили по площади «Шахидон» перед Президентским дворцом в Душанбе. Головы марширующих молодых граждан были обвязаны ленточками с надписью «Фидоиён». В мае 1992 г. после пролития крови стало ясно, что республика

скатывается к масштабному гражданскому противостоянию с использованием вооружения и стрелкового оружия.

3. Период 1992 по 1997 гг. был периодом братоубийственной войны, противостоянием Объединенной таджикской оппозиции (ОТО) проправительственным силам. Основу ОТО и её ударную силу представляла ПИВТ. Руководство ПИВТ сконцентрировано обосновалось за пределами страны, в трёх исламских государствах – в Афганистане, в Иране и Пакистане – с целью проведения целенаправленной борьбы с избранным новым Правительством и Парламентом Таджикистана. Однозначно, что в этих отдельных странах, в частности в Пакистане и Афганистане, находились не только источники финансирования таджикской оппозиции, но и базы подготовки незаконных вооруженных формирований. К сведению, отдельные формирования ОТО уже начали воевать не только на стороне Северного альянса, но и на стороне движения «Талибан». Следует подчеркнуть, что в эти годы ещё не функционировали радикальные организации, хотя в Узбекистане в противостояние с Правительством Узбекистана включилось Исламское движение Узбекистана, которое после своего относительного разгрома перебралось в предгорные районы восточной части Таджикистана и северную часть Афганистана.

4. После подписания Соглашения о мире и национальном соглашении в Таджикистане незаметно на общественно-политическом поле Центральной Азии, в частности в Узбекистане, Кыргызстане, Южной части Казахстана и в Таджикистане, появились ячейки Хизб-ут-Тахрир, распространявшие религиозную литературу, уставные и программные документы этой тогда ещё не признанной радикальной организации. Но впоследствии, по заключению многих экспертов, она была признана экстремистской организацией, так как в её программных и информационно-идеологических материалах, книгах говорилось об установлении Халифата, шариатского правления и борьбе с нынешними светскими государствами и президентскими формами правления. В эти годы первоначальное финансирование религиозных организаций осуществлялось определенными неправительственными исламскими центрами, а также Центром Хизб-ут-Тахрир, штаб-квартира которой находилась в одной из ведущих западных стран.

5. Конец 90-х гг. и начало XXI века ознаменовались созданием и организацией новых радикальных экстремистских организаций. Уже к 2006 году в Таджикистане были образованы и нелегально действовали более 10 организаций радикального толка. Если посмотреть на развивающиеся тенденции в Республике Таджикистан и государствах Центральной Азии, то можно увидеть расширение и активизацию деятельности радикальных организаций, чего 25 лет тому назад, то есть до обретения национальной независимости республиками ЦА, не наблюдалось. Посмотрим на данные силовых структур РТ, которые были опубликованы в средствах массовой информации за последние 5-6 лет. С 2006 г. под запретом Верховного суда Таджикистана находятся «Аль-Каида», «Исламское движение Восточного Туркестана», «Исламское движение Туркестана» (ИДУ), «Талибан», «Братья-мусульмане», «Гашкилоти Лашкар Тайба», «Исламское общество Пакистана», «Джамоати Таблиг», религиозно-миссионерская организация «Созмони Таблигот», «Тоҷикистони Озод», «Хизб-ут-Тахрир» [2]. В декабре 2009 г. на юге Таджикистана различные сроки наказания получили 36 членов «Джамоати Таблиг». В марте 2010 г. на скамье подсудимых оказались ещё 56 сторонников этой организации, из которых 23 были осуждены на сроки от 3 до 6 лет, на остальных были наложены штрафы.

Деятельность данной экстремистской организации запрещена на территории Таджикистана с марта 2006 г. По мнению властей, её деятельность прямо или косвенно направлена на свержение конституционного строя в стране. Движение «Джамоати Таблиг» было основано в Индии в 20-х гг. прошлого века. В странах Центральной Азии организация начала разворачивать свою деятельность в начале 1990-х гг. [2]. В 2006 г. на законодательном уровне 10 организаций признаны террористическими, и их деятельность на территории республики запрещена. Среди них «Аль-Каида», ИДТ, «Братья-мусульмане», «Лашкар-и-Тайба», «Талибан», «Организация освобождения Восточного Туркестана», «Таблиги Джамаат», «Свободный Таджикистан», «Исламская группа (Джамият-е-Ислам-и-Пакистан)» и «Созмони Таблигот». Уже в 2007 г. так же была запрещена миссионерская деятельность «Свидетелей Иеговы», а в 2008 г. в судебном порядке на 3 месяца приостановлена деятельность немецкой благотворительной организации «ORA

International», которая, вопреки уставу, занималась миссионерской деятельностью [5].

6. Начиная с 2010 г. по настоящее время в Таджикистане начали действовать ячейки радикальных организаций, центры финансирования и центры управления которых находились в странах Среднего и Ближнего Востока. На сегодняшний день в Республике Таджикистан запрещены решением Верховного суда РТ более 20 организаций экстремистского и радикального толка.

По информации корреспондента Дойче-велле, который брал информацию в силовых структурах РТ за последние три года в Таджикистане по данным властей, была пресечена деятельность более 200 активистов радикальных исламских организаций. Однако, как отмечают эксперты, карательными мерами ликвидировать исламское подполье в стране едва ли удастся. В июле 2013 г. стало известно о появлении в Таджикистане последователей пакистанской военизированной группировки «Джундуллах» («Воины Аллаха»). Трех активистов этого движения задержали летом во время спецоперации в Согдийской области. Как выяснилось в ходе следствия, они, находясь в России, сначала вступили в Исламское движение Узбекистана (ИДУ), а затем перешли в «Джундуллах».

Сама эта экстремистская организация известна по терактам в иранском Захедане в 2010 г. и нападению на десятирех альпинистов, включая пятерых граждан Украины, в пакистанской провинции Гилгит 26 июня 2013 г. [1]. Наряду с активистами «Джундуллах», в Согдийской области сотрудниками МВД с начала года арестовано 16 членов экстремистской организации «Джаамат Ансаруллах». Представители правоохранительных органов сообщили, что на месте задержания ими было изъято огнестрельное оружие, большое количество мобильных телефонов с SIM-картами, ноутбук с инструкциями по изготовлению взрывчатых веществ и рекомендациями для подготовки террористических актов. Следствие установило, что задержанные прошли подготовку в лагерях боевиков в Северном Вазиристане.

Ранее в 2014 г. правоохранительными органами Таджикистана были задержаны еще 14 человек, подозреваемых в причастности к «Джамаат Ансаруллох», которая, по некоторым данным, является ячейкой международной террористической организации «Аль-Каида» [1]. Подчеркну, что в конце 80-х годов на всём простран-

стве СССР нелегально действовали не более 2-3 организаций. В Таджикистане была лишь одна организация, так же как и в Узбекистане, Киргизии. За небольшой промежуток времени в ЦА, РФ, в пространстве государств-членов ОДКБ число нелегально действующих радикальных организаций увеличилось до 50: в Казахстане – 17, в Узбекистане – более 20, в Кыргызстане – 16, в Таджикистане – 18 [5].

Только в 2013-2014 гг. в Таджикистане были пойманы представители 3-4 новых организаций. Изменение происходит в их численном и количественном составе. Если раньше организации группировались в количестве 10-15 человек в ячейках, а затем до 5 человек (панджа), то сейчас первичная ячейка насчитывает 2-4 человека. Вербовку своих сподвижников осуществляют не более 1-2 человека представителей радикальных организаций через использование современных информационных технологий, интернет-сайтов. В 2015-2016 гг. радикальные организации начали постепенно налаживать связи с филиалами и информационными центрами и пропагандистскими сайтами ИГИЛ (ДШИШ) и по их указанию начали проводить первые акции подготовки террора и вывешивания чёрного флага ИГИЛ в отдельных районах и городах Таджикистана. В результате оперативного вмешательства правоохранительных структур и спецслужб удалось найти и привлечь к уголовной ответственности исполнителей этих акций. В рядах молодых граждан Таджикистана оказались отдельные руководители местных ячеек ПИВТ и их члены.

При этом необходимо подчеркнуть, что до недавнего времени главным пропагандистским лозунгом этих организаций является поддержка джихада и большое вознаграждение за участие в боевых действиях и проведение террористических атак. Большинство (80%-85%) привлеченных для участия в войне в Сирии были обмануты. В 2014-2015 гг. через интернет-сайты радикальные организации и их блогеры начали проводить сетевую кампанию по поддержке действий ИГИЛ и проведению агитационно-пропагандистской и информационно-психологической обработки населения и общественности стран Центральной Азии, в частности молодёжи, убеждая в правоте своих действий и призывая к решительным акциям в своих странах. К рекрутированию молодёжи для подобного туризма и выезда за границу активно используются но-

вые информационные технологии, социальные сети интернета. На постоянной основе компетентными органами ведётся мониторинг и учёт вопроса временного пребывания наших жителей в государствах с нестабильной военно-политической обстановкой. По разным данным, до 500 граждан Таджикистана воюют в составе вооружённых групп в ИГИЛ. Из числа таковых 53 человека возвращены и арестованы, 3 добровольно вернулись и освобождены от уголовного преследования. По сообщению пресс-службы МВД РТ, более 300 человек – граждан Таджикистана были убиты в Сирии и Ираке. По нынешним данным, в рядах ИГИЛ воевали до 1100 человек-граждан Таджикистана, из которых более 150 человек возвращены на Родину [5].

Рекрутирование-вербовка в ряды радикальных организаций зачастую происходит в мечетях, на рынках, в студенческой среде, в мигрантской среде, во время зарубежных поездок в страны Востока, среди обучающихся по программам в учебных исламских заведениях не по государственной квоте, в тюрьмах, в районах и махаллах, где влияние радикального ислама велико, через телефоны, имеющие выход в интернет, а также через различные сети и сайты в интернете.

На наш взгляд, источником финансирования этих и подобных им намерений служит всё тот же наркобизнес, причём в форме незаконного оборота и контрабанды наркотиков в особо крупных размерах. Только в 2014 г. из незаконного оборота наркотиков были изъяты более 6 тысяч 200 кг, в том числе 507 кг.героина, 990 кг гашиша, более 4 тысяч 700 кг наркотиков каннабисной группы» [6]. Объёмы изъятых наркотических веществ за прошедшие годы в РТ достигли более 80 тонн, что свидетельствует о масштабах переброски наркотического дурмана международными наркосиндикатами только по одному из маршрутов Северного потока для оболванивания и духовной деградации молодёжи, внесения серьёзных негативных изменений и опасных тенденций в экономическую систему и внутреннюю политику России, государств ЦАР, СНГ и европейских стран. По последним данным, за прошедшие годы правоохранными структурами Таджикистана задержано около 115 тонн наркотического зелья [7].

Если комплексно анализировать проблему финансирования политического ислама, радикальных организаций, течений и движе-

ний, отдельных их обособленных групп, то следует подчеркнуть, что не случайно мнения различных экспертов указывают на наличие единого зарубежного сценария и внешних финансовых источников продвижения процесса исламизации и создания многоуровневой центральноазиатской исламской инфраструктуры. В частности, отмечается, что в начале 90-х гг. "при финансовой и организационной поддержке из-за рубежа началось массовое строительство мечетей, создание религиозных учебных заведений, было поставлено на поток направление верующих на учебу в теологические вузы исламских стран, стала нормой жизни агитационно-пропагандистская деятельность различных исламских проповедников-эmissаров, получило повсеместное распространение возникновение нелегальных религиозных школ, появление новых радикальных исламских течений, не свойственных для региона, во главе которых стояли выпускники зарубежных медресе или лица, связанные с лидерами международных радикальных исламских организаций. В свете последних событий в Республике Таджикистан, стало известно о причастности политических партий, таких как Партия исламского возрождения Таджикистана (ПИВТ), подконтрольных спецслужбам зарубежных государств, к радикализации населения и вовлечению молодежи в террористические группировки [7, с.1].

Примером подобного внешнего "реформирования" религиозной сферы в Центральной Азии стало появление из-за рубежа не свойственных и чуждых для названного региона разнообразных религиозно-экстремистских и террористических организаций ("Таблиги Джамоат", "Джунд-уль-Халифат", «Джунд-Оллох», "Ансуроллох", "Жайшуль Махди", "Хизб-ут-тахрир", ИДУ, а также группировки "ИГИЛ") [7, с.2].

Разумеется, все это требовало крупных финансовых вложений. И денежные потоки в беспокойные 90-е гг. перехода к рыночной экономике поступали практически беспрепятственно, по различным каналам и в щедрых объемах. Однако с тех пор многое изменилось и в самих центральноазиатских странах, укрепивших и модернизовавших за это время государственные механизмы контроля и управления, и в планах иностранных спонсоров, ныне более прагматично относящихся к вопросам финансирования своей разросшейся экстремистской паствы, и в положении функционирующих в регионе религиозно-экстремистских и террористических ор-

ганизаций, активно включившихся в процесс товарно-денежных отношений.

В настоящее время государства Центральной Азии столкнулись с проблемой расширяющегося применения исламскими радикалами новых схем финансовых взаимоотношений со своими зарубежными спонсорами, основанных на принципах самоокупаемости и формальной законности. Суть этих схем составляет использование экстремистскими структурами юридических лиц и законной предпринимательской деятельности, в т.ч. связанной с торговыми операциями за рубежом, для финансирования своей подрывной работы.

Если оперировать принятой в ФАТФ трехфазовой моделью описания процесса легализации преступных доходов, то в первой фазе происходит введение "грязных", обычно наличных денег, в легальный хозяйственный оборот; во второй фазе в результате множества операций деньги отделяются от источника их происхождения, теряют следы; и, наконец, в третьей фазе деньги обретают новый – "легальный" источник происхождения.

В центральноазиатских странах отмечается устойчивая тенденция перехода исламистов именно к третьей фазе. Частично это достигается за счет того, что в начальный период рыночных реформ значительные теневые капиталы были ими инвестированы в создаваемые коммерческие структуры и приватизированные государственные предприятия, прибыль от функционирования которых в определенной мере покрывает текущие расходы. Однако сейчас все большее распространение получает практика образования исламистами юридических лиц для полноценного официального ведения хозяйственной деятельности, использование ими предпринимательства как средства получения денег или отмывания преступных доходов. Этому способствует то, что существующие правовые механизмы и правоохранительная практика пока не адаптированы к такой финансовой модернизации терроризма [7, с.3].

Как отмечают эксперты, "в современном мире терроризм все менее нуждается в финансовой помощи извне и все более переходит на самоснабжение. Чтобы "отмывать" криминальные доходы, террористические организации, подобно организованным преступным синдикатам, создают прикрытия в виде вполне легальных рынков, супермаркетов, транспортных и строительных компаний. В результате подобной коммерциализации терроризм приобретает

черты мафии, и борьба "за идею" частично вытесняется борьбой за "длинный доллар". С подобным мафиозным терроризмом бороться труднее, чем с мафией или с обычным терроризмом: он более воинственен и кровожаден, чем традиционная мафия, и более богат, чем терроризм традиционного типа".

К тому же инвестирование в терроризм по-прежнему остается весьма рентабельным делом: с помощью минимальных затрат можно достичь колоссальных результатов. Например, взрыв во Всемирном торговом центре нанес ущерб в размере \$500 000 000 США, в то время как на его организацию террористы затратили всего 20000; взрывы поездов в Мадриде в 2004 г. причинили государству ущерб на сумму более \$269 000 000 США, а на их осуществление у организаторов ушло лишь \$10 000 США. Теракты во Франции в 2015 г., на устранение последствий которых было израсходовано большое количество денежных средства и несоизмеримая цена, это, конечно, человеческие жизни.

Естественно, что в этих условиях, учитывая динамику мировых геополитических процессов, в Центральной Азии актуальность проблемы финансирования терроризма посредством легальных схем с течением времени будет только усиливаться. Уже сейчас в данном регионе выявлен ряд крупных компаний, финансировавших радикальные религиозные течения. К примеру, в Таджикистане официально находившиеся в собственности беглого лидера ПИВТ Мухиддина Кабири промышленные предприятия, строительные фирмы, торговые центры, вещевые рынки и другая недвижимость фактически активно использовались для финансирования разносторонней деятельности исламистов и преступников, таких, как Ходжи Халим (экс-генерал Назарзода Абдухалим), который согласно 30%-ной квоте, был реинтегрирован в ряды государственных структур [7].

Хотелось бы отметить, что своеобразным ноу-хау иностранных спецслужб(на Востоке) стала практика, когда последние через свои фирмы прикрытия вместо денег теперь выдают крупные партии товаров под реализацию. Внешне все это выглядит как обычная торговая сделка, но вот прибыль от нее идет на нужды развития религиозно-экстремистской инфраструктуры и радикализацию населения. А, как известно, большинство товаров в ЦА приходит из Ирана и Турции. Именно здесь кроются идеологические и финансовые

факторы поддержки экстремистских радикальных организаций и расширения числа желающих войти в ряды политического ислама.

В целом, внешнеторговые связи продолжают оставаться важным сегментом предпринимательской деятельности центральноазиатских исламистов, в связи с чем в ходе заграничных поездок их лидеры в обязательном порядке уделяют внимание поддержанию неформальных контактов со своими "друзьями" (а в действительности, зарубежными коммерческими партнерами исламских бизнес-структур) и трепетно заботятся об увеличении объемов товарооборота.

Нельзя сказать, что сформированная нормативно-правовая основа и международные механизмы не позволяют организовать международное сотрудничество по противодействию финансированию терроризма. Приняты и действуют Венская конвенция против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ (1988 г.), европейская Страсбургская конвенция "Об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности" (1990 г.), Шанхайская конвенция по борьбе с терроризмом (2009 г.), а также ряд аналогичных соглашений в рамках СНГ, в которых государства обязались законодательно определять отмывание денег, в т.ч. полученных от торговли наркотиками, как преступление, а также санкционировать конфискацию преступных доходов.

При всем том, методика выявления и расследования преступлений, связанных с финансированием терроризма до сих пор существенно отстает от темпов совершенствования форм и тактики действий радикальных, экстремистских и террористических организаций в данной сфере. Поэтому правоохранительным органам противопоставить что-либо вышеуказанным формально легальным модернизированным схемам финансирования экстремистских и террористических организаций в Центральной Азии пока сложно, поскольку доказать непосредственно факт финансирования крайне проблематично.

Несмотря на это, данная проблема – проблема финансирования – актуальна сейчас как никогда, и откладывать ее решение не имеет смысла, потому что война с мировым терроризмом уже началась.

Таким образом, на современном этапе, по нашему убеждению, во всей системе расширения влияния политического ислама и ра-

дикальных исламских экстремистских и террористических организаций, с учетом их финансирования и рекрутирования новых членов, происходят и могут происходить следующие тенденции на пространстве Республики Таджикистан и государств Центральной Азии.

Во-первых, очень важно, что включение Российской Федерации в активную борьбу против ИГИЛ и радикальных организаций в Сирии внесло определенную лепту и надежду на установление мира и национального согласия в Сирии, прекращение войны в Ближневосточном регионе. Процесс регламентации прекращения огня и начало переговорного процесса между противоборствующими сторонами закладывает хоть маленькую надежду на установление мира в части этого беспокойного региона – Западной Азии.

Во-вторых, успешная борьба России с ИГИЛ, а также проводимая профилактическая работа и предпринятые превентивные меры в государствах Центральной Азии повлияли на спад вербовки и рекрутирования молодёжи в ряды ИГИЛ и других радикальных организаций.

В-третьих, несмотря на тенденцию спада рекрутирования, происходит изменение тактики деятельности радикальных организаций в регионах и странах мира, происходят структурные изменения в их рядах как по специфике вертикального и горизонтального управления, так и по численности, составу, социальной структуре, целевым и тактическим установкам. И это при том, что осуществляется частичная нейтрализация отдельных их руководителей в Афганистане, Пакистане, арабских странах и т.д.

В-четвертых, центры финансирования переходят от больших капиталовложений и финансирования государств Ближнего Востока по линии крупных исламских неправительственных организаций в сторону их финансирования со стороны частных лиц, крупных транснациональных корпораций, трансграничных организованных преступных группировок и трансграничных наркоорганизованных группировок. В государствах Центральной Азии радикальные и экстремистские организации, так же как ТОПГ, пользуются процессом легализации преступных доходов, то есть введением "грязных", обычно наличных, денег в легальный хозяйственный оборот, в результате множества операций деньги отделяются от источника их происхождения, теряют следы и обретают новый "легальный"

источник происхождения. Вместе с тем, крупнейшей подпиткой финансовой основы радикальных организаций остаётся прибыль от незаконного оборота наркотического зелья из Афганистана. В этой связи даже сейчас в передел территорий контроля наркотического транзита активно подключились вооруженные формирования ИГИЛ в Афганистане. В ходе контроля наркопоставки и продажи наркотического зелья из Афганистана в Пакистан и Иран боевики ИГИЛ, контролирующие южные регионы, уже в 2016 г. получили более 1 млрд. долл. прибыли и налоговых отчислений.

В-пятых, происходит "отмывка" криминальных доходов, террористические организации, подобно организованным преступным синдикатам, создают прикрития в виде вполне легальных рынков, супермаркетов, транспортных и строительных компаний.

В-шестых, в отдельных государствах Центральной Азии происходит практика, когда последние через свои фирмы прикрития вместо денег выдают крупные партии товаров под реализацию, прибыль от которой идет на нужды развития религиозно-экстремистской инфраструктуры и радикализацию населения. В основе своей во многих государствах Центральной Азии наблюдается скопление большого количества товаров, которые не всегда находят своего покупателя, но здесь задействовано большое количество людей – приверженцев истинного ислама, ежедневно совершающие пятикратные намазы, двукратные и пятикратные хаджи в Мекку. Именно здесь кроются идеологические и финансовые факторы поддержки радикальных организаций, экстремистских взглядов и расширения числа желающих войти в ряды политического ислама.

В-седьмых, наблюдаются тенденции изменения названий и поиска подходящих новых наименований радикальных организаций, в частности, расширения их структур на пространстве Центральной Азии. Несмотря на спад вербовки новых членов в Республике Таджикистан, на всём пространстве государств Центральной Азии, всё же вербовка их всё ещё происходит с использованием легальных каналов (через туризм, совершение хаджа, обучение в исламских заведениях, в вузах арабских стран, Афганистане, Пакистане, Турции и других странах).

В-восьмых, расширение структуры организаций происходит за счёт крупного финансирования легального бизнеса, торговли, куп-

ли и продажи, открытия частных магазинов, торговых мест на крупных рынках, вкладывания крупных инвестиций в сферу строительства, крупных рынков и торговых помещений, супермаркетов. В целом, как было отмечено выше, внешнеторговые связи продолжают оставаться важным сегментом предпринимательской деятельности центральноазиатских исламистов, в связи с чем в ходе заграничных поездок их лидеры в обязательном порядке уделяют внимание поддержанию неформальных контактов и заботятся об увеличении объемов товарооборота. В отдельных случаях, граждане, обучающиеся за рубежом в исламских учебных заведениях или совершающие хадж, через определенные центры и структуры получают крупные суммы от 15000 долларов и выше для организации торговой точки на крупных оптовых рынках.

В-девятых, происходит определенное взаимодействие всех религиозных экстремистских организаций в Центральной Азии, которые стремятся к обозначению и исполнению единых целевых установок и намерений, хотя единого организационного оформления пока в регионе не существует. Однозначно, что трансорганизованные преступные группировки (ТОПГ), транснациональные преступные группировки по незаконному обороту наркотиков (ТПГНОН), радикальные экстремистские и террористические организации (РЭТО), террористические организации и группы (ТОГ), незаконные вооруженные формирования (НВФ), мафиозные организации и группы радикального толка для решения своих целевых установок могут в перспективе поддерживать единые связи для проведения незаконных действий и участия в дестабилизации ситуации в государствах Центральной Азии.

В-десятых, возгорание конфликтного потенциала в государствах Ближнего и Среднего Востока, прежде всего военные события в их странах, подталкивают руководителей и организаторов радикальных организаций к расширению своих сетей в государствах Центральной Азии [4]. Поэтому большое скопление боевиков, незаконных вооруженных формирований (около 10 000 человек) является подтверждением данного тезиса и факта расширения пространства их деятельности и возможного проведения крупных маневров по периметру афганской границы на Южном фланге СНГ и государств-членов ОДКБ и ШОС.

Важным и определяющим моментом является то, что для целенаправленной деятельности и борьбы с радикальными экстремистскими организациями, движениями и их взглядами необходимо обратить особое и серьёзное внимание на их просветительские, религиозно-пропагандистские функции, на источники их финансирования, накопительные внутренние и внешние факторы их деятельности.

В этой связи государствам Содружества Независимых Государств, государствам-членам ОДКБ, ШОС, так же как и новообразованному Евразийскому экономическому Союзу, необходимо будет предпринять ряд совместных мер кардинального и масштабного характера для прорыва в проведении социально-экономических реформ, развитии экономики, кардинальном развитии сферы образования в направлении использования современных инновационных и передовых технологий, воспитания культуры взаимного уважения, толерантности, дружбы и сотрудничества по обеспечению единой системы коллективной безопасности в ближайшие 5-10 лет [6].

Анализ современных тенденций рекрутирования-вербовки и финансирования религиозных радикальных организаций показывает и подталкивает государства региона продумать вопрос о совместном едином противодействии данному явлению с возможностью развития взаимодействия структур и интеграционных процессов, прогнозирования и предвидения развития событий в Центральной Азии – на южном фланге СНГ.

Литература

1. В Таджикистане задержаны террористы-вербовщики 500 граждан. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.newsasia.ru/view/7546>
2. «Джамоати Таблиг» в Республике Таджикистан. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.newsasia.ru/view/tj/accidents/1150>; Радикальные организации в Таджикистане. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.centrasia.ru
3. Послание Президента Республики Таджикистан, Лидера нации Эмомали Рахмона Маджлиси Оли Республики Таджикистан.

- 22.12.2016. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.president.tj/ru/node/13747>. – С.17.
4. Рахмонов А.С. Влияние радикальных исламских организаций на безопасность Центральной Евразии: современные тенденции. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rtsu.tj/ru/news/4077/>
5. Рахмонов А.С. Евразийский интеграционный процесс и проблема противодействия со стороны радикальных организаций и незаконных вооруженных формирований. – Душанбе: РТСУ, 2014.
6. Рахмонов А.С. Современные тенденции в развитии радикальных экстремистских и террористических организаций в ЦАР и России: основные формы противодействия вовлечению молодёжи в их ряды. [Электронный ресурс] // Формы и методы противодействия распространению идеологии экстремизма и терроризма среди молодёжи. Роль и задачи образовательных организаций: мат. науч.-практ. конф. (г.Москва, 26-27 ноября 2015 г.). – Режим доступа: <http://www.konf.x-pdf.ru/19bezopasnost/212810-1-nauchno-prakticheskaya-konferenciya-formi-metodi-protivodeystviya-rasprostraneniyu-ideologii-ekstremizma-terrorizma-sredi.php>
7. Рахмонов Б.Ш. Финансовая основа терроризма и религиозного радикализма в государствах Центральноазиатском региона. Выдержки из аналитического доклада. – Душанбе, 2016.

НОВЫЕ УГРОЗЫ БЕЗОПАСНОСТИ ПОСТСОВЕТСКИХ ГОСУДАРСТВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В УСЛОВИЯХ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИЦЕНТРИЧНОГО МИРА

Шарипов А.

**Кандидат исторических наук, доцент,
Заведующий кафедрой зарубежного регионоведения
Таджикский национальный университет**

С прекращением деятельности СССР началась новая эпоха в истории независимости центральноазиатских республик. В новых международных реалиях после завершения «холодной войны» существовавшая система отношений в мире стала разрушаться. Появились новые факторы, оказывающие непосредственное влияние на международную политику отдельных стран и регионов. При этом страны Центральной Азии (ЦА) в геополитическом плане оказались, пожалуй, в наиболее сложной ситуации - наименее подготовленными к новому мировому политическому порядку [1, с.3].

Центральная Азия и другие новообразовавшиеся государства бывшего Союза были катапультированы в независимость, с которой связана эволюция национальной и международной безопасности в регионе [2].

Прекращение деятельности советского государства и распад bipolarной системы способствовали возникновению новых типов угроз, которые раньше не принимались во внимание. Впредь характер угроз воспринимается не как вероятное нападение со стороны другого государства, а как реальная угроза последствий глобализации.

Необходимо особо отметить то существенное обстоятельство, что после фактического исчезновения СССР с политической карты мира в высшей степени актуальными стали согласованные действия, конструктивное сотрудничество, поиск взаимоприемлемых компромиссных решений со стороны руководителей союзных республик. Мировой опыт убедительно подтверждает, что в современных условиях ни одна страна не может успешно развиваться в оди-

ночку. Поэтому создание Содружества Независимых Государств (СНГ) в тех условиях было в интересах суверенных государств постсоветского пространства [6, с.82].

Создание региональной системы безопасности исходило из необходимости коллективного противостояния новым угрозам. Как известно, армии государств региона в последнее десятилетие XX века и в начале XXI находились в стадии становления. С учетом этого фактора, только координированные действия между военно-политическими ведомствами стран региона могли содействовать обеспечению безопасности всего региона.

Проблема безопасности в Центральной Азии имеет сложный геополитический, экономический и социальный характер. Ее сложность заключается в многоуровневом влиянии внутренних и внешних факторов на состояние безопасности региона, так как в современном мире наряду с процессом глобализации происходит регионализация международных отношений, что характерно и для стран Центральной Азии. Одной из причин оформления государств Центральной Азии в геополитическую единицу является обеспечение безопасности. Обеспечение национальной безопасности новых независимых государств возможно при построении многоуровневой системы региональной безопасности, что может быть достигнуто посредством их эффективного многостороннего сотрудничества. Государства, образующие центральноазиатское сотрудничество являются участниками региональных и международных организаций, составляющих как региональные, так и всемирные системы безопасности.

В последние годы достаточно четко определилась иерархия вызовов безопасности в Центральной Азии. Их можно условно разделить на две группы. В первую входят те угрозы и вызовы, которые имеют не столько внутрорегиональную, сколько внешнюю природу.

Если классифицировать внешние факторы угрозы безопасности региона, то можно прийти к следующим выводам:

1) Геополитическое положение Центральноазиатского региона. Страны региона оказались в окружении таких зон политической нестабильности и конфликтов, как Закавказье, Кавказ, Синьцзян-Уйгурский автономный район Китая, Афганистан, Средний и Ближний Восток.

2) Разразившийся кризис содержит в себе угрозу еще большей фрагментации Афганистана, что влечет за собой расширение условий для использования афганской территории в широком спектре формирования угроз безопасности – от роста наркопроизводства и наркотрафика до увеличения пространств, контролируемых неафганскими террористическими формированиями.

ИГИЛ продолжает оставаться наиболее артикулируемой из угроз безопасности в Афганистане с проекциями на Среднюю Азию и Афганистан. Определенный информационный ажиотаж вызвало сообщение о якобы заключенном между ячейками ИГ в Афганистане и «Талибаном» соглашении о перемирии, трансформировавшимся во многих комментариях в соглашение о союзе и взаимодействии [2].

3) Особое место в комплексе вызовов безопасности региона занимает угроза наркотрафика. По информации российских экспертов, в Афганистане, до того как пришли американцы, в год выращивалось порядка 800 тонн опия сырца, а сейчас выращивается 8 или 10 тысяч тонн.

4) Серьезную угрозу стабильности в Центральной Азии несет в себе также активность религиозно-экстремистских организаций «Хизб ут-Тахрир», «Ансор-ул-лах» и других которые, прикрываясь лозунгами ислама, стремятся к достижению своих политических целей – свержению конституционного строя в центрально-азиатских государствах.

К внутренним факторам можно отнести следующие проблемы:

1) неурегулированность ряда аспектов межгосударственных отношений, например, вопросы, связанные с делимитацией границы, режимом совместной эксплуатации трансграничных рек и ряд других [8, с.169].

2) угроза сырьевой ориентации государств региона. Практически все страны Центральной Азии за последние 20 лет сохраняют высокий уровень зависимости от экспорта сырьевых и природных ресурсов.

3) рост бедности, так как значительная часть населения региона вынуждена выезжать в другие страны в поисках заработков [7].

Все перечисленные угрозы относятся к нетрадиционному ряду, и, судя по всему, они будут доминировать и в дальнейшем в системе международных отношений в Центральной Азии и вокруг нее.

Вторая группа, чреватая нестабильностью, – это диспропорции в экономике, увеличение социального неравенства на фоне возрастающей коррупции, проблемы воды и сокращение в отдельных районах земель, пригодных для земледелия, бедность.

Центральноазиатские государства стремятся объединять свои усилия и совместно поддерживать безопасность и стабильность в регионе путем создания надежной системы региональной безопасности, способной противостоять внутренним и внешним вызовам и угрозам. Распространение религиозного экстремизма и терроризма в государствах Центральной Азии принимает долгосрочный характер. Этот процесс обуславливается рядом причин, как внутренних, так и внешних. К первой категории можно отнести рост бедности и безработицы, социально-бытовую неустроенность большей части населения, высокий уровень нарушений прав и свобод граждан со стороны органов власти, маргинализацию сознания и поведения значительной части населения, большое влияние на общественное сознание ценностей исламской религии.

С учетом этого и неспокойной ситуации в мире и регионе, необходимо, чтобы правоохранительные органы и военные структуры страны усилили свою деятельность в направлениях борьбы против преступности, особенно организованной и транснациональной преступности, обеспечения безопасности и правопорядка, укрепления оборонной мощи страны, каждый сотрудник этих структур и органов должен выполнять свои служебные обязанности с чувством высокой ответственности и верности [4].

Необходимость защиты национальных интересов обеспечения безопасности зафиксирована в положениях Концепции внешней политики РТ, которые состоят из:

- защиты и укрепления государственного суверенитета Таджикистана и обеспечения его национальной безопасности; формирования пояса безопасности и добрососедства на границах страны.

Эти вызовы и угрозы группируются следующим образом:

- рост международного терроризма, контрабанды наркотиков и оружия, транснациональной организованной преступности;
- распространение политического и религиозного экстремизма;

- внутригосударственные и региональные конфликты, фанатизм и этнический и расовый сепаратизм, эскалация политической напряженности в различных регионах мира;

Внешняя политика Республики Таджикистан будет разрабатываться и осуществляться с учетом существующих глобальных вызовов и угроз и упомянутых региональных факторов.

Республика Таджикистан в отношениях с сопредельными государствами и странами региона осуществляет политику дружбы, добрососедства и невмешательства во внутренние дела друг друга, которая нацелена на формирование пояса доверия и безопасности по периметру границ страны. Такая политика опирается на мирное разрешение всех спорных вопросов, в том числе пограничных и водно-энергетических, посредством диалога и переговоров, на основе взаимного доверия соответствующих сторон и признания принципа равенства и неделимости безопасности в регионе [9].

В современных условиях глобальное информационное пространство превращается в авансцену столкновения политических, экономических и культурных интересов центров силы современного мира, в действенный инструмент формирования общественного мнения и его ориентирования в интересах определенных кругов. В свете этого информационная дипломатия Республики Таджикистан рассматривает содействие обеспечению информационной безопасности страны как свою главную цель.

Реализация информационной дипломатии Республики Таджикистан будет опираться на широкое использование возможностей современных информационно-коммуникационных технологий. Республика Таджикистан является сторонником разработки комплекса международных правовых и этических норм, направленных на обеспечение информационной безопасности и их всестороннего соблюдения в мировом информационном пространстве [3].

Кроме этого, для обеспечения безопасности и противодействию новым вызовам налажено тесное сотрудничество государств региона в рамках региональных структур.

Шанхайская организация отражает стратегию безопасности в Центральной Азии не только России, но и Китая. Это и стало причиной внутренних противоречий, существующих в ШОС. Изначально организация имела своей целью борьбу с «тремя видами зла»: сепаратизмом, экстремизмом и терроризмом. Постепенно эти

проблемы утратили актуальность для большинства стран Центральной Азии. Общей для всех членов «шанхайской пятерки» остается только проблема религиозного экстремизма. Однако организация оперативно реагирует и на новые вызовы безопасности и демонстрирует готовность взять на себя ответственность за обеспечение безопасности в Центральной Азии и за общее развитие региона [11].

В отличие от ШОС, соединяющей и экономические, и военно-политические функции, ОДКБ является своеобразным институтом безопасности, в зону ответственности которого входят как традиционные, так и новые угрозы и вызовы в Центральной Азии. Помимо решения пограничных проблем и предотвращения внешнеполитической угрозы, ОДКБ решает такие важнейшие проблемы, как борьба с наркотрафиком, для чего ежегодно проводит спецоперацию «Канал» [10].

В связи со сдвигами в международной геополитической архитектуре появляются новые глобальные вызовы. Кроме того, на фоне постоянно меняющейся конъюнктуры международные проблемы до сих пор остаются нерешёнными.

Однако иным негативным событием в мире стал рост терроризма и массовых волнений в странах Северной Африки и на Ближнем Востоке. Произошли многочисленные перевороты в Тунисе, в Египте и в Йемене; гражданские войны в Ливии и в Сирии; гражданское восстание в Бахрейне; массовые протесты в Алжире, Ираке, Иордании, Марокко и в Омане; и менее значительные протесты в Кувейте, Ливане, Мавритании, в Саудовской Аравии, Судане, Джибути и Западной Сахаре. Столкновения на границе Израиля в мае 2011 года так же были вдохновлены местной Арабской весной. Геополитические последствия протестов привлекли всеобщее внимание. Вместе с нестабильностью на Ближнем Востоке и в Северной Африке происходило процветание экстремистских настроений и терроризма. Подчас силовое вмешательство некоторых государств под прикрытием гуманитарных лозунгов приводило только к ухудшению ситуации в целом, что так же наносило угрозу безопасности всего мира.

В новых реалиях возникли новые изощренные виды угроз которые сводятся к следующим:

1) самодостаточный терроризм с элементами государственной структуры – данный вид сформировался после возникновения террористического государства ИГИЛ;

2) информационная безопасность – ввиду прогресса технологии и развития средств массовой информации появился новый вид привлечения потенциальных участников в ряды радикальных и экстремистских организаций. Используя индивидуальный подход, террористы «промывают мозги» молодым парням, приглашая вступить в их ряды:

3) уязвимость национальных государств – с учетом углубления глобализационных процессов национальные государства постепенно теряя свою идентичность, становятся объектами геополитических игр сверхдержав;

4) возникновение и развитие неонационалистских и неофашистских настроений; с учетом потери идентичности и распространения западных ценностей возникли и получили дальнейшее развитие националистические ценности, которые постепенно преобразовались в неофашистские и радикальные.

В целом, глобальные угрозы и вызовы формируются с процессами глобализации и развиваются параллельно, поэтому нужны новые методы борьбы с ними. В этом русле единственным выходом из сложившейся ситуации является сплочение и объединение усилий государств мирового сообщества.

Литература

1. Искандаров А. Государства Центральной Азии в интеграционных процессах. – Душанбе, 2007.
2. Князев А.А. Угрозы безопасности для Центральной Азии меняют свой характер. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ng.ru /dipkurer/2016-09-05/11_afgan.html
3. Концепция внешней политики Республики Таджикистан. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mfa.tj/?l=ru&cat=109&art=1072>
4. Послание Президента РТ от 22 декабря 2016 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://prezident.tj/ru/node/13747>
5. Сулаймони Шохзода. Проблемы региональной безопасности Центральной Азии: внутренние аспекты в теории и на практи-

- ке. [Электронный ресурс]. – Режим доступа:
<http://www.centralasia.narod.ru/articles/1.htm>
6. Токаев К. Под стягом независимости. – Алматы, 1997.
 7. Угрозы безопасности ЦА и основные сценарии развития региона. [Электронный ресурс]. – Режим доступа:
<http://ceasia.ru/forum/ugrozi-bezopasnosti-tsentralnoy-azii-i-osnovnie-stsenarii-razvitiya-regiona.html>
 8. ЦА: геополитика, геэкономика, безопасность. – Ташкент: Шарк, 2001.
 9. Asia Internet Use. Population Data and Facebook Statistics. Internet World Stats. 2011. 31 Dec. [Electronic resource]. – Access mode: <http://www.internetworldstats.com/stats3.htm#asia>
 10. dkb.gov.ru Официальный сайт Организации договора о коллективной безопасности.
 11. sectsco.org Официальный сайт Шанхайской организации сотрудничества.

ПОТЕНЦИАЛ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ ДИПЛОМАТИИ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН

Шарапов О.М.

**Кандидат политических наук,
доцент кафедры международных отношений и дипломатии
Российско-Таджикский (Славянский) университет**

На современном этапе развития международных отношений все более возрастает роль и значение общественной дипломатии в реализации национальных интересов государства. Примером этому является успешное использование потенциала, ресурсов и методов общественной дипломатии во внешней политике таких государств, как США, Россия, Китай, страны Европейского союза и др. В целях реализации задач общественной дипломатии указанные государства из года в год расширяют и укрепляют свои возможности в данном направлении.

Термин «общественная дипломатия» в отечественной науке возник как дословный перевод американского термина «public diplomacy». В свою очередь термин «public diplomacy» был введен в научный оборот бывшим американским дипломатом Эдмундом Галлионом, подразумевавшим под этим словосочетанием «финансируемые правительством программы, направленные на информирование и влияние на граждан зарубежных стран посредством публикаций, кинопродукции, обменов в области культуры, радиовещания и телевидения» [1, с.106]. Стоит отметить, что во внешней политике СССР использовался термин «народная дипломатия», а Советский Союз был лидером в использовании потенциала народной дипломатии в мире для достижения своих интересов, что особенно заметно на примере ряда стран Азии, Латинской Америки и Африки.

На данный момент наиболее активно потенциал общественной дипломатии, в силу имеющихся возможностей и наработанного десятилетиями опыта, используют США, однако ощутимо возраста-

ние влияния общественной дипломатии России и Китая на современные международные отношения.

В настоящее время в российской и таджикской научной мысли, а также в официальных документах в области внешней политики отмечается использование терминов «общественная дипломатия», «народная дипломатия» либо их полное отождествление, реже — «публичная дипломатия». Тем не менее, провести грань в определениях общественной и народной дипломатии представляется достаточно сложным, так как чаще всего оба термина используются как равнозначные. В то же время, необходимо подчеркнуть, что общественная (народная) дипломатия преследует цель, прежде всего, помимо прочего, защищать национальные интересы, информировать зарубежную общественность, содействовать обеспечению национальной безопасности.

В Республике Таджикистан в последние годы пришло более отчетливое понимание о преимуществах и необходимости использования общественной дипломатии во внешней политике и на международной арене. В посланиях Президента Маджлиси Оли (Парламенту) Республики Таджикистан последних лет указывается на необходимость использования механизмов народной (общественной) дипломатии в реализации внешней политики государства. Кроме того, в Концепции внешней политики Республики Таджикистан 2015 г., утвержденной главой государства, два раздела посвящены культурно-гуманитарной и информационной дипломатии страны. Медленно, но все же расширяется присутствие государственных учреждений Республики Таджикистан в сети интернет, в том числе и в социальных сетях. В то же время в Министерстве иностранных дел Республики Таджикистан нет специального управления или отдела общественной дипломатии, а также сотрудников, ответственных за работу в данном направлении. Хотя зарубежная дипломатическая практика демонстрирует нам совершенно обратное.

В период независимости наиболее активной реализацией общественной дипломатии Республики Таджикистан стали заниматься Таджикское общество дружбы и культурных связей с зарубежными странами, а также Ассоциация таджиков и персоязычных народов мира «Пайванд». В структуре Таджикского общества дружбы и культурных связей имеются общества дружбы с более чем 20 госу-

дарствами Европы, Азии и Америки, что является большим потенциалом, который необходимо использовать более активно. В этом плане также важна активизация и объединение деятельности обществ и представительств Ассоциации «Пайванд» в иностранных государствах для проведения ими единой политики в плане работы с нашими соотечественниками, трудовыми мигрантами, а также в правильном информировании зарубежной общественности о Таджикистане.

Очень важным механизмом, по нашему мнению, остается Форум таджиков и персоязычных народов, который проводится в Таджикистане с 1992 г. периодичностью раз в несколько лет. Однако в целях расширения возможностей данного Форума и географии его участников необходимо, на наш взгляд, добавление слова «соотечественники» в его название, т.е., например, Форум таджиков, соотечественников и персоязычных народов мира. Под соотечественниками можно понимать всех граждан Таджикистана, вне зависимости от этнической принадлежности, некогда проживавших на территории страны и покинувших ее в силу разных обстоятельств. Кроме того, в эту же категорию могут быть отнесены все те, кто, проживая за пределами Таджикистана, тем не менее, считает эту страну своей исторической родиной. Отношение многих наших соотечественников к нашей общей Родине по-прежнему остается весьма теплым, и многие из них все еще готовы внести свой посильный вклад в развитие Таджикистана. Поэтому наши соотечественники за рубежом могут быть полезны не только в плане привлечения инвестиций в республику, но и могут стать своеобразными лобби для продвижения тех или иных политических решений в государствах проживания в пользу Таджикистана. Однако для этого, конечно же, необходима кропотливая работа с ними, в том числе и с использованием методов общественной дипломатии.

Большую роль в реализации целей и задач общественной дипломатии играют неправительственные некоммерческие организации, которые ведут свою международную деятельность формально независимо от государства. Тем не менее, на практике деятельность многих неправительственных организаций международной направленности как раз-таки направлена на содействие реализации национальных интересов представляемого ими государства. А их финансирование также часто исходит и из государственных источников.

В этом плане Таджикистану необходимо усилить международную деятельность неправительственных организаций республики в зарубежных странах.

Одним из важнейших направлений деятельности общественной дипломатии является информационная работа. В этой связи нужно отметить, что информационное поле Таджикистана в основном заполняется за счет материалов зарубежных средств массовой информации, что является недопустимым в век бурного развития информационно-коммуникационных технологий и потенциально представляет серьезную угрозу безопасности. Кроме того, СМИ Таджикистана практически не представлены в иностранных государствах, что очень осложняет деятельность по объективному информированию зарубежной общественности о нашей стране, ее успехах и достижениях. Поэтому необходимо изыскание средств и создание необходимой инфраструктуры для расширения присутствия средств массовой информации Таджикистана хотя бы в столицах крупнейших государств мира.

В целом, подводя итоги, можно отметить, что возрастающей тенденцией в развитии внешней политики современных государств становится повышение роли общественной дипломатии. Не является исключением и Таджикистан, где в последние годы о необходимости развития общественной дипломатии стали говорить и на государственном уровне. Однако, как и в любом начинании для реализации общественной дипломатии Таджикистана характерен ряд трудностей, связанных, прежде всего, с некоторой ограниченностью имеющихся ресурсов. Тем не менее, эти трудности не носят характер нерешаемых и в перспективе, на наш взгляд, будут разрешаться совместными усилиями государства и гражданского общества, создавая все новые возможности для реализации общественной дипломатии Таджикистана.

Литература

1. Цатурян С.А. Общественная дипломатия США в новом информационном столетии // США-Канада. Экономика, политика, культура. – 2010. – № 8.

ВЛИЯНИЕ ВНЕШНИХ СИЛ НА ГЕОПОЛИТИЧЕСКУЮ ОБСТАНОВКУ В ФЕРГАНСКОЙ ДОЛИНЕ

Коваленко Г.В.

**Кандидат политических наук,
доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин
Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в городе Душанбе**

Анализ региональной политики ведущих мировых держав по отношению к Ферганской долине, представляется достаточно сложным.

После распада СССР и его геополитического статуса в политической науке стали исследовать новые пространственные концепции. В данном контексте сформировались геополитические контуры центральноазиатского мегарегиона. В современной геополитической науке стали использоваться такие термины, как «центральноазиатский макрорегион» и «Большая Центральная Азия».

Геополитические тенденции в Ферганской долине свидетельствуют о нарастающем интересе крупных стран к ситуации в регионе, обусловленном увеличением поставок энергоресурсов из Центральной Азии на мировой рынок, а с другой стороны – проблемами международной безопасности.

Этнополитический фактор в геополитическом комплексе в Ферганской долине является одним из сложных и актуальных на сегодняшний день. Переплетение этнотерриториальных, ресурсных, языковых, экологических, демографических, миграционных и других региональных проблем определяет степень этнополитической напряженности в регионе. Тысячи людей в новых государствах Центральной Азии после распада Советского Союза бросились на поиски своей «исторической родины», что резко изменило миграционную обстановку в регионе, обострило проблемы диаспор, языка, религиозного экстремизма и др. [3]

Внутригосударственные этнополитические противоречия и межнациональные конфликты могут стать причиной для возникновения серьезного межгосударственного конфликта.

В двусторонних взаимоотношениях важную роль играет анклавный фактор. Так, на территории Кыргызстана имеются два узбекских анклава – Сох и Шахимардан численностью от 40 до 50 тыс. человек. В свою очередь, и в Узбекистане имеется кыргызский анклав – село Барак с населением 600 человек. Анклавы являются мощным инструментом давления Узбекистана на Кыргызстан. Известно, что в Сохе находились подразделения Вооруженных Сил Республики Узбекистан, хотя в мировой практике содержание в анклавах какой-либо военной силы является недопустимым.

Проживающие в Узбекистане таджики стремятся к культурной автономии в местах своего компактного проживания – Самарканде и Бухаре, что вызывает противодействие узбекских властей.

В Ферганской долине кыргызской части действовала неформальная сепаратистская организация ФАНО (Фергана, Андижан, Наманган, Ош), цель которой – создание собственного государства на основе указанных четырех областей.

Сложившаяся ситуация уже не раз использовалась экстремистами для дестабилизации обстановки в Центральноазиатском регионе. Не случайно узбекское руководство провело ряд мероприятий по укреплению государственных границ. В целом киргизско-узбекские межэтнические отношения, отличавшиеся за последние 10 лет некоторой нестабильностью, в связи с событиями в Кыргызстане в июне 2010 года достаточно заметно обострились.

Ситуация в Центральной Азии, в основном, решалась региональными и великими державами. Однако после распада биполярной системы МО политическая активность этих новых независимых государств региона резко возросла. И они стремятся сами определить свое место в региональной и мировой политике.

Рассматривая стратегии безопасности Кыргызстана, Таджикистана и Туркменистана, можно прийти к выводу, что они базируются на нескольких факторах:

- осознание национальных интересов своих государств в отношениях с другими государствами;
- умение политиков и дипломатов отстаивать эти национальные интересы;
- уметь предлагать свое посредничество и выступать как посредник;

- использование возможности двусторонних и многосторонних связей, а также международных организаций с целью нейтрализации внешних угроз и компенсации ограниченности своих ресурсов.

Данные государства обеспокоены своей безопасностью в рамках их взаимоотношений с региональными центрами силы. Нужно отметить, что безопасность государств Центральноазиатского региона зависит от того, какое место они занимают в региональной и мировой геополитической системе и усилий своей дипломатии по формированию баланса интересов с ближними и дальними государствами. Исходя из этого, Кыргызстан и Таджикистан развивают связи и с внерегиональными центрами силы – США, Китаем и Россией, тем самым выстраивая определенный баланс отношений с региональными центрами силы, прежде всего с Узбекистаном, а также с Казахстаном. Одновременно Кыргызстан и Таджикистан входят во все евразийские интеграционные структуры и ШОС. Исследователи отмечают, что им “непросто находить компромисс, оптимальное, удовлетворяющее намерениям сторон решение практически любых вопросов, особенно в экономической сфере, что нередко ведет к осложнению отношений” [4].

Геополитические характеристики Кыргызстана и его дипломатии определяются тем, что страна расположена на крайней юго-восточной периферии Центральной Азии и является частью евроазиатской трансконтинентальной коммуникации, которая вошла в историю под названием Шелковый путь. В настоящее время через территорию Кыргызстана проходят дороги Восток-Запад и Юг-Север. Шоссейная дорога «Бишкек – Ош» является одной из важнейших магистралей в регионе. На юге эта магистраль имеет выход в Китай, а по Каракумскому шоссе выходит на Пакистан и Индию и достигает порта Карачи. На севере названная трасса обеспечивает выход, соответственно, в Узбекистан, Казахстан и Россию, то есть евразийскую систему коммуникаций и далее в Европу [5].

Кыргызстан обладает рядом природных ресурсов стратегического значения, что в перспективе дает возможность национальной экономике потенциально занять свою нишу в мировой экономике. Особое значение для повышения роли Кыргызстана в региональной и даже мировой экономике могли бы сыграть водные ресурсы как в плане решения проблемы дефицита питьевой и промышленной во-

ды в большинстве стран региона, так и поставок электроэнергии соседним странам. Все это потенциально создают благоприятные предпосылки для развития двустороннего и многостороннего сотрудничества на различных направлениях.

Вместе с тем, для Кыргызстана и Таджикистана существует ряд геополитических проблем регионального уровня, которые необходимо решать дипломатической службе. Это:

- внутриконтинентальное положение региона в целом и, соответственно Кыргызстана. То есть отсутствие непосредственных выходов к мировым коммуникациям и зависимость от стран транзита предполагают переговоры с ними;
- отдаленность от мировых центров экономики предполагает поиск и привлечение инвестиций;
- близость к нестабильным районам Азии (Западный Китай и Южная Азия); и особенно непосредственное соседство с политически нестабильным Афганистаном;
- негативные последствия может иметь и возрастающий интерес региональных и мировых держав и ТНК к энергосодержащему и стратегическому сырью в Центральной Азии.

В этом отношении положение государства усугубляется отсутствием у него достаточной оборонной обеспеченности, которая предопределяет в определенных случаях или внешнее вмешательство, или обращение за внешней помощью.

Неблагоприятным условием геополитического характера можно считать экономический, демографический и военный дисбаланс Кыргызстана и Таджикистана с соседним Узбекистаном и зависимость от него в поставках газа. Соответственно, дипломатия этих малых государств задействована в урегулировании межэтнических конфликтов в Ферганской долине и разрешении пограничных вопросов.

Существует проблема проникновения в Кыргызстан исламского экстремизма из соседних стран и международных исламистских центров. Наиболее уязвимы в этом отношении южные районы.

Геополитическое положение Таджикистана в регионе определяется его периферийностью и непосредственной близостью к Афганистану. Непрерывающийся конфликт в Афганистане оказывает влияние не только на Таджикистан, но и на региональные между-

народные отношения. Особенно сильно данный конфликт оказывает влияние на социально-экономическую и политическую обстановку в регионе, кроме того, данный конфликт провоцирует религиозную дестабилизацию в Ферганской долине. 52 сессия Генеральной Ассамблеи ООН была посвящена проблеме наркотиков, тогда Президент Таджикистана продемонстрировал большую заинтересованность Республики в урегулировании афганского конфликта. Его прекращение привело бы к:

- уменьшению перетока оружия и наркотиков через таджикско-афганскую границу;
- ограничению распространения дестабилизирующих волн терроризма и экстремизма;
- стабилизации региона в целом;
- снятию с повестки дня угрозы исламистских группировок внутри Таджикистана и т.д.

В 1998 г. на 20-ой специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН Президент Республики Таджикистан Эмомали Рахмон предложил создать вокруг Афганистана «пояс безопасности». Эти предложения не были реализованы, в результате чего нестабильный Афганистан превратился в очаг международного терроризма.

Таким образом, все внешние стороны афганского конфликта соответствующим образом обуславливают особенности геополитического положения Таджикистана в системе международных отношений Центральной Азии. С другой стороны, во внешней политике Таджикистана, маневрирует между внешними центрами силы и одновременно стремится реализовать свои экономические интересы. Это предполагает членство в СНГ, тесные политические, военные и финансово-экономические связи с Россией. Близость Таджикистана к Афганистану придает ему особый геополитический статус и тем самым усиливает его дипломатический ресурс в регионе уже «большой» Центральной Азии [1].

В региональном плане внешняя политика Таджикистана направлена на поддержание сбалансированного отношения с Узбекистаном и соседом Афганистаном. Здесь имеют проблемы межэтнического порядка. Так, в Согдийской области Таджикистана исторически культурно и политически доминирует этническое узбекское население, а в Узбекистане компактно проживают таджики.

Кроме того, внутриафганское противостояние имеет и свои таджикские и узбекские этнические корни. Соответственно, дипломатия обоих государств стремится поддерживать связи с таджикскими и узбекскими политическими элитами Афганистана.

Процессы, происходящие в Афганистане, с точки зрения региональной безопасности, имеют важное значение для всех государств региона и присутствующих здесь Китая, России и США, а также Пакистана, Индии и Ирана. При всех разногласиях по решению афганской проблемы и противоречиях между этими странами в целом, они понимают (вынуждены/готовы), что сотрудничество между ними неизбежно. В этом случае следует учитывать, что территории и народы постсоветской Центральной Азии и Афганистана, Ирана и Пакистана исторически никогда не были изолированы друг от друга. Этнические, культурные и экономические связи имеют многовековые традиции. С одной стороны, это способствует диалогу, но с другой – создает дополнительные трудности разного характера.

На ближайшую перспективу и на субъективном уровне перед внешней политикой государств стоит проблема нейтрализации тех негативных процессов в регионе. Государства, имеющие общую границу с Афганистаном, безусловно, осознают неизбежность своего участия в предстоящих процессах вместе с другими региональными акторами, как и акторы мирового уровня [2]. Следует отметить, что все государства Центральной Азии стремятся развивать региональные внутренние и внешних связи.

В плане среднесрочных перспектив следует рассматривать пространство постсоветской Центральной Азии в контексте глобальных процессов, в том числе геополитических процессов в постсоветской Евразии. В этой связи переориентация центральноазиатских государств на «дальнее зарубежье», развивающаяся по многим направлениям, вполне естественна и подчинена процессам объективного характера. Открывающиеся границы государств и появление новых акторов международных процессов, рост разнообразия еще раз свидетельствуют, что пространство самоорганизуется и становление политического порядка просто невозможно осуществить только за счет целенаправленных усилий, без учета и использования действующих закономерностей процессов развития системы.

Центральноазиатский регион – это место пересечения интересов мировых держав (Китай, США, Россия), стремящихся усилить свое присутствие в регионе. Особый интерес ведущих стран, транснациональных корпораций, различных финансово-экономических институтов к региону объясняется его геополитическим положением, коммуникационными возможностями, наличием значительных запасов природных ресурсов. Геополитические особенности Центральной Азии вызывают значительный интерес мировых и региональных держав и с военно-стратегической точки зрения. Расположение региона по соседству с нестабильным Афганистаном, Пакистаном, Ираном и другими нестабильными странами делает сотрудничество с ним важнейшим элементом как глобальной, региональной, так и национальной безопасности таких мировых держав, как Россия и Китай.

Одной из основных задач США, России и Китая является достижение лидирующего положения в регионе и недопущение союза двух других государств. При этом США, Китай и Россия имеют как совпадающие, так и противоположные интересы в регионе. Совпадающие интересы (борьба с терроризмом, распространением наркотиков и др.) создают возможность сотрудничества США, Китая и России между собой и со странами Центральной Азии. Противоположные интересы ведут к заключению соглашений каждой из этих стран в отдельности со странами Центральной Азии или к двустороннему согласованию действий России и Китая в рамках ШОС.

Литература

1. Князев М. На границе Афганистана с Таджикистаном и Киргизией образуется коридор угроз // НГ-дипкурьер. – 2013. – 25 нояб.
2. Лифань Ли, Шиу Дин. Геополитические интересы России, США и Китая в Центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ. – 2014. – №3.
3. Майтдинова Г.М. Этнополитический фактор, как проблема безопасности Центральной Азии // Сб. ЦГИ: Безопасность в Центральноазиатском регионе: опыт и практика в решении эт-

- нополитических конфликтов: матер. III Междунар. науч. конф. (г. Душанбе, 8-10 июля 2004 г.). – Душанбе, 2005.
4. Татаринцев В.М. Двусторонние отношения России со странами СНГ. – М., 2011.
 5. Шоберлейн Д. Укрепление стабильности в Центральной Азии // Содействие стабильности в Центральной Азии: матер. Междунар. конф. – Ташкент, 2014.

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО КИНЕМАТОГРАФА ГОСУДАРСТВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В УСЛОВИЯХ МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА

Шарофат Арабова

**Кандидат исторических наук, историк кино, кинорежиссер,
руководитель Творческое объединение «Дебют»
Государственной киностудии «Таджикфильм»**

В своем выступлении мы хотим акцентировать внимание на современном состоянии центральноазиатского кинематографа в контексте мирового кинопроцесса и дать анализ основных задач, которые стоят перед таджикским кино на данном этапе развития. Если раньше, начиная с первых лет обретения суверенитета, в центральноазиатской кинокритике бытовало мнение о том, что таджикское кино существовало в двух ипостасях, т.е. внутри страны и за рубежом «в эмиграции», то сейчас в самом Таджикистане оно представлено в нескольких вариантах. Во-первых, эта продукция Государственной киностудии «Таджикфильм», существующей с 1930 г., во-вторых, Государственной киностудии «Сугдсинамо» имени Камиля Ярматова, функционирующей с 2015 г. и созданной в этом году киностудии «Хатлонсинамо» им. Б.Худойназарова в г.Курган-Тюбе. Помимо государственных студий в стране работают десятки частных студий, которые специализируются на производстве музыкальных клипов, рекламных роликов, жанровых фильмов. К тому же кинематограф развивается как в мейнстриме (то есть популярное массовое кино, представленное телевизионными сериалами, семейными мелодрамами, криминальными триллерами, которые часто романтизируют подпольный мир), так и в более или менее авторском варианте. Часто это продукция именно Государственной киностудии «Таджикфильм», которая может себе позволить создавать авторское кино, имеющее небольшой прокат в кинотеатрах столицы и не всегда пользующееся успехом у массового зрителя, который видит в кино прежде всего зрелище.

В стране функционируют 2 международных кинофестиваля: биенальный Международный кинофестиваль «Дидор», основанный в 2004 году, и ежегодный Международный фестиваль короткометражного кино «Навсоз», проводящийся с 2016 г. Тем не менее, на данном этапе все производимые в стране фильмы можно разделить на две категории: те, о которых появляются упоминания не только в прессе, в рекламных материалах, но и чьи авторы участвуют с данными фильмами на внутренних киноплощадках (фестивали, трансляция по ТВ); и те, авторы которых создают фильмы (анимационные, короткометражные, экспериментальные, документальные) прежде всего для зарубежного показа, при этом часто их работы обделены вниманием в самой республике и поэтому малоизвестны.

Несмотря на то, что с 2014 года в Таджикском государственном институте искусств имени Мирзо Турсунзаде функционирует отделение кинорежиссуры, в августе 2016 года при Государственной киностудии «Таджикфильм» была открыта Школа молодых кинематографистов, при которой проводятся краткосрочные курсы по основам кинематографа. Целью данной инициативы является поиск будущих кинематографистов, создание потенциальной среды для творческого роста, привлечение окончивших данные курсы кадров к работе «Таджикфильма» в качестве ассистентов режиссера, оператора, звукооператора, художника и др. Таким образом, подобные образовательные инициативы служат аккумуляции и сплочению молодых кинематографистов вокруг самой крупной студии страны.

В кинематографе Казахстана также сложилась ситуация некой дуальности в кинематографе: во-первых, это официальный кинематограф, который пользуется государственной поддержкой, что, соответственно, выражается в тематике и трактовке данных фильмов, во-вторых, это «подпольное» кино, которое сами молодые режиссеры, вдохновленные идеализмом и максимализмом, окрестили «партизанским», не получившим широкого кинопроката в самом Казахстане и часто демонстрируемым показывается в камерных кругах единомышленников. Однако «партизанское» кино пользуется успехом на международных кинофестивалях, в частности класса «А», и способствует тому, что иностранная публика знает казахский кинематограф и Казахстан. «Подпольное» кино – авторское,

очень часто критичное, реалистичное и глубоко социальное, которое призвано выворачивать наизнанку внутренний мир персонажей, ставить их в безвыходные (пограничные) ситуации и заставлять задумываться о существовании в «таком» мире. Это кино прибегает к трагикомизму – смеху сквозь слезы, в котором авторы видят единственный выход из положения.

Абсолютно иначе нашел свой путь развития кыргызский кинематограф, который на данном этапе является генератором новаторского видения в центральноазиатском кино. Изначально преодолевая кризисное состояние, как и большинство стран постсоветского пространства, кыргызские кинематографисты сделали ставку на авторское кино. Например, ими была создана группа 10+, существующая до сих пор, задача которой заключалась в том, чтобы ежегодно создавать малобюджетные, но фильмы-шедевры. Был создан фонд кино, предусматривающий ежегодное финансирование 10 фильмов. Кыргызским кинорежиссером Актаном Арын Кубатом был создан камерный фестиваль авторского кино на Иссыккуле, который отбирает центральноазиатские авторские фильмы и кинопроекты, приглашает отборщиков и представителей международных фестивалей с тем, чтобы они могли выбрать фильмы для своего фестиваля. Учитывая дороговизну производства полнометражных картин, позднее акцент был сделан на создание короткометражных картин (до 30 мин.), для генерации, развития которых в 2011 г. появился Международный кинофестиваль короткометражных фильмов стран СНГ, Балтии и Грузии «Кыргызстан – страна короткометражных фильмов». Часто в фокусе кыргызского кинематографа находятся противоречия между семейными ценностями, укорененными в традиционной культуре, и вызовами современности. Кинематографисты размышляют о процессах разложения общества, но если, например, казахский кинематограф, представленный размышляющим «подпольным кино», не дает радужных прогнозов в финале фильма, то, в отличие от него, кыргызские кинематографисты пытаются предотвратить «разрушение», «разложение» при помощи возврата к традиционным моральным ценностям. Таковы фильмы «Переезд» (2014) Марата Сарулу, «Завещание отца» (2016) Дастана Жапар Уулу и Бакыта Мукул. Необходимо отметить, что в Кыргызстане развивается и коммерческий кинематограф, потому что продолжают работать и приносить доход, суще-

ствовавшие в советский период кинотеатры, переоборудованные в современные многозальные кинотеатры.

Кинематограф Узбекистана и Туркменистана нуждается в отдельном исследовании в силу определенного изолированного развития этих кинематографий, направленных на создание массовой кинопродукции, прежде всего для внутреннего рынка. Успех популярных узбекских фильмов у таджикских зрителей, на наш взгляд, можно объяснить отсутствием подобной продукции в отечественном кино: незамысловатый легкий развлекательный сюжет, привлекательные киноактеры, сходство менталитета и культуры, оптимистичность повествования, хороший технический уровень, музыкальность и юмор. Именно по этим причинам пользуется большим успехом в республике и продукция Болливуда.

На данном этапе почти перед всеми кинематографиями, особенно тех стран, в которых не развит или отсутствует кинопрокат, стоит проблема преодоления своей изолированности. В связи с этим все большую актуальность приобретает международное сотрудничество в сфере создания кинопродукции, которое подразумевает также расширение дистрибьюционных возможностей того или иного фильма, если в его производстве задействовано несколько стран. Увеличение роли международной копродукции связано с тем, что в некоторых развитых странах Запада, таких как Германия, Нидерланды, Франция, Швейцария и др., существует конкурсная система «квот» для стран из списка Комитета содействия развитию (DAC list) Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), которая подразумевает частичную финансовую помощь в кинопроизводстве (на стадии написания сценария, непосредственного производства или постпродакшна) для стран с самым низким уровнем дохода. Данные «квоты» предусматривают поддержку странам бывшего доминиона и представителям меньшинств, в том числе национальным, проживающим на территории грантодателя, а также, что прослеживается все чаще, кинематографистам из актуальных «горячих точек» на геополитической карте. Однако право подачи на данные гранты часто закреплено именно за местной киностудией и продюсером и при условии, что некий процент участников кинопроизводства тоже будут гражданами страны-грантодателя.

В настоящее время кинематографисты по всему миру сталкиваются с дилеммой создания фильмов, рассчитанных для внутренней аудитории кинозрителей, и фильмов для международного кинорынка, которые могут получить дистрибьюцию за рубежом, включая успех на международных кинофестивалях, выпуск картины на DVD и онлайн видео платформах (Netflix и др.). Кино, рассчитанное для международного зрителя, неминуемо апеллирует к универсальным ценностям и глобальным проблемам общества. Именно к такому кино, в котором присутствуют точки соприкосновения с его собственным существованием, зритель не останется равнодушным. К примеру, известные европейские гранты на написание киносценариев, как уже было упомянуто, предусматривают участие европейских кинематографистов (соавторов сценариев и сценарных консультантов, т.н. «сценарного доктора»). Данный факт имеет не только экономическую основу долевого участия в международном кинопроекте, но и идейную составляющую: европейский партнер должен помочь адаптировать сценарий к мировоззрению западного зрителя и сделать фильм понятным ему. Однако встает вопрос: не апеллирует ли такое кино не столько к глобальным ценностям, сколько к ценностям западного мира? Таким образом, можно констатировать, что нередко появляются фильмы национальные по форме и западные по содержанию. Показателен пример кыргызского короткометражного фильма «Сеиде» (реж.Э.Осмоналиева, 2014), который посвящен молодой девушке насильно выдаваемой замуж. По обычаю девушка должна перед свадьбой принести в жертву своего любимого коня, с которым выросла. Но героиня, не осмелившись на убийство коня, отпускает его на волю, но смиряется с замужеством. Премьера и обсуждение фильма состоялось на одном из европейских кинофестивалей, где жюри посетовало на то, что в фильме отсутствует жизнеутверждающий *Happy End* в западном смысле этого слова: героиня не сбегает из-под венца на коне, не происходит эмансипации восточной героини. Она выбрала домашний очаг и смирилась с традицией. Кыргызский кинорежиссер предпочла финал, который, однако, не могли принять западные судьи.

Международные кинофестивали являются палкой о двух концах. С одной стороны, они стремятся пропагандировать высокохудожественные и новаторские поиски в кино, поощряют эксперименты,

заинтересованы в открытии новых авторов и нередко относятся к кинокартинам как к произведениям искусства. С другой стороны, они часто зависят от своих зрителей, которым решать приобретать билет на данный киносеанс или нет. Поэтому нередко выбор делается в пользу фильмов, созданных на грани авторского и коммерческого кино. Немаловажную роль играет спектр актуальных проблем, с которыми сталкивается человечество: проблемы войны и мира, терроризма, религиозного экстремизма, организованной преступности, геноцида, миграции, гендерных прав, идентичности, свободы самовыражения и т.п. Подобная тематика фильмов, нередко дополненная экзотичностью киноматериала, рассчитанная на международную дистрибьюцию, формирует определенный кругозор кинозрителя (как западного, так и восточного), его отношение к тем или иным мировым проблемам, т.е. создает для него «картину мира». И рядовой посетитель международного кинофестиваля может с легкостью окунуться в жизнь и атмосферу любой страны, представившей свои фильмы к показу.

Возвращаясь к проблеме преодоления изолированности и интеграции в мировой кинопроцесс, необходимо еще раз подчеркнуть роль кинематографа, которую он продолжает играть как один из главных инструментов культурной политики. К сожалению, Таджикистан, несмотря на свою интеграцию в мировое сообщество, членство во многих международных союзах и объединениях, остается пассивным, когда речь идет о подготовке международно-правовых документов по сотрудничеству именно в области кинематографа. Целесообразно привести несколько примеров, иллюстрирующих перенос политических концепций в сферу кинопроизводства. Так, во время проведения 20-го Шанхайского международного кинофестиваля (17.06-26.06.2017) было подписано многонациональное (Китай, Египет, Греция, Венгрия, Индия, Индонезия, Ирландия, Казахстан, Латвия, Эстония, Литва, Нидерланды и Филиппины) соглашение о совместном кинопроизводстве в рамках инициативы Китая «Пояса и Пути». Целью этого меморандума является создание киносети, объединяющую в себе ресурсы, развивающую новые возможности и продвигающую концепцию «Пояса и Пути», которая содействует не только экономическому и социальному развитию в странах Азии, Африки и Европы, но и глубокому культурному обмену. При этом отмечалось, что фильмы могут под-

держат традиции и дух Шелкового пути через совместные кинопроекты, кинофорумы и обмен профессионалами. В упомянутом меморандуме указаны такие задачи, как содействие более интенсивному культурному обмену, укреплению взаимодействия и сотрудничества в кинопроизводстве, дистрибуции и показе фильмов во время международных кинофестивалей, повышению взаимодействия и понимания обычаев и культурных традиций каждой страны, укреплению обмена и взаимообучения среди синефилов, увеличению международных контактов в сфере кинообразования и кинокритики, проведению кинопанорам в соответствующих институтах и организациях в странах-участницах соглашения [2]. Цели этого рамочного международно-правового документа актуальны и для Таджикистана. Это пока просто документ о намерениях, но он имеет перспективы для реализации. Таджикистан одним из первых поддержал инициативу «Один пояс – один путь», но, к сожалению, недостаточно использует возможности этого геополитического проекта для подъема отечественного кино.

Или иной пример того, как в провинции Сычуань на юго-западе Китая был проведен Второй Кинофестиваль стран BRICS вслед за тем, как первый кинофестиваль был проведен в штате Гоа в Индии в 2016 году. В 2017 году его посетили известные кинематографисты и эксперты киноиндустрии из Бразилии, России, Индии, Китая и ЮАР. Каждый из пяти дней кинофестиваля был посвящен кинематографу одной из стран участниц союза, а также симпозиуму по сотрудничеству стран BRICS в сфере кино, в ходе которого отмечалось, что данный кинофестиваль служит передаче общих культурных ценностей и идей, укрепляет взаимоуважение, толерантность и взаимообучение для пропаганды разнообразия мировых кинокультур. Именно поэтому для его проведения была выбрана провинция Сычуань, откуда брал начало древний Южный Шелковый путь и которая на данном этапе является важным порталом инициативы «Пояса и Пути» и критическим транспортным коридором для взаимодействия с Центральной, Южной и Юго-восточной Азией. Кинофестиваль не только стал платформой для кинопанорам, но и возможностью продемонстрировать индустриальные и научно-технические достижения провинции Сычуань наряду с ее культурой и искусством [3]. Хотя Таджикистан не является участником BRICS, но в качестве наблюдателя мог бы использовать по-

тенциал этого объединения для развития отечественного кинематографа. Не высок уровень совместного кинопроизводства Таджикистана в рамках постсоветских интеграционных организаций.

Таким образом, подписанные выше международно-правовые документы о сотрудничестве в области кино нередко содействуют созданию совместных фильмов. Например, кассовый российский фильм «Вий» (реж.О.Степченко) по мотивам произведения Н.Гоголя, две самостоятельных части которого уже созданы на данный момент. В фильме «Вий-2» повествование связано с английским путешественником, который оказывается в Китае, будучи нанятым Петром I для составления карты дальневосточных границ России. Сопродюсером и исполнителем одной из главных ролей выступил известный киноактер Джеки Чан. В 2018 году планируется выход продолжения фильма «Вий-3» под названием «Путешествие в Индию: на пороге бессмертия». В данный момент ведутся переговоры с известными болливудскими киноактерами и продюсерами по участию в кинопроекте [4].

Каждая из кинематографий Центральной Азии балансирует, ищет, а может быть уже и нашла, собственную индивидуальную форму. Задачей является сохранить ее. Казахстан активно развивает в кино в коммерческой и полукommerческой форме тему самобытной кочевой культуры. Кыргызстан, наряду с авторским, фестивальным кино, фокусируется на создании эпических полотен из истории кыргызского народа, так же направленных на подъем самосознания народа.

К числу практических задач, которые стоят перед отечественным кино сегодня относятся развитие отечественного образования в области кино (создание киноинститута, введение спецкурсов в университетах, тренинги, зарубежные стажировки и практики), работа по расширению ассортимента отечественной кинопродукции, налаживание кинопроката и дистрибьюции производимых фильмов, которыми в первую очередь должны заниматься специально обученные для этого кадры. Таким образом, развитие кинематографа будет обеспечено непрерывностью и слаженностью упомянутого циклического механизма. Ведь как бы мы ни называли кино видом искусства, процесс его создания на всех языках называется производством, отсылая к абстрактным фабрикам и конвейерам.

На данном этапе, когда усиливается интерес к таджикскому кино как явлению, формирующему самосознание и мировоззрение народа, ощутима острая нехватка фильмов о семейных ценностях, традиционной этикете, нормах морали, которые бы воспитывали экранов в противовес фильмам об агрессии и криминальных авторитетах, заполонивших отечественный рынок. Кроме того, возвращение к истокам традиций не может ограничиваться только сохранением традиционной материальной и духовной культуры таджиков (одежда, еда, отправление религиозных ритуалов, связанных с жизненными циклами – рождением, свадьбой и смертью), но может трактоваться шире, применяться к другим видам искусства, в том числе и к кино.

Неверным было бы отрицать все жанровое кино, которое производится в стране и создающееся по модели голливудских блокбастеров, при этом перенимая из них далеко не лучшее. Проблема состоит в том, что, пытаясь имитировать, нам не хватает технического опыта – анимации, пиротехники, визуальных эффектов, каскадеров, постановщиков трюков. Хотя сейчас в Москве существует и успешно работает на международных проектах группа каскадеров из Таджикистана «Крыша мира» [1]. Прежде всего отечественным зрителям нужно предоставить альтернативу, которая смогла бы конкурировать с иностранными фильмами в таджикских кинотеатрах. Важным также является обеспечение регулярности показов отечественных фильмов, то есть обязать кинотеатры показывать, например, 1-3 новых таджикских фильма в месяц наряду с зарубежной программой. Ввести т.н. «квоты» по льготному тарифу. Отечественный кинопрокат в лице государственного унитарного предприятия кино и видео-проката «Таджиккино» должен быть заинтересован в первую очередь заниматься продвижением таджикских картин до зрителя.

Путем решения указанных проблем таджикского кинематографа, в частности, является обеспечение государственной поддержки – как финансовой, так и законодательной. Необходимо сделать кино самодостаточным и самокупаемым, то есть восстановить существовавшую цепочку «производство фильма – его дистрибуция – и вложение в производство нового фильма». До последнего времени продвижением и продажей занималась только государственная киностудия «Таджикфильм», ограничиваясь фильмами собственно-

го производства. А не «Таджиккино», которое наряду с киностудией являлось компонентами одного целого организма. Обнадеживающим фактором для отечественного кино является то, что в марте 2017 года на встрече с творческой интеллигенцией Президент РТ Эмомали Рахмон озвучил идею об объединении Государственной киностудии «Таджикфильм» и Государственное унитарное предприятие кино и видео-проката «Таджиккино» в рамках одной организации, чья новая структура должна была быть подготовлена в течение следующих нескольких месяцев. Таким образом, по идее с формированием новой структуры кино должны быть облегчены процедуры выдачи прокатных удостоверений и студийных лицензий, а также продвижение фильмов киностудии «Таджикфильм», выпускающей, в лучшем случае, около 3-х полнометражных фильмов в год. Еще несколько полнометражных фильмов создается в республике на Государственной киностудии «Сугдсинамо» и на частных студиях, чей прокат также необходимо развивать.

Необходимо использовать опыт советского кино по продвижению собственных кинокартин. Необходимо вспомнить, что в советский период дистрибьюцией и продажей всех советских фильмов за рубеж занималось Всесоюзное объединение по экспорту и импорту кинофильмов «Совэкспортфильм» (переименованное сейчас, но не потерявшее своего мирового статуса «Роскино»). Оно выпускало на нескольких иностранных языках собственный журнал «Советское кино» (Soviet Film), в который включалась рекламная информация о фильмах-новинках студий союзных республик, журнал рассылался в культурные центры при всех посольствах СССР. Теперь целесообразно, чтобы аналогичную функцию «Совэкспортфильма» взяло на себя «Таджиккино», что подразумевает активную пропаганду таджикских картин, и в первую очередь государственной киностудии, которая является самым крупным производственным кинопредприятием в стране, а также обязательное участие в международных выставках и кинорынках.

К сожалению, выпускавшийся «Таджиккино» в 2013-2014 гг. журнал, единственный посвященный в своем роде отечественному кино, прекратил свое существование. Что касается кинорынков и выставок, то необходимо отметить, что впервые за годы независимости лишь в 2014 году киностудия «Таджикфильм» выставила собственный стенд с рекламной продукцией киностудии на кино-

рынке во время Международного кинофестиваля «Фаджр» в Иране. Таким образом, в принимающуюся каждые 5 лет Программу развития таджикского кино целесообразно включить пункт о выделении соответствующего финансирования на популяризацию и пропаганду отечественной кинопродукции не только внутри страны, но и за рубежом для создания позитивного и привлекательного имиджа страны и привлечения инвестиционных ресурсов в развитие киноотрасли в Таджикистане.

Прошедший в октябре 2016 года 7-й Международный кинофестиваль Дидор, представивший премьеры двух таджикских фильмов «Сон обезьяны» и «Мушкилкушо», которые прошли с небывалым аншлагом, является наглядным примером того, как при легкой доступности и засилье иностранных фильмов, современный таджикский зритель начинает осознавать потребность в собственной кинематографической идентификации, то есть желание видеть на экранах привычную жизнь и слышать родную речь.

Литература

1. Каскадеры «Крыша мира Таджикистан» закончили свой дебютный фильм. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.asiaplus.tj/ru/news/tajikistan/society/20161124/kaskaderi-krisha-mira-tadzhikistan-zakonchili-svoidebyutnii-film>
2. Li, Liza. International alliance set to support “Belt and Road” movie production (Shanghai Daily). [Electronic resource]. – Access mode: <http://silkroadfilmfestival.com/international-alliance-set-support-belt-road-movie-production/>
3. Sarkar Sudeshna. Yuanyuan, Xia. BRICS Film Festival Inaugurated in Sichuan. [Electronic resource]. – Access mode: http://www.bjreview.com/Lifestyle/201706/t20170623_800098971.html
4. TASS, RIR. The film 'Viy-3' will star Shahrukh Khan. [Electronic resource]. – Access mode: https://in.rbth.com/arts/culture/2016/11/18/the-film-viy-3-will-star-shahrukh-khan_648929

ИМИДЖ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН В ВИРТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Нуров М.А.

**Магистрант первого курса отделения зарубежного регионоведения
Российско-Таджикский (Славянский) университет**

Мы живем в эру информационных технологий и их эффективное использование играет важнейшую роль во всех сферах деятельности государства. В XXI веке невозможно представить нашу жизнь без интернета, мобильных устройств и другой высокотехнологичной электроники. Хотя проникновение ИТ (Информационных Технологий) в нашей стране только на начальной своей стадии, но их значимость, важность и эффект уже осознаются нами.

Отдельное внимание нужно уделить новым видам средств массовой информации, в которые все активно ее вовлекаются люди для получения информации любого рода – от социально-политической до культурно-экономической. Данные СМИ позволяют получать беспрепятственно любую информацию о странах, новостях, всех видах литературы и т.п.

Т.к. в новых высокотехнологичных СМИ накапливается очень большая аудитория людей, а распространение информации стало как никогда проще и эффективнее – эту площадку общество и государство может использовать в свою пользу, например, для улучшения своего имиджа, привлечения новых инвестиций и туристов.

Имидж государства – основные определения и понятия

Имидж страны – это эмоционально окрашенный образ страны, целенаправленно формируемый в общественном сознании средствами рекламы, пропаганды и т.д. В основе **имиджа страны** лежат национальные образы-символы, связанные с географическими, цивилизационными, историко-культурными, этно-религиозными особенностями.

Общая структура имиджа страны следующая: **внешний имидж** – представление о стране, которое складывается у населения других государств; **внутренний имидж** – представление страны о себе, ко-

торое включает: национальную идентичность, статус государства в международной среде, ситуативные образы, привносимые правящей элитой, которые транслируются широкой общественности.

Имидж страны включает в себя ряд основных элементов:

- имидж власти;
- имидж экономики;
- имидж Вооруженных Сил;
- внешнеполитический имидж;
- восприятие гражданами образа своей страны;
- имидж информационной политики государства.

Еще одним основным элементом имиджа страны является национальный брендинг – область знаний и практической деятельности, цель которой – измерять, выстраивать и управлять репутацией стран. Национальный брендинг тесно связан с понятием маркетинга мест. Национальный брендинг и имидж национального государства «с успешным перенесением этого имиджа вовне – это так же важно, как то, что они производят и продают».

Национальный брендинг практикуется многими государствами, в т.ч. такими как Канада, США, Франция, Великобритания, Япония, Китай, Южная Корея, ЮАР, Новая Зеландия и многие западноевропейские страны, бренды которых входят в ТОП 10 развитых по имиджу стран.

В СМИ, в том числе и нетрадиционных, активно используются графические, текстовые и другие мультимедийные образы страны, которые быстрее усваиваются людьми. В первую очередь в это число входит, безусловно, фирменный стиль страны и его внутренние элементы (регионы, структуры).

Фирменный стиль – это знак бренда, который транслируется по всем каналам позиционирования страны:

- в презентационной и имиджевой продукции: бланках, визитках, сувенирной продукции и т.д.;
- логотип присутствует и в сфере ATL: в слогане, наружной рекламе, ТВ-рекламе и т.д.;
- товарный знак активно используется в промоакциях, промоушн кампаниях, промо-материалах, распространяемых промоутерами.

- огромную роль логотип играет и в создании сайтов, страничек в нетрадиционных СМИ, выполняя роль идентификатора, образа, который сохраняется в сознании людей.

Нетрадиционные СМИ и его виды

Нетрадиционные СМИ, или **новые медиа** (англ. *Newmedia*), – термин, который в конце XX века стали применять для интерактивных электронных изданий и новых форм коммуникации производителей контента с потребителями для обозначения отличий от традиционных медиа, таких как газеты, то есть этим термином обозначают процесс развития цифровых, сетевых технологий и коммуникаций. Конвергенция и мультимедийные редакции стали обычными элементами сегодняшней журналистики.

В качестве конкретных примеров новых медиа, существующих в мире можно представить следующий список:

- Интернет (Веб-сайты, социальные сети и сервисы, поисковые системы)
- Электронные книги (устройства для чтения, электронная бумага)
- DigitalRadio (интернет радио)
- Цифровое телевидение (кабельное, спутниковое)
- Мобильная связь (в том числе и мобильные приложения передачи данных и общения).

Но новых видов медиа намного больше, чем в этом списке.

Уровень проникновения ИТ и аудитория нетрадиционных СМИ в РТ

Несмотря на то, что информационные технологии в Республике Таджикистан только развиваются, уже видно их повсеместное распространение среди населения Таджикистана. Люди активно пользуются возможностями новых технологий, таких как социальные сети, мобильные мессенджеры, поисковые системы и т.п.

Таблица 1. Пользователи интернета в РТ за последние 2 года

Год	Население	% использующих интернет	Годовое изменение
2016	8,669,464	18.7%	8.67%
2015	8,481,855	18.3%	8.48%
2014	8,295,840	17.5%	7.52%

Другие цифры:

Купленные сим-карты в РТ (на янв. 2017): 9.59 миллиона чел.

Активные пользователи моб. Связи в РТ (на янв. 2017): 4.4 миллиона чел.

Самые популярные внутренние веб-сайты в РТ:

- news.tj
- topvideo.tj
- somon.tj
- nbt.tj
- torrents.tj
- fara.tj
- namba.tj
- toptj.com
- tajmifrant.tj

Самые популярные всемирные сайты и сервисы в РТ:

- google.com
- ok.ru
- yandex.ru
- facebook.com
- vk.ru
- mail.ru
- youtube.com
- yahoo.com
- lenta.ru
- wikipedia.com

Стоит отметить, что в списках выше доминируют зарубежные социальные сети и новостные сайты. Из государственных можно заметить только официальный сайт Национального Банка РТ, в который заходят в большей степени ежедневно из-за просмотра курса валют.

Имидж РТ в виртуальном пространстве: продвижения и недостатки

Чтобы узнать об имидже страны в новых медиа (нетрадиционные СМИ), достаточно зайти в самые популярные поисковые системы в мире. Такими являются, в первую очередь, google.com и популярная среди русскоязычных пользователей поисковая система

yandex.ru. В число популярных мировых поисковых систем также входят yahoo.com и bing.com.

Почему уровень имиджа РТ в нетрадиционных СМИ нужно искать в первую очередь в поисковых системах? Ведь в разряд нетрадиционных СМИ входят не только веб сайты и социальные сети. Ответ прост. Поисковые системы наподобие google.com – это не просто сайт для поиска нужной информации. Это сложная система, алгоритм для поиска, анализа, сбора и хранения всей информации, которая попадает в нее и далее выдается в качестве ответа пользователям, которые задают тот или иной вопрос. Все цифровые носители информации – от мобильных телефонов до компьютеров, и веб-сайтов – так или иначе связаны с поисковыми системами, а значит любой оператор оставляет постоянно определенные данные в нем через выше упомянутые устройства.

Чтобы иметь хотя бы минимальное представление о том, каков имидж нашей страны в интернете, достаточно ввести в поисковую систему слово «Таджикистан» и увидеть, что еще ищут люди с этим ловом. Ниже список данных поисковых запросов.

Ключевые поисковые запросы со словом «Таджикистан» в русскоязычном сегменте интернета:

- Таджикистан новости сегодня
- Таджикистан война
- Душанбе Таджикистан
- Таджикистан видео
- Таджикистан президент
- Таджикистан интересные места
- Таджикистан музыка
- Таджикистан карта

Ключевые поисковые запросы со словом «Таджикистан» в англоязычном сегменте интернета:

- DushanbeTajikistan
- Tajikistanpeople
- Tajikistanreligion
- Tajikistanlanguage
- Tajikistanculture
- Tajikistantourism
- Tajikistanpopulation
- Tajikistanpronunciation.

Как видно, в русскоязычном сегменте всемирной поисковой системы доминируют запросы информационно-политические, тогда как в англоязычном – туристические и культурные запросы.

Стоит отметить, что имидж страны в нетрадиционных СМИ зависит, в первую очередь, от качества публикуемого контакта в электронных носителях (сайты, странички, блоги, социальные сети). Уникальность текста, фотографий, видео и их качество играют важнейшую роль в продвижении имиджа страны в поисковых системах, т.к. только эти критерии помогают информации пробиваться на первые страницы поисковых ответов.

Задача поиска, каталогизирования и ранжирования информации в интернете возложена на поискового «паука» и поисковую систему. Каждая новая информация в интернете попадает в поисковую машину, где, исходя из более чем 700 критериев, ранжируется. Поэтому более качественно изготовленная и представленная информация выводится на ответах пользователей выше и чаще, чем более некачественные.

Бренд как часть имиджа

Среди самых наглядных примеров действенных мер для улучшения имиджа страны в виртуальном пространстве стоит привести меры Российской Федерации в данной сфере. РФ, как и другие технологически развитые страны, ведет активную деятельность, направленную на улучшение общественного мнения как о самой стране, так и о ее регионах, культуре, экономике. Среди таких мер можно отнести то, что многие регионы РФ имеют свой фирменный стиль как часть национального брендинга, а также качественные и полезные веб-сайты, сервисы, где можно получить нужный контент.

Рекомендации к продвижению имиджа РФ в виртуальном пространстве

В эру информационных технологий и быстро развивающихся новых нетрадиционных средств массовой информации для устойчивого развития всех сфер жизни общества и государства, для улучшения мнения мирового сообщества о стране и для развития сферы туризма государству необходимо всерьез задуматься об улучшении своего имиджа в мировом высокотехнологичном мере. Для этого нужно заняться поэтапными и систематическими мерами для развития сферы нетрадиционных СМИ в стране, поддержки

компаний, которые работают в этой отрасли, внедрения и использования данных СМИ в соответствующих государственных структурах.

Государство должно контролировать качество и своевременность работы элементов нетрадиционных СМИ во всех государственных структурах. В первую очередь это относится к официальным веб-сайтам министерств и ведомств страны, которые не отвечают современным требованиям веб-технологий. Многие из этих сайтов практически не обновляются, их навигация сложна, дизайн оставляет желать лучшего, а электронные почтовые ящики чаще всего не используются.

Должны создаваться качественные информационно-культурные сайты о Таджикистане, которые должны распространять на нескольких языках полезную информацию. Должны создаваться странички в социальных сетях, мобильных приложениях-мессенджерах специальные странички, которые будут делать то же самое, улучшая и умножая эффект.

Таджикистан, его города и туристические места должны быть узнаваемы. Они должны иметь свой бренд – современный фирменный стиль, веб-сайты и свое присутствие во всех электронных носителях информации.

Стоит отметить, что во многих современных социальных информационных технологиях продвижение бренда, места, новости на платной основе очень дешевое и эффективное. Т.е. каждый сайт, каждая страничка, открытая в просторах интернета, может быть популяризирована на платной основе. Например, эти платные услуги можно использовать для привлечения большого количества туристов в Таджикистан путём более широкого распространения туристической информации в новых медиа.

Как стало ясно, имидж страны играет важную роль в мире как в традиционных СМИ, так и в нетрадиционных. Устойчивый и позитивный имидж может содействовать успешному развитию сфер туризма, культурно-экономических аспектов деятельности общества. От имиджа страны зависит то, как другие народы будут к нам относиться и что будут думать о нас. При комплексных мерах и внедрении новых технологий, распространении полезной информации в обществе мы непременно получим долгожданный эффект.

Литература

1. Литвинов Н.Н. Бренд-стратегия территорий. Алгоритм поиска национальной идентичности (ч.2)
2. True Jacqui. Globalisation and Identity // Globalisation and Identity / Raymond Miller. – South Melbourne: Oxford University Press, 2006. – P.74. – ISBN 978-0-19-558492-9.
3. <http://ru.sputnik-tj.com>
4. <https://www.artlebedev.ru/>

РЕЗОЛЮЦИЯ

Международной научной конференции «Новые государства Центральной Азии в условиях Формирования полицентричного мира»

Заслушав и обсудив доклады специалистов Таджикистана, России, Кыргызстана, Казахстана участники конференции пришли к следующим выводам и рекомендациям:

1. Новые государства Центральной Азии играют все более активную роль в формировании современной системы международной и региональной безопасности;

2. Усилия по разработке, согласованию и реализации совместных проектов развития являются надежной основой для формирования нового, более справедливого миропорядка, отвечающего интересу благополучия и процветания всех народов региона и планеты;

3. Сохранение и дальнейшее развитие существующих механизмов сотрудничества в Центральной Евразии отвечает ключевым интересам всех стран региона;

4. К числу ключевых факторов, негативно влияющих на общее состояние стран ЦА, относится отсутствие масштабных, направленных на совместное развитие социально-экономических и гуманитарных проектов.

Участники конференции считают, что:

1. Необходимо использовать превентивную дипломатию в целях предотвращения разногласий и конфликтов;

2. Необходимо использование «мягкой силы» для практической реализации национальных интересов;

3. Необходимо выработка общей стратегии развития общества для повышения благосостояния жизни населения;

4. Необходимо углубить интеграционные процессы в регионе, восстановить транспортные и энергетические коммуникации;

5. Учитывая сложившуюся ситуацию, Республике Таджикистан необходимо активизировать внешнеполитическую деятельность с целью подготовки соответствующих документов для вхождения в состав ЕАЭС;

6. Важным и определяющим моментом является то, что для целенаправленной деятельности и борьбы с радикальными экстремистскими организациями необходимо обратить особое и серьёзное внимание на источники финансирования, на внутренние и внешние факторы их деятельности. В этой связи государствам Содружества Независимых Государств, государствам-членам ОДКБ, ШОС, так же как и образованному Евразийскому экономическому Союзу, необходимо будет предпринять ряд совместных мер кардинального и масштабного характера для прорыва в проведении социально-экономических реформ, развитии экономики, кардинального развития сферы образования в направлении использования современных инновационных и передовых технологий, воспитания культуры взаимного уважения, толерантности, дружбы и сотрудничества в обеспечении единой системы коллективной безопасности на ближайшие 5-10 лет. Анализ современных тенденций вербовки и финансирования радикальных организаций подтверждает острую необходимость разработки и решения государствами региона вопроса о совместном едином противодействии данному явлению с возможностью развития взаимодействия структур и интеграционных процессов, прогнозирование и предвидение развития событий в Центральной Азии - на южном фланге СНГ.

Группа по выработке проекта резолюции: Майтдинова Г.М., Дереникьян А.С., Умаров С.А., Сангинов Н.Н., Дубовицкий В.В., Ксенз А.С., Шарипов А.Н.

Технический редактор: Н. Тохиров

Компьютерная верстка: А. Тохиров

© Издательство РТСУ

Сдано в набор 25.10.2017. Подписано в печать 27.10.2017.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура литературная.
Формат 60x84_{1/16}. Услов. печ. л. 16,5.
Тираж 150 экз. Заказ № 292.

Отпечатано в типографии РТСУ,
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе,
ул. Мирзо Турсун-заде-30